

Gera
Jerebro

А
мы
с ЗЕМЛИ

Женя, типичный представитель далёкого будущего, жил в лесу, личинками питался да младенцев в инкубаторе выращивал, пока в один прекрасный день не познал на себе истину банальную: любовь зла — полюбишь и безмозглое создание, что хаос на планете навело и эксперименты по спасению человечества от вымирания с возрождением гендерных ролей устроило, дабы проверить: восстановится ли у добровольцев в «правильной» среде способность к естественному размножению, много веков назад утраченное? И ладно бы, оно Женю в дела свои не втягивало — так нет, втянуло, еще и последствия разгребать заставило!

Глава 1. Про взаимосвязь незваных гостей со стволовыми клетками

Женя, молодой человек шестидесяти четырех лет от роду, много чего не любил.

Яркое солнце, шумные места, мясо марала, мышей, запуск дифференциации стволовых клеток, беспорядок на рабочем месте и морсящий дождь.

Но больше всего он не любил гостей.

Даже если в качестве гостя выступал коллега, который приехал вроде бы как по делу. Он привез новый материал: уникальные гены, придающие радужной оболочке глаза необычную окраску. Какую именно, Женя так и не понял, надоедливый коллега по имени Воля утверждал, что цвет должен переходить от зеленого к синему, и даже прихватил с собой выращенный образец, и теперь на протяжении двадцати минут восторженно размахивал перед лицом чьим-то глазом. Судя по размеру, глаз должен был принадлежать крупному животному, форма зрачка явно свидетельствовала, что животное травоядное. Орган подсох на воздухе и сквозь белесую оболочку радужка смотрелась скорее светло-бирюзовой, чем сине-зеленой, что раздражало и без того взвинченного Женю — ему меньше всего на свете хотелось выслушивать бессмысленную болтовню и терпеть рядом чужого человека.

На утро у него были другие планы. Например, выспаться. А потом расчесать волосы. Проверить мышеловки, найти Фиму и накормить ее. Ближе к обеду приступить к работе и завершить дело, на которое ушло без малого полтора года. А после, с чувством выполненного долга, устроить себе отпуск, и пару дней не делать вообще ничего. Лежать, смотреть на небо и наслаждаться жизнью.

— Воля, — твердо перебил он бесконечную хвалебную тираду мертвому глазу. — Убирайся.

Женя не отличался особой вежливостью.

— Ну что ты злой всегда такой, ну дай посмотреть! Я мешать не буду, честно-честно, я вон туда, — Воля махнул в сторону рукой, едва не выронив злополучный глаз, — вон туда встану, и ты меня не услышишь, не увидишь, я тихонечко посмотрю и улечу, ну пожалуйста, что тебе, трудно, что ли?

Женя удовлетворительно хмыкнул. Смутные догадки подтвердились, и все окончательно встало на свои места. Теперь излишняя навязчивость коллеги не казалась странной — хитрый Воля заранее все подсчитал и приехал именно в тот день, когда по плану созревает плод! Со временем разве что ошибся, и появился на пол часа раньше.

— И вообще это несправедливо, я тоже хочу выращивать людей. Непосредственно, а не вот так, — доверительно добавил Воля, словно внезапно позабыл, что собеседник из Жени, мягко говоря, не очень.

— Если бы ты не страдал ерундой с радужками, не измерял длину ресниц у парнокопытных и не коллекционировал крылья млекопитающих, то, возможно, и добился бы высот. А теперь давай, пока.

— Женечка!

— Выход во-о-он там.

— Ну Женя! — воскликнул коллега и умоляюще округлил голубые глаза, отчего стал

выглядеть, как белёк, очаровательный детеныш тюленя. Светлые, обрамляющие лицо волнистые волосы, костюмчик небесного цвета и редкая щетина на подбородке только усиливали сходство. Коронный манипулятивный прием Воли, против которого мало кто мог устоять.

— Нет, — непреклонно ответил Женя. Тюлени ему никогда не нравились, а люди, похожие на тюленей — тем более.

— Же...

— Ш-ш-ш, — нервно зашипел он. Неприятности визитом коллеги не ограничились, и именно сейчас в голову поступил сигнал, довольно настойчивый и громкий, следовательно, важный. Личный лимит живого общения у Жени исчерпался минут пятнадцать назад, терпение было на исходе, но должность главного генетика северного округа обязывала ответить. — А? Чего там? — он мысленно принял сигнал и взглядом, полным ненависти, уставился на Волю. Поняв, что коллега уходит все еще не собирается, сам торопливо вышел из лаборатории и застыл на входе, вдыхая успокаивающий лесной воздух.

— Женя, привет, ты как? — излишне бодро отрапортовал Эн, верховный избранный Земли.

— Бывало и лучше. Что случилось? — напрягся Женя. Просто так Эн никогда не выходил на связь.

— Экстренное собрание, — тон сменился на серьезный. — Требуется твое личное участие.

— По поводу?

— По важному поводу. Женя, у нас за вчерашний день две смерти. Две! За день! Последний раз такое было...

— Около трех веков назад, — со вздохом закончил Женя. Он знал, что когда-нибудь это случится, и новость в целом не удивляла.

— Именно. С этим надо что-то делать. Мы на грани исчезновения! — завел Эн привычную пластинку.

— Почему нельзя провести общую трансляцию, как в прошлый раз?

— Обсуждение будет долгим. Нам всем нужно разработать стратегию — это во-первых, во-вторых, нашелся человек, который утверждает, что нашел возможный выход из положения. Женя, не упорствуй. Когда ты в последний раз выбирался из своего леса?

— Не помню.

— Как генетик, отвечающий за воспроизводство людей, ты обязан там быть. Завтра в два. Красная поляна, — твердо отчеканил Эн.

— Да понял, я, понял.

— Вот и хорошо, — смягчил интонацию собеседник, после чего быстро попрощался и прервал связь.

Жене же остро захотелось что-нибудь сломать. Подумать только! Куда-то лететь! Собрание! Уже завтра! Где будут люди, много людей, и все они будут что-то говорить, вслух! Обязательно случится перепалка, кто-нибудь всенепременно выведет его из себя, всякие неучи начнут задавать глупые вопросы, и по итогу останется только ощущение выжатости и невероятной усталости. Что может быть хуже?! Две смерти себе подобных не так удручали, да, есть такое свойство у людей, они иногда умирают и это нормально; а вот предстоящая поездка на другой край Земли из уютного, родного и безлюдного леса заранее вгоняла в тихую ярость.

Пнув сухую ветку и отследив ее полет, Женя развернулся и вошел в прохладную лабораторию. Солнце слабо пробивалось сквозь толстое потолочное окно, потому что деревья над ним разрослись и пустили густую крону, отбрасывающую плотную тень, а расчищать ее было, во-первых, лень, а во-вторых, он привык работать в умиротворяющем полумраке. Только сейчас расслабиться не получилось, потому что посреди личного неприкосновенного пространства все еще топтался чужак Воля. Более того, воспользовавшись уединением, он подошел к полупрозрачной стене инкубатора и напряженно всматривался вглубь, наивно пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть.

Женя сощурил глаза, намереваясь высказать коллеге все, что думает, но некстати в голове раздался очередной настойчивый стук.

— А?! — он принял сигнал и рявкнул вслух так резко и громко, что Воля подпрыгнул от неожиданности и выронил глаз — орган мигом затерялся в траве; обернулся и на всякий случай отошел от инкубатора подальше, к плотно утрамбованной земляной стене, испещренной змеями-корнями.

— Будем через пару минут. Все готово? — дружелюбно поинтересовался кто-то по ту сторону чипа.

— Почти, — выдохнул Женя, лихорадочно сверяясь со временем. Процесс следовало запустить еще минут пять назад. — Понял. Жду, — на ходу прерывая связь, он бросился к инкубатору, настроился на него и взглядом загрузил экран.

Хотелось убивать. Потому что торопиться он не любил так же сильно, как и гостей.

— Что ты делаешь? — воодушевился коллега.

— Не твое дело.

— Ты его извлечешь? Сейчас извлечешь, да?

— Отстань, — Женя быстро подошел к дальней стене и проверил насос. Точнее, наружную его часть, выглядывающую из густо переплетенных корней. Убедившись, что все в порядке, запустил его. По проводам энергия из многовековых деревьев собралась воедино, и лабораторию наполнил тихий гул.

— А дашь мне подержать? Ну можно же? А можно я трансляцию Роме отправлю? Можно-можно-можно, да? — Воля хвостиком ходил следом и одно что на пятки не наступал.

— Не мешай! И никаких трансляций.

— Ну Женя!

— Воля! Или умолкни, или убирайся! — прошипел сквозь зубы, стараясь не отвлекаться от загруженного внутреннего экрана, на котором крупным планом высвечивались текущие показатели состояния плода: пульс, давление, температура тела, мышечная активность. Первые минуты — критические, малейшее замешательство могло привести к фатальному результату. Вот только сосредоточиться в подобных условиях не получалось, что злило невероятно.

— Да-да, конечно. Ты не переживай, я не помешаю. И отвлекать не буду. Ой, смотри, а я его вижу! Какой же он маленький! Ну прелесть же, да, Жень? Ой какая прелесть! — Воля бесцеремонно выдвинулся вперед и присел на корточки перед толстым стеклом, за которым медленно убывала непрозрачная жидкость зеленого цвета. На ее поверхности показалась всего лишь спина и кусок плеча плода, но увиденного оказалось достаточно, чтобы коллега раскрыл рот от восхищения и наконец-то замолчал.

Жидкость быстро исчезла в боковом отверстии, и теперь уже не плод, а скрюченный на

дне ребенок вяло пошевелился. Упитанный, на вид здоровый. Сморщенная кожа, редкие волосы на голове, рыжие — феомеланин сделал свое дело. Показатели жизнедеятельности колебались в пределах нормы. Секунды через две в голове раздался щелчок — сигнал, что все прошло успешно. Женя шагнул вперед, ногой оттолкнул притихшего коллегу и осторожно выдвинул переднюю стенку инкубатора. Почти бесшумно она откинулась, и тут же ребенок, впервые почувствовавший кожей прохладный воздух, истошно закричал.

Женя утер пот со лба. Судя по крику, организм получился более чем удачный. Жизнеспособный. Конечно, будущего человека не раз сканировали и проверяли, тестировали и изучали образцы тканей, но невозможно предусмотреть всего.

Другие называли эти минуты чудом. Тайнством. Появление на свет нового человека — что может быть прекраснее? Но для Жени подобное происшествие давно стало рутиной. Всего лишь работа. Конкретно этот ребенок — четырнадцатый по счету, а волнение и замирание сердца при извлечении очередного младенца прекратились не то на пятом, не то на шестом ребенке. Привычным движением он натянул перчатку на руку, подхватил новорожденного и пальцем прочистил ему рот; другой рукой взял подготовленное с утра полотенце и ловко обернул верещащее тельце. Пронзительный крик отдавался резью в ушах. От младенца к инкубатору тянулась длинная корявая пуповина, которая автоматически перерезалась, когда полностью пустела изнутри. Вот-вот за ребенком должны были приехать люди из детского центра, и Женя нетерпеливо поглядывал на выход.

Продолжая вопить, младенец приоткрыл затекшие веки.

— Это фантастика! — ахнул под ухом Воля. — Какой цвет... как ты это сделал? Как?

— Я поставил зеленый и карий рецессивными... — не менее зачарованно ответил Женя, а взгляд его, как намагниченный, приковался к глазам новорожденного. Радужка получилась пятнистой, и на расстоянии казалось, что она переливается всеми цветами радуги. Никогда прежде ему не удавалось совместить сразу три цвета, да так, чтобы они все разом проявились — зеленый, голубой и карий.

Правда, другой глаз, левый, получился равномерно-коричневым.

— Веснушечки... сколько веснушечек! Ты веснушки, наверное, любишь, раз всем их доминантными ставишь?.. А волосы! А эти пальчики, ну разве у людей бывают настолько маленькие пальчики?.. а десны, смотри, совсем же зубов нет, а-а, я глазам своим не верю! Женя, дай его мне поддержать, ну пожалуйста, — всхлипнул Воля, утирая непроизвольно выступающие слезы.

— Нет, нельзя, — нахмурился Женя.

— Заберут же скоро, Женечка, ну дай, хоть на минуточку, Женя, — коллега потянул трясущиеся руки к ребенку — пришлось шагнуть назад, отчего пуповина натянулась, как струна. Раздался лязг — сработали лезвия. Пуповина безжизненно свесилась вниз и раскачалась; одновременно в лабораторию вошли еще два человека.

— Показатели?

— Норма, — с облегчением ответил Женя, передавая малыша работнику детского центра.

— Когда к следующему приступишь?

— Дня через два. Не раньше.

— Понятно. А ну что мы так кричим, тихо-тихо-тихо, — полностью переключившись на нового члена общества, работники утратили к присутствующим всякий интерес и, на ходу заправляя пуповину под полотенце, быстро вышли.

Женя устало привалился к стене и красноречиво уставился на поникшего Волю.
— Ты так и не дал мне его поддержать, — обиженно бросил коллега, прежде чем уйти.

Глава 2. Про не самое удачное селфи на фоне дикого медведя

Долгожданное одиночество не принесло удовлетворения. Перед глазами стоял грустный Воля, и от его образа становилось неуютно. Хотя Женья и знал, что поступил правильно. Коллега ниже по должности, его обязанности — следить за внутривидовым разнообразием и оттачивать навыки на животных, а не детей на руках держать. Но все равно червячок совести грыз изнутри, ведь если что-то не входит в обязанности, то это вовсе не значит, что совсем запрещено, и в принципе можно было бы и дать, а не стоять на своем исключительно из вредности...

«Почему я вообще об этом думаю?» — разозлился Женья, гоня прочь невеселые мысли. Запустил программу очистки оборудования, наспех навел порядок в лаборатории и вышел наружу.

— Фима! Фи-има! — позвал любимицу, но ее саму так и не дождался.

Добрел до оврага, осторожно спустился вниз, проверил мышеловки. Собрал пять мышек и одну крысу; крысу, конечно же, отпустил, а мышей связал за хвосты и переложил в банку. Спрятал добычу в прохладное место, под корни, чтобы до вечера упитанные грызуны не умерли на солнце. Фима предпочитала живое и громко пищущее мясо.

После забрался на любимое дерево, из выбитого углубления достал расческу, расплел тугую косу и долго, с упоением расчесывался. В распушенном виде иссиня-черные волосы опускались ниже пят, и распутывать их было делом приятным, но кропотливым. Постепенно ритмичные, однообразные движения, пение птиц и стрекот насекомых сделали свое дело, и Женья окончательно успокоился.

Разобравшись с волосами, встал на ветке и посмотрел вокруг. Лес радовал глаз сочной зеленью, приглушенный свет растекался по покрытой многовековым мхом земле, влажность от позавчерашнего дождя еще витала в воздухе. Прекрасный уголок, в котором он знал все до последней веточки, до каждого камешка на не приметном глазу тропинках. И уезжать отсюда даже на час — а наверняка собрание продлится дольше — совершенно не хотелось.

Женья вздохнул. Его воля, он никогда бы не покидал родной дом.

В голове раздался тихий разовый стук. Очередное сообщение. На сей раз от биоэнергетиков. Наверное, интересовались, почему так долго не было заявок. Оно, конечно же, отправилось к другим непрочитанным сообщениям, и стало восьмьсот шестнадцатым. По среднестатистической норме, для нормального функционирования общества конкретно к биоэнергетикам следовало обращаться минимум два раза в год, в другие службы примерно так же, итого куда-то что-то писать полагалось один раз в две недели, что для Жени было перебором. Он привык со всем справляться самостоятельно, и назойливые сообщения, которые приходили целых два раза в месяц, его неимоверно раздражали.

Захотелось есть. Чуткие уши уловили едва различимый шорох под корой, метрами двумя ниже. Женья спустился, сосредоточился, закрыл глаза, безошибочно определил точное расположение источника аппетитного звука, достал из нагрудного кармана жилета нож, поддел кору, после пальцами отодрал ее и вскоре отправил в рот питательную личинку, толстую и белую.

Личинка жвалами вцепилась в язык, а после лопнула под зубами. Вкусный сок вызвал

обильное слюноотделение, и Женя зажмурился от удовольствия. Чистый белок. Трех оказалось достаточно, чтобы чувство голода ушло.

Теперь проснулась жажда. Он прыгнул с дерева, по привычке присел в траве, осмотрелся, на всякий случай мысленно проверил красные зоны на виртуальной карте местности — ближе к вечеру активировались хищники, для удобства обозначенные на местности красным цветом. Никого опасного поблизости не наблюдалось, и Женя спокойно пошел к роднику, побродил вокруг ключа, надеясь увидеть яркую шубку Фимы. Она часто пряталась недалеко от воды, но, увы, не сегодня.

Стало волнительно. Животное немолодое, мало ли, что с ним могло случиться.

Еще раз внимательно осмотревшись, Женя медленно побрел к дому, защищенному от непрошенных лесных гостей стеной ультразвука. Спать еще не хотелось, браться за работу — тем более, поэтому он решил просто залечь в укромном уголке и погрузиться в глобальную сеть. Что-нибудь посмотреть, послушать, отвлечься. И уже предвкушая, как будет лежать и лениво просматривать последние новости, попутно забрасывая в рот вкусные ягодки черники, он услышал шум.

Подозрительный.

Метрах в ста-ста двадцати к югу.

Вроде бы, обычные звуки, тот же стрекот, тот же ветер, трель птиц и шорох листьев, но что-то шло не так. Женя насторожился, прижался к ближайшему стволу и быстро проверил местность. Перед глазами высветилась полупрозрачная карта, и в самом деле неподалеку обнаружилась хищница — медведица с медвежатами. Хищница часто бродила по окрестностям, и всегда вела себя более-менее спокойно. Сейчас же встроенный в нее чип фиксировал повышенный выброс адреналина в кровь, что настораживало. Женя переключился с виртуальной карты на карту спутника и максимально приблизил изображение, а приблизив, едва не поперхнулся.

Человек!

Кому-то хватило ума мало того, что притащиться в его неприкосновенный лес без предупреждения, так еще и залезть в самое логово дикого хищника. «Да чтоб она сожрала тебя!» — выругался он, продолжая, однако, наблюдать за перемещением чужака. Теперь сомнений не осталось, незнакомец в самом деле целенаправленно двигался к источнику повышенной опасности. Медленно, осторожно, наверное, полз, на нечеткой карте трудно было рассмотреть детали — движущаяся фигурка человека расплывалась цветными пятнами.

«С такими придурками мы точно вымрем!» — сплюнул Женя и собрался идти домой, но остался стоять на месте. Внутри началась настоящая борьба: с одной стороны, он понимал, что это не его дело и, если потенциальный самоубийца хочет самоубиться, так пусть убивается; а с другой стороны что-то настойчиво толкало пойти и спасти чужака от гибели. Нельзя оставлять представителей своего вида в беде. «Помоги ближнему своему» — мысль-аксиома, с детства внушаемая каждому человеку.

И Женя, пылая от ненависти к самому себе, бесшумно выдвинулся навстречу незнакомцу, ощупывая в кармане шершавую рукоять ножа. Если бы он знал, что так выйдет, то прихватил бы пистолет, заряженный тонкими иглами, обработанными парализующим ядом; проще ненадолго усыпить зверя, чем убить его не самым подходящим ножом.

Вскоре он тихо подтягивался на ветке, чтобы рассмотреть происходящее с высоты. К сожалению, пришел слишком поздно — чужак успел приблизиться к одному из медвежат почти вплотную; медведица еще не видела его, но чувствовала запах и заметно нервничала.

Неумный человек, щуплый, маленький и светловолосый, разряженный, как осенний попугай, очень медленно раздвигал ветви куста, за которым жевал малину медвежонок. Руки чужака украшали бесчисленные браслеты, кожаные и металлические, которые только чудом не гремели.

От напряженности момента у Жени все застыло внутри. Еще секунда, другая, и бестолковый медвежонок увидит человека, подаст сигнал матери, и тогда...

Три смерти за два дня — такого на Земле еще не бывало.

«И не будет!» — он решительно отпустил ветку, мягко присел в траве, отвел назад руку с зажатым ножом и замер, готовый в любой момент броситься вперед. И вовремя — браслет звякнул, медвежонок пискнул, медведица зарычала, раздался треск ветвей и леденящий рык; Женья вскочил рванул на подмогу. Его неожиданное появление перепугало чужака едва ли не сильнее, чем разъяренная хищница с оскалившимися клыками; от неожиданности руки незнакомца дрогнули, и краем глаза Женья заметил, как из них что-то выпало в траву. Блестящее, знакомой формы.

Заряженный пистолет!

У самоубийцы был пистолет, заряженный парализующими иглами, а теперь он остался совершенно беззащитным и, отступая назад, смертельно побледнел. Его тощая белая фигурка с выпученными глазами контрастно выделялась на фоне темной колышущейся листвы, и тряслась точно так же. Издали Женья запомнил, куда именно упало оружие, и на ходу сменил тактику: замедлился и юркнул под кустарник, чтобы медведица не отвлеклась на него, надеясь, что чужаку хватит ума спастись бегством. Ему ума хватило, и напролом через ветви, с треском и грохотом, он стрелой помчался в чащу; раззадоренная медведица бросилась за ним, а Женья, воспользовавшись моментом, двумя прыжками настиг места, где секунд пять назад чужак обронил пистолет, и лихорадочно зашарил в траве рукой, неотступно наблюдая за погоней.

Сердце колотилось, как ненормальное. От рыка зверя кровь стыла в жилах, хищница оказалась значительно крупнее, чем он предполагал — такую ножом колоть, только провоцировать. Ее массивные мышцы перекачивались под толстой шкурой, с шерсти летели клочья грязи, и бежала она резво и быстро; незнакомец же бежал слишком медленно, и лапа с длинными когтями уже чуть было не нанесла ему сокрушительный удар. Чужаку повезло. Отскочил, спрятался за ствол. Но это разовое везение.

Пальцы наткнулись на что-то жесткое. С пистолетом наперевес, положив палец на курок, задыхаясь и понимая, что в запале потерял нож, Женья со всех ног побежал к пока еще живой жертве. Чужак споткнулся о вездесущие корни, упал, тут же поднялся, но заминки оказалось достаточно, чтобы зверь настиг его и мощной лапой нанес скользящий удар по бедру — одежда разорвалась, а на коже остались четыре глубокие борозды, из которых потоком хлынула кровь. Трава покрылась алыми каплями, в нос ударил едкий запах металла. Хищница разинула пасть, готовая вцепиться в горло пойманной жертве; чужак сжался и только сейчас подал голос. Закричал.

— Стоять! — на последнем прыжке Женья нажал на курок и вогнал иглу в толстую кожу зверя на спине. Медведица замерла, опустила лапу, начала поворачивать огромную косматую голову, и не успела. Мощный яд сделал свое дело, и она рухнула на землю. Под весом ее тела земля дрогнула под ногами; налитые кровью глаза бессмысленно уставились в небо.

— Дозировка?! — схватив чужака за руку и бегом уводя его с опасной поляны, рывкнул

Женя.

— Две-три минуты, — хриплым от волнения голосом ответил тот.

— Черт, — Женя ускорился, боясь, что раненный не сможет идти быстро: тогда за две минуты далеко не уйдешь, и по горячим следам хищник быстро их выследит. Но незнакомец, к удивлению, бежал вполне бодро.

Через две минуты они отбежали достаточно далеко, и за преследование можно было не беспокоиться. И вот теперь, когда опасность миновала и сердце немного утихомирилось, Женю поглотила неудержимая злость. Он резко остановился, дернул незнакомца за руку, разворачивая лицом к себе, и набрал побольше воздуха, чтобы выплеснуть все, что накопилось.

— Т-с-с-с, погоди, мне надо отменить сигнал тревоги, — опередил его чужак и прикрыл глаза. Женя только сейчас заметил, что они ярко-алого цвета, как у крысы. После, как ни в чем не бывало, нагло и с нескрываемой досадой в голосе красноглазый добавил: — Ты мне все испортил!..

— Я? Я?! Я, испортил?! — не сразу отреагировал Женя. От возмущения все слова позабылись, воздух со свистом вышел из легких.

— Ну не я же, — невозмутимо пожал плечами обнаглевший. — Если б ты не вмешался, я бы тихо-мирно запечатлел детеныша, возможно, усыпил бы медведицу, но нет, у нас тут спасатель завелся. Тебе что, делать что ли нечего? Или жить надоело?

— Ты... ты... ты!

— Вода где? — ненормальный нагнулся и пальцами зажал одну из кровоточащих ран. Женю передернуло, но чужак даже не поморщился.

— Вода? Да я тебе сейчас такую воду... такую воду покажу! — его натурально затрясло. — Ты что вытворяешь?! Запечатлеть детеныша!!! Тебя сожрать могли! Придурок, безмозглый придурок, да ты как... как голубь, и тот поумнее будет! Для каких, спрашивается, придурков, в глобалке под миллиард изображений лежит?! — прорвало Женю, и постепенно его гневный крик становился все тоньше. — Придурок!!!

Перепуганные птицы, каркая, разлетелись над головой.

— Ладно-ладно, не ори. В сети неинтересно. Так адреналин не то, чтобы в меньших пропорциях, а вообще никак не выделяется, — скривился красноглазый.

«Он и правда, как крыса», — подумал Женя, рассматривая симпатичные веснушки на лице чужака, а вслух сказал:

— Убирайся.

— Весь гравиталет кровью залью. Не. Давай подождем, пока тромб не образуется.

— Ты издеваешься?

— Никоим образом. Видишь, кровь течет? Она стекает вниз. И если подо мной будет дно гравиталета...

— Давай, поясни мне за гравитацию. У-би-рай-ся.

— Слушай, Женя, что ты злой такой? — крысеныш присел на корточки и с треском отодрал нижнюю часть рыжей штанины. Куском ткани попытался перевязать рану. — У тебя что ли среда неблагоприятно наложилась на аллели гена MAO-A? — спросил и мелко затрясся от смеха. Короткие, почти белые волосы слиплись от пота и запрыгали в такт беззвучному веселью.

Женю перекорежило. Подобная остроумная шуточка в его адрес прилетала, наверное, раз сто пятидесятый. Он хотел ответить в подобном ключе, но тут сообразил кое-что еще:

— Погоди-ка. Откуда ты знаешь мое имя?

— Так ты в списке участников завтрашнего собрания. Я и прилетел, почву прощупать хотел, познакомиться, поговорить, на мишек вот отвлекся, а ты взял и испортил вообще все.

— Полный список участников не знают даже сами участники, только организаторы. Ты кто? — проглотив замечание, подобрался Женя.

— А я вот все бросил и сказал. Нет уж. Ты на меня орешь, оскорбляешь, выгоняешь. Вот завтра и узнаешь.

— Хм... ты не чувствуешь боли. Другой верещал бы от подобных порезов, а ты ковыряешься в них пальцами и даже не морщишься. Особи с редуцированными болевыми рецепторами были выращены... погоди-ка... более двух веков назад. Нововведение признали неэффективным из-за повышенного риска смертности и отменили. Итого на свет произвели девять человек. Восемь из них, насколько мне известно, уже мертвы. Остаешься только ты, — Женя самодовольно хмыкнул, прикрыл глаза и по заданным параметрам выполнил поиск по населению. Увы, все личные данные найденного человека оказались закрыты.

— Ну как? — чужак перевел взгляд от разорванной ноги на Женю и невинно захлопал ресницами.

— Личку закрыл. Это сколько же тебе лет-то? — с еще большим любопытством осмотрел незнакомца. Ничего в нем не выдавало солидного возраста. — Я вот чего не понимаю. Как ты умудрился прожить столько лет без мозга?

— Ну все, хватит уже, — обиженно засопел красноглазый. Неторопливо снял один из кожаных браслетов с плеча и перетянул им ногу.

— Так ты чего хотел-то? — смягчился Женя.

— Честно говоря, мне завтра поддержка понадобится. От значимого человека. Иначе меня всерьез не воспримут. А тебя хоть и недолюбливают, но уважают.

— Поддержка в чем?

— Неважно, — второй браслет перехватил ногу. — Сомневаюсь я, что ты мне поможешь.

— Ну а вдруг?

— А если вдруг, то возьми и поддержи, — уклончиво ответил гость.

Женя заметил, что меры с браслетами помогли, и кровь из раны незнакомца прекратила сочиться. Следовательно, гравиталет не испачкается. А это значит, что гость вот-вот, к сожалению, наконец-то уберется.

— Может, тебе помочь? Зашить там, или идем, к воде провожу. Тут близко совсем, — неожиданно предложил он.

— Да не. Я ж вижу, что ты гостей не очень жалуешь. Не буду больше тебя бесить. Пора мне, пожалуй.

— Нет-нет, я это серьезно. Да и не бесишь ты меня. Раздражаешь.

— Да не волнуйся. У меня нанороботов в полуторном количестве от нормы. Надо же отсутствие рецепторов компенсировать.

— Ну ты смотри, если что, так...

— Да я бы с радостью. Только поздно уже, а мне к завтрашнему выступлению подготовиться надо.

— А-а...

— Да ты не расстраивайся. Завтра же увидимся. Кстати, — красноглазый встал на ноги, отряхнулся от листьев, посмотрел Жене в глаза и очаровательно улыбнулся. — Спасибо, что

пришел помочь. У меня от твоей помощи такой мощный выброс адреналина случился, что месяца на два точно хватит. Руки вон, до сих пор трясутся, — он выставил вперед обе руки, которые и правда мелко подрагивали.

Женя смотрел на них, думал о крысах и о том, что вовсе не расстроился, было бы из-за чего; и вдруг понял, что тоже улыбается. Более того, гость так сильно захватил его внимание, что бдительность усыпилась, и подлетевший со спины гравиталет заставил вздрогнуть. Наглый крысеньш юркнул в блестящий яйцеобразный аппарат, от которого почему-то веяло морозной свежестью, махнул на прощание рукой и взмыл в небо, ловко лавируя между ветвями, а Женя еще долго стоял и смотрел на кусок пропитанной кровью штанины в траве. Минут через пять очнулся от наваждения, фыркнул: «Крыса!», резко развернулся и пошел домой.

Глава 3. Про программу социализации детей и важнейшее собрание всея Земли

Главное — говорить убедительно. Харизматично и активно жестикулируя. Человек существо стадное и ведомое, дай ему лидера, пообещай, что сможешь решить все проблемы, и за тобой пойдут.

Говорить при этом можно какой угодно бред. Наверное.

Только вот мысли еще со вчерашнего вечера не могли сосредоточиться на съезде. Какой уж там! Кусочек угля, зажатый в пальцах, быстрыми штрихами выводил на идеально белом листе монохромного человека — штрихи горизонтальные, штрихи вертикальные, и готова толстая коса; лицо с густыми бровями, которые и в расслабленном состоянии казались нахмуренными; прищуренные глаза, темно-карие, почти что черные; невероятно густые ресницы; ухо, как отлитое из платины, идеальной формы, с девятью кольцами по краю. Одежда черно-белая, с вкраплением серого — тут нажим на уголь пришлось ослабить — обувь, конечно же, с умной подошвой, мгновенно принимающей рельеф поверхности, что усиливало сцепление с поверхностью и устойчивость. В лесу в иной банально не выжить.

Так, что еще? Прикрыл глаза, напряг память, просмотрел короткую запись. Родинки!

Тут, на шее, ровное, четкое, и тут, на запястье, и на губе, на верхней. Мышцы обозначить, вот тут, на бедре, и здесь, на плечах. И голень, голень, эта восхитительная голень, с выпуклыми икрами, а чего ожидать, в лесу без хорошей физической подготовки никак. Выражение лица — равнодушно-самодовольное; короткая линия приподняла уголок очерченного рта в едкой усмешке; рисуя, зажмурился от удовольствия и поерзал на сидении. Вот теперь точно все!

«Тук-тук-тук!» — застучало в голове.

— Привет! Ты летишь? — спросил Эн.

— А? Ну да, конечно, пять минут, и я на месте! — спохватился, выронил уголь, вскочил, пробежался по пещере, подкинул дров в камин, обошел кучу разномастного хлама и выбрался наружу. Прищурился от ослепительного света. Хрустя свежим снегом, добежал до гравиталета, быстро заскочил в него и на полном ходу полетел на Красную поляну.

— Трансляция, пожалуйста, активируйте общедоступную трансляцию! — громко объявил Эн, заметив последнего прибывшего. — Рассредоточитесь по поляне, освещайте событие со всех сторон. Женя, подойди ближе, — сказал громче, чтобы угрюмый генетик, сидящий за пределами поляны на поваленном дереве, смог его расслышать.

Подождал, когда люди разойдутся, рассядутся и утихнут. Шикнул на громкоголосого ребенка, привезенного из детского центра в рамках программы социализации. Вскоре на открытой поляне наступила тишина.

— Друзья! — помпезно начал Эн, когда собравшиеся сосредоточились на нем. — Как вы все знаете, человечество настигла катастрофа...

— Я не знаю, — пискнул ребенок, очаровательное русое создание лет восьми с огромными, зелеными глазами. Сопровождающий из детского центра широко развел руками — ребенок, мол, что поделать.

— Порядка тысячи лет население стремительно сокращается, — продолжил он. —

Инкубаторы не справляются с нагрузкой, смертность давно превысила рождаемость. И на этой неделе случилось то, чего мы все боялись. Две смерти в один день.

— Что такое смерть? — спросил ребенок.

— Это значит умереть. Видишь, бабочка? — сопровождающий наступил на нее ногой. — Вот теперь она умерла. Больше не будет летать, есть. Нет ее. Трупик.

— А-а, — ребенок подобрал раздавленное тельце и задумался. Медленно начал обдирать крылышки и утратил к собранию интерес.

— Две смерти. В один день. Показатели превышены в несколько раз. Оли, приведи, пожалуйста, статистику рождаемости и смертности.

— Рождаемость на текущий период — семнадцать человек в год. Смертность — шестьдесят два человека. Общее количество населения — сто три тысячи шестьсот восемнадцать человек, — лениво протянул специалист по демографии. — В сравнении с прошлым периодом показатели смертности ухудшились более, чем в полтора раза.

— С каждым годом показатели ухудшаются. Если так пойдет и дальше, то через полтора-два тысячелетия мы попросту вырем!

По поляне прошелся тихий возмущенный гул.

— Почему бы нам просто не увеличить число инкубаторов? — закономерно спросил кто-то из толпы.

— Мы постоянно создаем новые. Но это процесс непростой, старые то и дело выходят из строя, специалистов не хватает. Возможно, к концу года в строй вступят два инкубатора, сейчас идет тестирование, — раздраженно отозвался главный инженер.

— Мы можем увеличить их количество и активно этим занимается. Возможно, через пару десятилетий рождаемость увеличиться на два-три человека в год. Но это ничего не даст, если не снизить уровень смертности или не найти альтернативный источник рождаемости. Наши генетики работают на износ, сейчас на нового человека затрачивается в среднем полтора года...

— Почему так много, если плод формируется всего девять месяцев?

— Потому что, — с нескрываемой злобой в голосе ответил Женя, — потому что в каждого нового человека необходимо внести отличительные видовые признаки. Собрать принципиально отличную ДНК, уникальную. Иначе планета будет населена клонами, что противоречит единому общеземному закону о видовом разнообразии. Ты хочешь, чтобы Землю населяли клоны?

— Да я просто так спро...

— А каждый встроенный признак должен пройти тестирование. Иначе мы рискуем вырастить мутанта, а не человека. Ты этого хочешь? Раньше на создание младенца уходило минимум два года, сейчас всего полтора, мы на износе, я не могу себе позволить даже недельного выходного, и ты недоволен?

— Женя, спокойно, — поспешно перебил его Эн. — Но он прав. Создание человека — процесс сложный и медленный. Дополнительные инкубаторы могут решить проблему, но со временем. А плачевная ситуация у нас сложилась уже сейчас.

— И что делать? — поинтересовался взволнованный ребенок. Крылья у бабочки кончились, а тельце отправилось в рот.

— Нам необходимо воскресить давно исчезнувший у нас признак. Способность воспроизводить себе подобных естественным путем.

— Это то есть... погоди-погоди. Размножаться? Беременеть в смысле? И осеменять?

Это как животные? — подал голос массивный человек, представитель оперативной группы спасателей. Кира.

— Именно.

— Невозможно, — хмыкнул биолог. — Уже несколько тысячелетий люди не способны размножаться. С тех самых пор, как иммунитет нам заменили нанороботы, а в мозг встроили универсальный чип. Мы био-социо-кибернетические существа. Какое размножение? Это смешно!

— Да, но — почему мы не можем размножаться? — Эн подошел к биологу ближе.

— Элементарно. Репродуктивные органы не развиваются. Вторичные половые признаки, за редким исключением, отсутствуют. Мы, как это понятнее объяснить — не взрослеем. По сути, мы все, в физическом смысле этого слова, останавливаемся в развитии в подростковом возрасте. Вечная молодость. Мы победили процессы старения, мы научились выращивать новые органы и заменять ими изношенные или поврежденные, основная причина смертности у нас — несчастные случаи и халатное отношение населения к здоровью; мы не знаем инфекционных болезней, но цена за это — неспособность размножаться. Мы не выживем без современных технологий. Инкубаторы — наша единственная возможность воспроизводить себе подобных. Без альтернатив.

— Да, но — почему мы не созреваем?

— А вот это вопрос спорный, — подключился человек из технического отдела. — Считается, что виной тому нанороботы, останавливающие процессы старения, но эксперименты на животных не дали того же результата. Вероятно, есть и другие факторы. Есть теория, что так сложилось в ходе эволюции. Альтернативное размножение со временем вытеснило размножение естественным путем, репродуктивные органы стали рудиментными...

— Еще предположения есть?

На поляне воцарилась тишина. Люди переглянулись друг с другом и выжидательно уставились на Эна.

— Друзья, — продолжил он, когда напряжение на поляне достигло пика. — У меня для вас хорошая новость! Сегодня, впервые за долгие годы, у нас появился реальный шанс исправить ситуацию! Слово предоставляется Гере, антропологу, посвятившему последние пятьдесят лет жизни изучению человека разумного, нашего прямого предка.

Взгляды присутствующих направились на маленькую взлохмаченную фигурку бывшего подопечного. Он неторопливо поднялся, отряхнулся, многозначительно посмотрел по сторонам и важно изрек всего одно слово:

— Среда.

Ну не мог он обойтись без театральности.

— Поясни, — нетерпеливо потребовал кто-то.

— Так все очень просто, — говорящий прошелся вперед-назад. — Посмотрите вокруг, — обвел рукой поляну. — Как мы живем? Мы слишком далеко отошли от природы.

Следуя взглядом за его рукой, Эн осмотрел поляну. Люди сидели вразвалку, кто на чем — на земле, на поваленном дереве, ребенок лежал на животе в траве. Спасатель и психолог отошли в сторонку и изучали друг друга; человек из технического отдела методично что-то жевал, генетик смотрел на говорящего и хмурился, биолог выпутывал из волос хвою. По краю поляны парили гравиталеты. В крови каждого присутствующего бушевали микророботы, а в голове сидел чип, позволяющий в любой момент выйти в глобальную сеть,

загрузить карту местности — виртуальную или спутниковую — или связаться с себе подобными. На данный момент у всех была активирована прямая трансляция, и глазами собравшихся за ходом собрания наблюдала вся Земля.

Действительно. Они слишком далеко отошли от природы.

— И дело не только в техническом прогрессе. Дело в самих людях. В том, как мы живем. Как социализируемся. Вы не задумывались, что с самого рождения человек подвергается мощному воздействию социума, идущему вразрез с его природой?

— А какова природа человека? — хмыкнул биолог. — Нам это не известно.

— Ну почему же? — Гера подошел к нему ближе. — Кому, как не тебе, знать, что изначально люди рождаются с нулевой эмпатией и повышенной агрессией. Маленькие люди лет до трех лупят окружающих и друг друга всеми подручными средствами. Что делаем мы? Давим агрессию на корню.

— Это не полезное качество, зачем культивировать то, что мешает нормальному функционированию общества? — отозвался сопровождающий из детского центра.

— Это только маленький пример, один из сотни. Агрессию мы подавляем, правда, не всегда получается, — тут юркие красные глаза мельком посмотрели на генетика, отчего тот плотно сжал губы. — Но что, если мы подавляем и другие, заложенные природой, качества? Не вредные, а полезные? Что, если наша искусственно созданная среда настолько противоречит природе человека, что механизмы, способствующие тому же естественному продолжению рода, попросту не запускаются?

— Бр-р-ред, — протянул спасатель, Кира, на мгновение отвернувшись от психолога.

— У человека в принципе нет заложенных механизмов, нет инстинктов, так, пара примитивных рефлексов, — поддакнул психолог. — Все исчезло. Хвала разуму.

— Инстинкт самосохранения, и тот под вопросом. Иначе у нас не было бы столько смертей. Но люди тонут, падают и разбиваются, калечатся, не заменяют вовремя органы, попадают в зубы хищникам и так далее, — подключился инженер.

— А почему мы не сделаем людям крылышки, как у бабочек? И швабры, как у рыбок? Тогда тонуть и разбиваться никто не будет, — спросил ребенок.

— Жабры, — поправил его сопровождающий. — У человека другие видовые признаки, смешивать их нельзя. Вот это уже будет истинным нарушением человеческой природы, — с сарказмом добавил.

— Да и потом, мы понятия не имеем, какова наша правильная природа, если она вообще есть. Все данные были стерты катастрофой, случившейся сотню тысяч лет назад и уничтожившей почти все человечество, и как оно там все было, мы можем только догадываться, — разумно сказал Оли, специалист по демографии.

— В том-то и дело! — воскликнул Гера. — Есть такие данные! Друзья, как вы все знаете, я — антрополог, и последние пол века посвятил жизнь изучению наших предков, людей разумных. Да, дело долго не двигалось с мертвой точки, но в прошлом году случился большой прорыв. Мне удалось восстановить и расшифровать электронный носитель, возраст которого исчисляется сотней тысяч лет!

Люди переглянулись, в их глазах загорелось любопытство. По рядам прошелся тихий, одобрительный рокот. Все сдвинулись к центру поляны, а недоверчивое выражение лиц сменилось на сосредоточенно-заинтригованное. Эн почувствовал напряжение в голове — сейчас количество наблюдающих за собранием его глазами достигло максимума.

Вся планета, затаив дыхание, следила за происходящим.

— Да, но, даже если мы и восстановим естественную среду обитания, где гарантии, что это поможет? — спросил он.

— Гарантий нет, но и полностью это не исключено.

— А что там было-то? В источниках? — спросил ребенок.

— О, много чего, — улыбнулся говорящий. — Дня через три я выложу расшифрованные данные в общий доступ. Сейчас вся информация строго конфиденциальна. Почему — скоро узнаете. Но скажу главное. Наши предки могли размножаться. Помимо первичных, у них были хорошо развиты и вторичные, и третичные половые признаки.

— Что за третичные? — хмыкнул биолог. — Новое слово в науке?

— Поведенческие. Понимаю, что звучит странно, но поведение предков четко разграничивалось по полу. Вплоть до того, что тогда существовало выражение «Маскулины с Марса, фемины с Венеры», не буквальное, конечно, но весьма красноречивое. Фемины разительно отличались от маскулин. Внешность, задачи, сфера ответственности — все было поделено. И, я уверен, неспроста.

— Звучит не странно, а феерично бредово, — облизывая шею психолога, заметил Кира.

— Это как ролевые игры. Несерьезно, — добавил Оли.

— Марсы, Венеры... с Земли мы, — фыркнул инженер.

— С точки зрения психологии, разделять поведение не по способностям, а по таким независимым от человека признакам, как цвет глаз или пол — абсурдно, — горячо дыша, сказал психолог.

На поляне то тут, то там раздались и другие разумные возражения; воодушевление Геры плавно сошло на нет, а плечи поникли.

— Не так уж и бредово, — на защиту бывшего подопечного неожиданно встал Женья. Он поднялся, подошел к антропологу, медленно осмотрел его с ног до головы. — Среда действительно имеет огромное значение. Многие животные не размножаются в неволе, но прекрасно плодятся на свободе. Почему? Среда не та. Многие виды рыб затормаживают развитие, дожидаясь подходящих условий. Примеры есть. К тому же, в генах человека имеется все необходимое, чтобы запустить процесс размножения, но он не включается, а почему? Не потому ли, что мозг не дает нужную команду, а почему он ее не дает? Не потому ли, что, с его точки зрения, в подобных условиях вырастить потомство невозможно?

— Именно. Мы не узнаем, пока не проверим! — поддакнул Гера, встав плечом к плечу к генетику.

— Сравнивать человека с рыбками не очень умно, — хихикнул инженер. — Ты бы еще обезьянок в пример поставил. Шимпанзе там, бонобо. Пруфы где?

— А мы про среду говорим, и я просто привел возможные примеры, что на других видах это работает, я не проводил прямой корреляции, — вскипел Женья. — И, кстати, у тебя с кактусом шестьдесят процентов генов совпадают, помни об этом.

— Так, хорошо, Женья, успокойся, пожалуйста. Что ты предлагаешь? — Эн обратился к Гере.

— Провести эксперимент! — на этих словах глаза бывшего подопечного вспыхнули нездоровым огоньком. — Разумеется, не на всей планете, а на группе добровольцев. Мы создадим подходящие условия, сформируем две семьи. Семья — это союз двух человек. Проведем участникам инструкцию по поведению. В каждую семью поместим по ребенку. Поселим отдельно от всех, воссоздадим дома по древнему образцу, максимально приблизим условия к естественным. Ориентировочный срок эксперимента — восемнадцать лет, да, это

немало, но именно столько лет по меркам предков должно исполниться человеку, чтобы общество признало его взрослым и самостоятельным. И посмотрим, что из этого выйдет. Возможно, у самих участников механизмы не запустятся, но дети, воспитанные в правильных условиях, имеют все шансы вырасти полноценными людьми, способными размножаться!

— В целом... в целом, мы ничего не потеряем. И, как знать, возможно, это сработает, — задумался биолог.

— Звучит интригующе, — добавил ребенок.

— В нашей ситуации хороши любые средства. Почему бы и нет? — подключился Оли.

— Да и восемнадцать лет — не так уж и много... На деле все не так страшно. Но я там участвовать, конечно же, не буду, — слова принадлежали инженеру.

— А каковы будут критерии отбора? — спросил Кира-спасатель, медленно раздевая психолога.

— Критерии разрабатываются. Но, прежде чем их разработать и утвердить, в соответствии с пунктом седьмым общеземного закона, нужно получить согласие населения на проведение эксперимента. Предлагаю провести опрос, — ответил Гера.

— Дорогие друзья! — не теряя времени, громко сказал Эн, обращаясь не столько к присутствующим здесь, сколько к наблюдающим за поляной посредством трансляции. — Сейчас будет запущено голосование. Просьба к каждому жителю планеты хорошо подумать и высказать свое мнение. Отнеситесь к голосованию максимально серьезно! Помните! В случае неблагоприятного исхода ответственность ляжет на всех нас. Повторяю еще раз — именно сегодня, здесь и сейчас, всем нам необходимо сделать выбор, который, возможно, станет важнейшим историческим событием тысячелетия! Итак, начнем...

Он прикрыл глаза и мысленно создал график, где зеленым обозначались ответы «за эксперимент», а красным — «против». Уже через несколько секунд зеленая шкала значительно превысила красную. Через минуту проголосовало более восьмидесяти процентов населения.

— Долой консерватизм, — прошептал под нос ребенок, голосуя «за».

— Шанс войти в историю... меня запомнят... Саша никуда не денется... — задумался Кира и ответил «да».

«А почему бы и нет?» — сам Эн тоже ответил положительно.

— Восемьдесят девять процентов за, — объявил он результат две минуты спустя. — Почти единогласно. Решено — эксперименту быть, — на этих словах бывший подопечный одно что не подпрыгнул от радости, а от обилия виртуальных комментариев загудело в голове. — В таком случае, давайте обсудим первичные организационные вопросы... Гера, сколько времени тебе понадобится на разработку критериев для отбора участников?

— За день управлюсь. Но мне потребуется напарник, для обсуждения спорных вопросов.

— У тебя есть кандидат на примете?

— Конечно. Женя, как первоклассный специалист, отлично подойдет. Если он, конечно, не против.

Бывший подопечный хитро сощурился.

— Женя, ты согласен?

— Да, — не сразу и как будто через силу, но все-таки согласился он.

— Хорошо. Буду ждать от вас пробный тест на утверждение, и, Гера, сегодня же пришли

мне все расшифрованные сведения. Строители, вы на трансляции? — дождался положительного ответа. — Сразу после собрания отправьте ко мне человека. Текстильный отдел, жду вас у себя утром. Рэй, — обратился к ведущему работнику детского центра, — загляни ко мне вечером. И на этой ноте, — повысив голос, Эн обратился ко всей планете. — На этой ноте наше внеочередное собрание объявляется закрытым. Отслеживать дальнейший ход и процесс организации эксперимента вы можете на моей личной странице, данные будут обновляться каждые полчаса. И напоследок, как всегда, напоминаю всем жителям планеты — люди! Берегите себя. Настройте ваши чипы на автоматическую подачу сигнала опасности. Будьте внимательны. Помогайте друг другу. Пройдите полное медицинское обследование. Оперативные группы — перейдите на экстренный режим. Сколько человек мы смогли бы спасти, если бы спасатели успели прилететь вовремя? Детский центр — включите в программу дополнительный курс лекций о правилах безопасности, социальные службы — запустите ролики о важности взаимопомощи. Остерегайтесь красных зон, не рискуйте понапрасну, озаботьтесь средствами самозащиты. Техники — проверьте все гравиталеты на безопасность. Медики — возведите центры в труднодоступных местах. Генетики — постарайтесь сократить сроки тестирования. А вам — удачной разработки, — последние слова предназначались Гере и Жене. — Всем спасибо за внимание и удачи.

Эн утер капельки пота со лба и первым направился к краю поляны.

Глава 4. Про критерии отбора участников и криокамеры

— А что вы делаете? — спросил любопытный ребенок. Светленький, с контрастными глазами, наверняка выращенный в южном инкубаторе. Местный верховный генетик питал страсть к светлым людям.

— Это прелюдия, — пояснил разгоряченный психолог.

— А-а.

— Всем своим! Переходим в режим повышенной готовности! — громогласно говорил спасатель, поглаживая подвернувшегося партнера. Мощный человек, гора мышц, смазливое лицо. Мог бы отдать распоряжение и мысленно, но, наверное, ему нравилось привлекать внимание.

Другие разбредались по поляне, горячо обсуждая собрание; кто-то уже улетел.

А довольный Гера топтался рядом с Женей и не знал, с чего начать. Ему просто нравилось смотреть на генетика и эстетически наслаждаться, а еще больше нравилось чувство легкой растерянности, разливающееся внутри, совсем свежее, и оттого особенно яркое. Он испытывал его много раз, больше сотни точно, потому что в молодости был очень любвеобильный. Но годы шли, оно приходило все реже, а последние пол века и вовсе куда-то запропастилось. Забылись и предыдущие партнеры, потому что он предпочитал пользоваться памятью, данной природой, а не дополнительной искусственной. Человек десять Гера еще смог бы описать достаточно детально, а остальные — смутные, расплывчатые образы с обрывками имен. А Женя — что-то новое, необычное и угрюмое, притягательное. Замкнутое, и эту замкнутость всенепременно хотелось разомкнуть, чтобы узнать, что там прячется внутри.

Своего рода азарт. Это как покорить очередную вершину.

— Ну и? В жизни не поверю, что тебе на самом деле не с кем посоветоваться, — Женя сложил руки на груди и одарил его высокомерным взглядом. Таким на забавных зверушек обычно смотрят.

— И ты абсолютно прав!

— Ну и зачем тогда я тебе понадобился?

— Нельзя же быть таким недогадливым. Во-первых, я по тебе соскучился, а во-вторых, это прекрасный повод затащить тебя к себе. Официальный, так сказать, чтобы тебе сложнее было отказаться. Да и потом, я просто предложил, ты сам согласился, и какие ко мне могут быть претензии — не понимаю.

Тут Женя развел руками, наверное, не найдя, чем можно возразить.

— Да не бойся ты так, — снисходительно сказал Гера. — Это будет исключительно рабочий визит, по исключительно рабочим вопросам. Ничего личного. Но если ты передумал, то...

— С чего ты взял, что я испугался? То есть, — насмешливо приподнял одну бровь, — ты соскучился, и поэтому под нелепейшим предлогом на глазах у всей планеты заманил меня к себе, и называешь это «ничего личного»? И почему у тебя пульс зашкаливает?

— Ладно, твоя взяла. А про пульс ты откуда знаешь?

— Ген абсолютного слуха поврежден. Я слышу, что ты волнуешься.

Теперь руками развел Гера.

— Да не бойся ты так, — передразнивая, протянул Женя. — Я не кусаюсь. И учти, у меня сегодня единственный выходной, и мне совсем не хочется провести его на этой поляне. Шли координаты.

— Сейчас... лови, — Гера медленно побрел к парящим гравиталетам, ряды которых значительно поредели. — А ты почему согласился? Заметь, тебя никто не заставлял.

— Из любопытства и с целью познания, — уклончиво ответил он. — Хм... в какую глушь тебя занесло. Там вообще условия для жизни есть?

— Как видишь, я живу, и ничего.

— Жизнь в криокамере — залог долголетия, — генетик мысленно раздвинул створки аппарата и влез вовнутрь. — Встретимся на месте.

Кончик косы юркнул перед носом и скрылся за блестящей створкой; мысленно ликуя, Гера заскочил в свой гравиталет и взмыл в воздух следом за Женей.

Кому-то, может быть, и криокамера, а для Геры его горы были самым прекрасным местом на земле. Светло, высоко, облака нависают над головой. Белоснежный снег и захватывающий дух вид, везде, куда ни посмотри. Бодрящий холод, живой огонь в камине, настоящие дрова, абсолютная тишина, изредка прерываемая завыванием ветра за стеклом. Ни единой живой души на много километров вокруг, и уже притупившееся, но все еще живое ощущение риска и свободы, исходящее отовсюду, ради которого он когда-то поселился именно здесь. Мало кто понимал, как вообще в подобных условиях можно существовать, но Гере нравилось. Да, трудно, бесспорно, но плюсы перевешивали минусы.

На вершину искомой горы они приземлились почти одновременно. Женя завис над снегом и тут же смело прыгнул вниз, провалившись в сугроб по щиколотки. Ветер, ледяной и пронизывающий, растрепал выбившиеся из косы волосы, а влажное от дыхания тепло вырвалось из гравиталета и рассеялось туманом. Часть мельчайших капель осела на угольной косе и мигом превратилась в иней. Это смотрелось очень красиво, и Гера поневоле засмотрелся, пока не сообразил, что другим людям холод не доставляет такого же удовольствия, как ему.

— А-а, — ахнул Женя, обдав лицо облаком изо рта, и округлил глаза, причем явно не в восхищении от увиденной картины. Кожа обнаженных рук мигом покрылась мурашками; сам съежился, сощурился, как от резкой боли — реакция на ослепительно-колющий свет. Казалось, он прямо сейчас застынет и, не меняя позы, упадет.

— Быстро, идем, — Гера испугался, поспешно выпрыгнул из гравиталета, подхватил генетика под локоть и, ругая себя за неосмотрительность — мог бы и догадаться прихватить одежду! — повел его к валуну, с восточной стороны которого пряталось неприметное и узкое отверстие. Спуск вниз. От него поднимался пар, и онемевший Женя догадался, что там, внутри, тепло. Без лишних слов пригнулся и осторожно спустился по выдолбленным ступеням.

— Холодно. Холодно. Как у тебя холодно, — клацая зубами и обхватив себя руками, безостановочно говорил Женя. И потому, что за последние две минуты генетик не сказал ничего ядовитого, Гера догадался, что он не просто замерз, а очень сильно замерз.

— Сейчас, погоди, согреешься. Иди, сюда, садись, — быстро провел гостя по извилистому темному ходу до хорошо освещенной части пещеры и усадил перед камином на толстую шкуру белого медведя.

Засуетился, подкинул дров, подул на них — пламя разгорелось. Из кучи хлама, лежащего вдоль стены, выдернул плед, отчего другие предметы с грохотом попадали на пол. Накинул его на Женю, заботливо запахнул по бокам. Над огнем повесил маленький котелок, с травами. Через пару минут по пещере растеклось тепло и ароматные запахи — дыма и мяты.

— У меня гостей отродясь не бывало, кружка одна, — заполз под стол и высунулся оттуда с искомым предметом в руках.

— И я очень хорошо понимаю потенциальных гостей, — уже без дрожи в голосе и не клацая зубами, отозвался Женя. Он с любопытством осматривался, но отойти от огня пока не решался.

А посмотреть было, на что.

Гера с интересом наблюдал за гостем и ждал его реакции. Пещера была довольно специфична и напоминала заброшенный музей. Нетронутые своды, толстое вертикальное стекло, выходящее на южную часть горы и пропускающее много света. Не сыро. Запах холодного камня. У входа висел длинный список постоянных красных зон, две трети уже вычеркнуто. Шкуры собственноручно убитых зверей на полу, у камина и около стола. Восстановленный скелет взрослого человека разумного, прикрепленный к стене. Костяные руки-ноги безжизненно свисали, а в глазницах мертвеца поблескивал огонь. В череп пришлось встроить зеркало, чтобы в нем отражался камин, для эффекта мерцающих глаз. И со стороны трудно было догадаться, что скелет состоит преимущественно из легкого пластика, он казался настоящим, и от того жутким.

Только вот гостя совсем не интересовали с любовью воссозданные останки.

— Что это за агрегат? — кивнул он на плоскую прямоугольную штуковину.

— Это экран.

— Экран? А вот это что?

— Это я попытался сделать средство передвижения по древнему образцу... велосипед это.

— Выглядит забавно. А вот эти штуки еще забавнее.

— Это я дельтаплан собираю. Хочется ощутить полет во всей красе, по-настоящему. На, выпей. Станет совсем тепло, — Гера налил кипящую воду в стакан и протянул Жене. Тот с неохотой вытащил руки из-под пледа и плотно обхватил чашку. Отхлебнул, поморщился — слишком горячо; еще раз отхлебнул.

— Хочешь замороженные боковые линии скумбрии?

— Какая мерзость.

— А печень тюленя?

— Я не голоден, спасибо.

С чувством выполненного долга Гера приземлился рядом с Женей и дотянулся до маленького экрана с встроенным микропроцессором. Мысленно запустил его. Расшифровать электронный носитель предков получилось только с помощью внешних приспособлений, на сборку которых ушло несколько месяцев. Еще одна маленькая гордость Геры.

— Ох ты, оно еще и работает! — восхитился гость.

— Я сейчас кое-что покажу. Тебе понравится.

— Угу, — промычал Женя, делая очередной глоток. Плед упал с его плеча, и открытая кожа быстро стала пупырчатой.

— Так вот, — чтобы не соблазняться, Гера поправил плед. — А ты вообще веришь, что

восстановление естественной среды может как-то повлиять на функционирование организма?

— На простейших — да, на животных — да, а по поводу человека не совсем уверен. Тем более, что под средой ты подразумеваешь социализацию, — уклончиво ответил Женя. Он поджал ноги, подался вперед и выглянул из-за плеча.

— Однако же на собрании ты меня поддержал! А после твоей речи я и сам бы поверил во что угодно.

— Я тебя поддержал, потому что ты просил тебя поддержать, а не потому, что я согласен с твоей теорией. Допускаю подобную возможность. Но не более.

— А я все-таки уверен, что это, — потыкал пальцем в горящий экран, — наш путь к успеху. Очередной виток эволюции, если хочешь! Прорыв вперед, открытие скрытых потенциалов внутри самого человека! Недаром говорят... ладно, в старину так говорили, что новое — это хорошо забытое старое. Человечество станет бессмертным!

— Меня бы больше устроило, чтобы каждый отдельно взятый человек был бессмертным.

— Ну, это, к сожалению, не в нашей власти. А вот обессмертить человечество вполне в нашей. Смотри, что я думаю. Чтобы увеличить шансы на благополучный исход, нам нужно опираться на два основных признака. Первый — это строение тела. То есть, нам нужны люди, у которых вторичные половые признаки развиты хотя бы частично. Растительность на теле, кадык у маскулин, грудь у фемин. Ты как считаешь?

— Разумно. Опирайтесь на биологию всегда разумно.

— Тогда, записываем. Наличие хотя бы одного вторичного признака. Далее. Ориентация. Она должна быть исключительно гетеро.

— Почему именно гетеро? Естественная ориентация человека — пансексуальность.

— Потому что раньше люди объединялись в семьи для того, чтобы родить детей и вырастить их. Ты не согласишься, но раньше гетеросексуальность считалась нормой. Гомопары тут не подойдут.

— Логично.

— Тогда, пункт второй. Гетеросексуальная ориентация. Да что ж ты не грузишься? — прикрикнул на экран. — И желательно, чтобы это уже была устоявшаяся пара. Потому что селить вместе совершенно незнакомых людей, мягко говоря, глупо.

— Верно.

— Пункт третий... какой минимальный срок совместного проживания определить?

— Год. Или два.

— Много. По предыдущим пунктам отсеются две трети добровольцев, надо упростить.

— Ну и зачем ты тогда меня спрашиваешь? Чтобы все равно сделать по-своему?

— Угу. Три месяца, думаю, будет достаточно. А еще, очень важный пункт — все участники должны быть моногамны. Ты не согласишься, но, согласно записям, раньше полигамиков вообще не существовало.

— Бред. Больше половины людей — полигамны. А иногда кажется, что все.

— Ну почему же, я, например, моно... а ты?

— Тоже.

— Так, а дальше... — Гера смутился, и на миг позабыл, что хотел сказать и о чем они вообще разговаривали. К счастью, экран вспыхнул голубым светом. — О! Смотри сюда. Сейчас я такое покажу! — мысленно выбрал третий снизу файл и загрузил его. — Вот!

Только тебе, только здесь и сейчас, совершенно секретная и абсолютно конфиденциальная информация! Запомни, до окончания тестирования никому не рассказывай о том, что сейчас увидишь.

— Хватит разглагольствовать, показывай уже.

Экран мигнул несколько раз, и равномерное голубое свечение сменилось изображением плохого качества. Смешно, но оно было пиксельным. Женя замолчал, поперхнулся, по плечу Геры потек кипяток, а гость перевесился через это же плечо и задышал в ухо.

— Это они и есть? Предки? Что там происходит? Что это за штуковины? Что за местность? А вот это что за агрегат? — прорвало его через несколько секунд. На плечо выплеснулось еще немного обжигающей жидкости. Экран пришлось приподнять повыше, чтобы его не залило; хрупкая техника древнего образца легко портилась от самой обычной влаги.

Гера самодовольно усмехнулся. У него первая реакция была примерно такой же, потому что увиденное впечатляло. Изображение показывало город — место жительства предков. Удивительно, но они предпочитали селиться общинами, все вместе. Местность полностью преобразована, тропинки покрыты твердым и ровным полотном цвета влажной земли; жилища — огромные, как горы, полностью искусственные и правильной прямоугольной формы. Наземный транспорт, очень много наземного транспорта, разных форм, размеров; много цветных плакатов, столбов и прочих непонятных предметов. Но главное — люди. Много, невероятно много людей, человек тридцать.

— Смотри. Даже на таком изображении видно, как разительно отличались маскулины от фемин. Догадаешься, кто есть кто?

— У-у, — промычал Женя в ответ. Ткнул пальцем в фемину, грудь которой не оставляла сомнений в ее половой принадлежности. Потом еще в одну. С остальными не справился.

— Все очень просто. Все люди с длинными волосами — фемины. Все люди с короткими — маскулины. Все люди вот в такой одежде, — обвел пальцем юбку, — фемины. А вот с такими полосами ткани на шее — маскулины. Если обувь с возвышением в районе пятки — это фемина. И так далее. То есть, никакой путаницы, все очевидно с первого взгляда!

— Это как мир клонов... К чему столько ограничений?

— Так природа же! И это только внешний вид. На носителе много зашифрованной информации — про культуру, географию, особенности менталитета, последние научные достижения. В научных данных ценности нет, они сильно устарели. Есть абсолютно архаичные данные, например, по экономике.

— Что такое экономика?

— Долго объяснять. Нечто вроде бартерного обмена, только очень сильно усложненного. Целая отрасль науки была. Деньги, банки, налоги. Если честно, я сам до конца во всех премудростях не разобрался. Видимо, это что-то вроде обеспечения населения по праву рождения, только, с нюансами. Да и вообще, это все неважно. А вот сам уклад жизни, традиции, роли — вот это важно. Женя! Да с помощью этого носителя мы перевернем представление человечества о самом себе! Ты, ты, ты понимаешь, к чему это все может привести?! — завелся Гера. Как давно ему хотелось поделиться будоражащей информацией хоть с кем-нибудь!

— А что у них с лицами? У фемин? — не слушая его, Женя ткнул пальцем в экран.

— Это косметика. В природе фемин заложено украшать себя и все вокруг. У них и

одежда ярче, красивее, с цветами, орнаментами, узорами. У маскулин скромнее.

— Где это видано, чтобы самки себя украшали? Это прерогатива самцов.

— Так люди — это не тетерева и не олени, надо заметить.

— Ой, смотри! Он беременный?! Это же оплодотворенный человек, да? А этот? Это вот так реально выглядит старость?! Нет, я, разумеется, пробовал смоделировать престарелого человека, но у меня не так красиво получилось. Волосы такие белые... я не предполагал, что они полностью обесцветятся. И кожа такая интересная, как мраморная... — Женья уже всем телом налег на Геру и свесил голову к экрану. Зрачки его то расширились, то сужались — наверное, фиксировал картинку на искусственную память.

— Это еще что. Вот, смотри. Следующее, — переключил изображение. Теперь на экране огромная толпа маскулин шагала в ногу по полю с оружием на плече, все в одинаковой одежде цвета хаки. На заднем плане что-то горело.

— Ого, что это? Что они делают? Реально клоны? А зачем?

— Не знаю точно. Но, если учесть тот факт, что жили предки большими общинами, то, вероятно, это охотники. Раньше маскулины так и назывались — добытчики. Охотились, значит. А для такого большого поселения мяса надо много.

— А что там горит?

— Наверное, мясо готовят.

— А чем фемины занимались?

— Вот этим, — Гера подкинул дров в камин. — За очагом следили. Детей растили. Мясо разделявали. И еще это... вдх... вдохновляли, вот!

— Оу.

— Да-да. Ты учти, что они тогда рожать могли, а беременным особо не поохотишься. И родительский инстинкт у них развит хорошо был.

— Да ну что за бред? Нет у человека инстинктов. Нет и не было.

— А я тебе говорю, что есть! Вот запустим эксперимент, сам убедишься. У наших идеально подходящих фемин он точно возродится. Да и потом, что бы тогда заставляло их рожать? Сам подумай, беременность, роды, это все ужасно тяжело, болезненно, из-за прямохождения таз стал слишком узким, я даже представить не могу, каких мучений стоило тогда родить. А потом? Ты имел дело с младенцами? Они же орут постоянно, не спят, в детском центре на одного ребенка выделяется минимум пять выращивателей, так и они иногда воют, а тогда фемина справлялась в основном одна. И ты учти, что тогда дети еще и болели, нанороботов-то не было, да это... это... кошмар наяву! Без помощи инстинкта тут не обойтись.

— Ну не знаю, не знаю... Глупо все списывать на инстинкты. Люди и других людей любят не из-за инстинкта размножения, а потому что эмоции, чувства, привязанность. Секс, опять-таки, с эмоциями ярче и больше удовольствия приносит... наверное. Может, и с детьми раньше так же было?

— Я думал над этим. Но. Как можно тогда заранее полюбить того, кого ты еще ни разу не видел? А если он окажется совсем не таким, как тебе бы хотелось?

— А как люди любят животных? Сначала заведут, а потом любить начинают. Любят то, что есть, другими словами.

— Тебя не переспоришь. Сравнить человека и животных — глупо!

— Если бы я не сравнил человека и животных на поляне, то не было бы сейчас никакого эксперимента.

— Ладно, ладно, твоя взяла, — примирительно ответил Гера.

— Ладно, — Женя сдался тоже, — показывай, что у тебя еще есть.

— Другие изображения слишком битые, восстановить не получилось. Но есть еще вот это, — открыл таблицу с множеством строк и цифр, — статистика. Но по разработанной расшифровке пояснения к строкам не переводятся. Но я прямо чувствую, что здесь что-то важное! Другие текстовые файлы перевелись, а этот — ни в какую, я над ним уже два года бьюсь. Никак не могу понять, в чем тут загвоздка...

— Шифр?

— Они раньше по-другому разговаривали. То есть, иногда встречается общая этимология слов и они схоже звучат, но это редкость. Пришлось разрабатывать переводчик с древней речи на нашу современную. И до этой таблицы все было хорошо. А тут что-то не то. Не переводятся слова, и все.

— Нет, я, конечно, предполагал, что увиденное меня удивит, но чтобы настолько... — Женя оторвался от экрана и сел прямо, разминая плечи. — Гера, я же тебя кипятком залил! Ты чего молчишь?!

— Да я себя постоянно чем-нибудь заливаю. Ерунда, не бери в голову. Био-пластырем потом заклею.

— Как это, ерунда?! Пузырями же все пошло!

— Это нормально, реакция кожи на ожог. И знаешь, что еще я думаю?

— Что? Что надо слетать в медцентр?

— Что один из поведенческих признаков тоже надо включить в критерий отбора. Например, стремление украшать себя. Или охотиться. Или хотя бы на длину волос смотреть. Если маскулина подсознательно носит короткие волосы, значит, что-то в нем от предков осталось.

— Скорее всего, это будет банальной случайностью, а не проявлением чего-то там. Спрячь хотя бы, — прикрыл ожог пледом. — Вот, так нормально.

— Тогда, включаем! И, думаю, можно подвести итоги.

Гера прикрыл глаза, откинулся назад, и мысленно создал готовый опросник, куда вошло восемь пунктов:

1. Согласны ли вы принять участие в эксперименте?;
2. Ваш пол;
3. Какая у вас ориентация? (гомо, гетеро, пан);
4. Перечислите имеющиеся у вас вторичные половые признаки (растительность на теле, грудь, кадык);
5. Укажите срок совместного проживания с партнером;
6. Испытываете ли вы романтическую привязанность к двум и более партнерам одновременно? (моно/полигамия);
7. Укажите длину ваших волос, перечислите хобби, предпочитаемый стиль одежды, место работы; чадолюбивы ли вы; как относитесь к охоте, к процессу приготовления пищи; есть ли у вас склонность украшать себя и свое жилище?
8. Прикрепите изображение себя в настоящий момент.

После поставил в конце уникальную подпись, схематичную летучую мышь, парящую в небе.

— Ну вот, готово. Так что, подадим заявку, как участники? — спросил Гера и прикрыл глаза. На всякий случай. И широко улыбнулся, предвкушая реакцию.

Женя поерзал и сел удобнее. Гера только сейчас заметил, что за время разговора сполз на пол и уже несколько минут лежит на генетике, и вполне себе комфортно лежит. Так, что и вставать не хотелось. Голова упирается в расслабленный живот, чужая коса касается шеи, вытянутые ноги пылают жаром от огня в камине. Поленья умиротворяюще трещат, один на двоих плед укрывает по бокам; тепло, хорошо, удобно. И уютно.

— Не проходим почти по всем пунктам. И к тому же, мы не пара, — наконец отреагировал он.

— Разве мы не пара?

— А разве пара?

— Ну да.

— Ну в целом, я ожидал худшего, — задумался Женя. — Но мы здесь больше часа сидим, общаемся, а ты меня все еще не вывел из себя, более того, мне интересно с тобой разговаривать. Думаю, попробовать можно. Но, ты учти — я человек не инициативный. Хочешь за мной ухаживать, ухаживай на здоровье, я отталкивать не буду. А еще, — он наклонился к уху, отчего Гера затаил дыхание и замер, — мне нравится слышать твою влюбленность. У тебя сердце бьется учащенно, мне это льстит. Тебя такие условия устраивают?

— Вполне. Я, кстати, открыл тебе личку.

— Я ночью заметил.

— Но ты ее не просмотрел?

— Нет.

— Женька?

— А?

— А как ты понял тогда, что мы почти по всем пунктам не проходим? Ладно за себя, но за меня — как?

— Как, как... — он запнулся, а после почему-то рассердился. — Не важно. И вообще, — поднял его и встал, сбросив плед на пол. — Мне домой пора. Я у тебя засиделся, я в принципе никогда так надолго не уходил из дома. Дай мне что-нибудь потеплее, и я пошел.

— Вон там, — кивнул в угол, где кучей лежала самая разнообразная одежда. — Бери, что подойдет.

Почему-то он не сомневался, что Женя возьмет именно удлиненный жилет из чернобурки, с огромным капюшоном, мехом вовнутрь. Сшитый собственноручно. Тяжелый, сковывающий движения, но зато теплый и приятный на ощупь.

А еще он очень шел партнеру.

— Ну ты это... — замер гость на выходе и обернулся. Карие глаза блестели из-под нависающего капюшона.

— Что — это?

— Да ничего, — с досадой бросил Женя, развернулся и ушел.

Глава 5. Про лису

Привычные запахи леса вернули Жене способность трезво соображать.

Одним из пунктов в списке нелюбимых вещей у него был страх. Страх перед переменами в жизни. А сейчас он сам, добровольно, согласился на партнерство. Жуть. Еще вчера подобное и в голову бы не пришло.

Женя походил вперед-назад, поворошил листья, попытался успокоиться и собраться. Забрался на дерево, встал на ветку, громко зарычал. Звук голоса быстро утонул в окружающей листве и напугал разве что пару затаившихся куропаток где-то там внизу. Он подумал о том, что, если подобным образом заорать в горах, то сила голоса приобретет разрушительную силу: от вибрации наверняка сойдет лавина, сметет все на своем пути, да и звук не заглохнет сразу, а еще долго будет гулять по скалистым вершинам и отдаваться эхом.

Это было бы потрясающе.

Он спрыгнул вниз, по привычке просмотрел карту местности, понял, что с самого утра ничего не ел, а между тем уже подкрадывался вечер. Поскольку искать живую еду не хотелось, Женя прошел в лабораторию к охлаждающей камере, где хранилась еда человеческая универсальная — небольшие гранулы, чистые углеводы и белки, обогащенные витаминами и минералами, со вкусом слабосоленого мяса. Съел пару штук и пошел к роднику. По пути пытался вспомнить, как это вообще, иметь партнера. Что с ним нужно делать? Узнавать поближе, чем-то интересоваться, например, прошлым или как прошел его день?

Слишком сложно. Лень. Не хочется.

Напившись, вернулся в лабораторию. Запустил виртуальный огонь. Он выглядел, как настоящий, но Женя-то знал, что нет на самом деле никакого огня, что это чип рисует языки пламени в воображении, а тепло исходит из специальных отсеков по углам помещения. И так себе исходит, едва ощутимо, потому что энергия берется из одних и тех же деревьев второй год, что делать категорически нельзя, потому что так дерево постепенно умирает. Уничтожать любимый лес не хотелось, следовательно, в ближайшее время с бионергетиками все-таки придется связаться.

Отключил неправильный огонь и вышел наружу. Собрал сухих веток, расчистил полянку и зажег правильный костер, настоящий. Местная мелкая живность, никогда прежде не выдававшая подобного явления, с опаской выглядывала из травы и при каждом потрескивании углей быстро пряталась обратно; а Женя свернулся калачиком на безопасном расстоянии от огня, постепенно разморился и, лениво отслеживая перемещения огромной луны на небе, незаметно уснул.

Воля сошелся с Ромой на почве общих интересов. Он любил животных, любил выращивать отдельные органы и улучшать их, и вся его лаборатория, расположенная в уютном уголке Земли на австралийском континенте, была заставлена склянками с самыми разнообразными образцами. Чаще всего попадались глаза и крылья. А Рома входил в группу защитников животных, и занимался сохранением исчезающих видов. В его обязанности входило вскармливание оставшихся без матери малышей, их чипирование и подготовка к самостоятельной жизни на свободе. И в один прекрасный день ему срочно понадобились

донорские органы для пострадавшей белки-летяги. Так Рома вышел на Волю, и они заключили сотрудничество.

Вскоре друзья поняли, что вместе им интересно, всегда есть о чем поговорить, и Рома, недолго думая, переехал жить к Воле. И с того дня в просторном жилище подле лаборатории поселились и замечательный напарник, и целая орава самых разнообразных зверо-детей. Жизнь Воли превратилась в сказку.

Почти.

Друзья нередко, умиляясь очередным зверо-ребенком, щупая подушечки на лапках и щекоча голое пузо, подумывали о том, что как бы это было здорово — выкормить настоящего человеческого младенца. Желание постепенно перешло в навязчивую идею, особенно после того, как Роме подвернулся детеныш орангутанга, крохотный, пару дней от роду. Он забавно цеплялся длинными пальцами за одежду Воли и настойчиво искал что-то на животе, тычась в кожу мокрым щекотливым носом. Друзья тогда дошли до маразма, одевали малыша в детскую одежду, не спускали с рук, укладывали спать рядом с собой, учили прямохождению и дали имя — «Пусик». Счастливейшие месяцы. Увы, Пуся подрос, и его пришлось отпустить на свободу, после чего и Воля, и Рома несколько дней ходили с мокрыми глазами. После того случая Рома начал переучиваться на работника детского центра, а Воля усиленно взялся за генетику, чтобы когда-нибудь сместить вреднейшего коллегу Женю.

Поэтому новость о предстоящем эксперименте взбудоражила их умы. Получить желаемое без лишних временных затрат, сразу — казалось, что сама удача плывет в руки. Сроки их не пугали, возможные ограничения — тоже. Они даже не задумывались над этим.

«Дорогие земляне! Представляем вашему вниманию тест на участие в самом значимом эксперименте последнего тысячелетия! Убедительная просьба — прежде, чем подать заявку, хорошо подумайте. Взвесьте все за и против. Реально оцените собственные возможности. При малейших сомнениях, в себе или в своем партнере — не подавайте заявку.

Длительность эксперимента — восемнадцать лет.

Вам предстоит поставить себя в жесткие рамки. От многого отказаться. Полностью перекроить образ жизни. Пройти испытание на прочность и выдержку.

Повторяю еще раз: при малейших сомнениях — НЕ подавайте заявку.

Если перечисленные пункты вас не пугают, пройдите по ссылке ниже».

— Ромочка, ты как думаешь? Какие надо ответы ставить? — Воля еще раз перечитал обращение Эна к населению и в стотысячный раз задал один и тот же вопрос.

— Честные, конечно же, — спокойно ответил партнер, подготавливая переноску.

— Да, а если они не подойдут? Надо же, чтобы подошли. Иначе нас не примут!

— Волечка, ну откуда мне знать, какие ответы правильные?

— А сколько мы вместе живем?

— Два года. И три месяца. И, если не ошибаюсь, четыре дня.

— Рома, а вот тут что надо отвечать? Вопросы такие странные. Длина волос... охота... как можно убивать живых существ, если давно уже разработали искусственное мясо и сбалансированные гранулы? Ужасно!

— Зая, да отвечай честно, и все.

— Нет, — капризно протянул Воля. — Надо ответить правильно, а не честно! Вот здесь точно нужно пометить, что мы детей любим, а с ориентацией как быть? Подвох, тут чувствуется подвох... Рома, а ты в истории хорошо разбираешься?

— В современной.

— В современной и я хорошо... так, погоди. Сообщение, — прикрыл глаза и поморщился.

Отправителем оказался Женя.

Воля искренне недолго любил коллегу и в некоторой степени боялся. К тому же верховный генетик крайне редко писал ему сообщения, точнее, никогда, и в воображаемой мигающей красной точке мерещилось что-то угрожающее. Он с опаской открыл текст и напрягся еще больше.

Короткое слово. «Выйди». Холодок пробежался по спине.

Потому что сообщение могло обозначать только одно: Женя лично прилетел. Сам. Добровольно. Это казалось чем-то невероятным, потому что коллега покидал лес в исключительных случаях, после долгих уговоров и по уважительной причине, и вдруг появился... сюда? К нему? Но вот зачем?

Миллионы догадок всплыли в голове. Возможно, тот ген, с овальной формой ногтей, что он вычленил два года назад, оказался бесполезным или, еще хуже, нанес вред новому младенцу, или окраска радужки опять не подошла человеку и действует только на бизонах, несмотря на все предварительные расчеты, или... да много чего могло произойти! Порядком накрутив себя, Воля мельком глянул на Рому. Тот подготавливал пищащих расползающихся бобрят к перевозке на другой пункт передержки. Малыши расползались, сопротивлялись; партнер терпеливо собирал их опять и, поглощенный работой, ни на что внимания не обращал. Тихо обогнув его, вдохнув и выдохнув для храбрости, Воля решился, несмело поднялся наружу, сжался и осторожно выглянул из-за куста, маскирующего вход в дом.

Теперь он удивился еще больше.

Почему-то Воля был уверен, что Женя первым делом начнет на него орать, хотя бы потому, что он любил орать, но, к удивлению, коллега ни слова не сказал. Стоял в нескольких метрах с плотно поджатыми губами, смотрел недобрым взглядом, но молчал. Грудь его высоко поднималась и медленно опускалась, словно он не на гравиталете прилетел, а прибежал, и сильно запыхался. Выждав несколько секунд, Воля осмелился подойти ближе, и, подойдя, совсем перестал понимать, что происходит.

В руках Женя держал дохлую лису. Обычную, рыжую. Лапки ее свисали, вокруг пасти шерсть вымокла от обильной слюны, наверное, умерла она совсем недавно. Причем держал ее коллега очень бережно, прижимая к животу, что было на него совсем не похоже. А когда Воля поднял взгляд выше и внимательно всмотрелся в Женины глаза, то заметил, что они красные. И тут стало понятно, почему генетик молчит — чтобы не расклеиться.

Угрозы он точно не представлял. И Воля без всякой боязни подошел к коллеге.

Всего лишь пятьдесят слов. Полсотни слов, и цифровые значения станут понятны, но никак они не желали переводиться. В сто тысячный раз получился абсурдный набор букв, лишенный смысла. Да и числа в столбике — огромные. Почти семь миллиардов — вот что это может значить? Чего семь миллиардов?!

И сколько раз в день допустимо связываться с человеком, чтобы не показаться навязчивым? Стоит ли прямо сейчас предпринять четвертую по попытку, с учетом, что три предыдущих вызова отклонили? Он занят, работает, не хочет отвлекаться? Сам потом даст о себе знать? А если не даст? А вот здесь — что за данные? Видно, что это проценты, но кого с кем сравнивают, неизвестно. Тысячи, миллионы, сотни, какие-то соотношения, казалось,

вся мировая история перед глазами, но как ее понять?

«Никак!» — Гера в раздражении вырубил экран. Провозился пол дня, и все без толку, в который раз. Встал, размялся, задрал голову, всмотрелся в потолок, зажмурился. От внешних приспособлений глаза быстро уставали, но переводить информацию в виртуальную ему не хотелось. Было что-то особенное и в треске настоящих деревянных поленьев, и в самостоятельно сшитой одежде из натуральных материалов, и в жутко неудобном экране.

В голове раздался сигнальный звонок. Время тестирования истекло. Значит, пора лететь к Эну. Гера направился к выходу, бегло просмотрел результаты и довольно цокнул языком. Все оказалось даже лучше, чем он предполагал, и показатели некоторых участников приятно удивляли. Подпорченное настроение мигом стало обычным, приподнятым.

Гера любил бывать в гостях у Эна. Единственного человека из жизни «до». Правда, когда она началась «после», он не знал, просто в один прекрасный день проснулся и понял, что отныне все по-другому. Большая часть людей осталась «там», круг общения постепенно сужался, все чаще в жизнь закрадывалась пресность. Обычные дела, такие, как посиделки с друзьями, работа или познание чего-то нового перестали приносить радость. Порой от однообразия хотелось выть и лезть на стену. В такие дни спасти его могло только что-то очень безумное, рискованное. Пройтись по грани, почувствовать вкус жизни, получить порцию целебного адреналина — и назад, в горы, в привычное русло. Но с каждым годом въедливая рутина поглощала все больше, и избавляться от нее стало сложнее. И покорение очередной вершины без страховки, в одиночку, по наиболее опасному маршруту уже не приносило той порции спасительного кайфа, как раньше; вместо фейерверка эмоций максимум, что он получал — временное чувство удовлетворения. Но этого было мало. Хотелось большего. И тогда Геру посетила очередная безумная идея по возвращению красок в черно-белую реальность: сделать что-то такое, значимое, полезное для всех. Идея будоражила, и он с утроенным энтузиазмом взялся за восстановление артефактов, раздобытых группой археологов на евразийском континенте. Годы кропотливой работы, желание все бросить, но вот, почти все расшифровано, еще один маленький шажок, практика, эксперимент, и все в процессе, и еще немного, еще чуть-чуть — и имя его увековечат в истории, выведут из общего перечня и оно навсегда останется исключительно его именем, посмертно.

Что может быть прекраснее?

— Ты меня слушаешь? — спросил Эн. Больше часа они сидели и обсуждали нюансы завтрашней презентации. Конечно, обговорить можно было и по трансляции, но Гера предпочитал личные контакты. Ему нравилось наблюдать за жестами собеседников, за мимикой и прочими мелочами, заметить которые можно только при живом общении. Он любил задавать каверзные вопросы и наблюдать за реакцией собеседников. Он в принципе очень любил людей. А еще другой человек напротив удерживал от соблазна послать тот самый, четвертый, вызов.

— Конечно, — очнулся Гера. — На стройку загляну завтра с утра, до презентации. Кстати, ты смотрел данные по доисторической медицине?

— Смотрел, но бегло. А что?

— Заметил, что твоя особенность там включена в список заболеваний?

— Серьезно? А что лечить пытались?

— И не пытались, но все равно считали отклонением. Наверное, тогда витилиго не было

распространено, — сказал и всмотрелся в контрастные темные пятна на коже Эна. Когда-то он выбрал его в наставники, потому что влюбился в необычный узор на теле. Может, и не самая удачная причина для выбора того, кто тебя чему-то научит, но Гера ни разу не пожалел.

— Так мы не договорились. Чье время будет до обеда?

— Мое. Вечером буду пытаться расшифровать тот кусок, со статистикой. Кажется, я догадался, в чем там загвоздка. Так мы все обговорили?

— Если что, я с тобой свяжусь.

— Отлично, — Гера поднялся с земли. — Тогда, до завтра.

— Ты ведь не домой торопишься, — поднялся Эн следом. — Надеюсь, не в жерло очередного вулкана?

— Ах-ха, нет, конечно, мне того раза на всю жизнь хватило.

— Но все-таки, будь осторожнее. И чип настрой...

— На автоматическую подачу сигнала опасности, — закончил Гера и, спасаясь от очередной лекции по безопасности, быстро пошел к выходу. — Мика, Линн, Вэра, всем пока! — попрощался с многочисленными партнерами Эна и выскочил из просторного жилища наружу. По светлому песку добежал до гравиталета, залез вовнутрь, взлетел, покружил над морем и, шурясь от ослепительных бликов солнца, все-таки предпринял четвертую попытку связаться с Женей. С замиранием отсчитал три легких стука, и...

Вызов опять отклонили.

Внутри что-то больно сжалось, и стало очень волнительно. Одно радовало — раз Женя отклоняет вызовы, значит, с ним лично ничего не случилось. Но почему он так делает? Обиделся? А на что? Не хочет общаться? А почему бы сразу об этом не сказать? А если у него что-то произошло, и он не в настроении? А если он думает, что... неизвестно, о чем он там думает, но явно не о том, о чем следовало бы. Море, словно издеваясь, жизнерадостно набегало волнами на берег; нервы накалились до предела, Гера не выдержал, загрузил в гравиталет координаты и на полном лету помчался в лес.

Лес встретил тишиной. Гера просканировал местность цепким взглядом и настроился на ночное зрение — смеркалось; сверился с картой местности, спутниковой, надеясь хотя бы на ней разглядеть Женю, но тот или неподвижно где-то затаился, или спрятался в непроницаемой чаще, или... спокойно работал в лаборатории? С помощью виртуальной карты Гера сообразил, где именно она находится — наверняка на участке чуть левее, за стеной ультразвука — и уверенно туда направился.

— Женя! Жень, ты здесь хотя бы? — сказал вполголоса, чтобы не привлекать внимание хищников; Женя с идеальным слухом не мог его не услышать, но ответа, вполне ожидаемо, не последовало.

Вскоре он зашел в обычное пустое помещение, стандартное: углубление в земле, крытое толстым стеклом; стол по центру; корни, выглядывающие из стен; инкубатор, распахнутый настежь; запах земли, травы и листьев. Несколько отсеков, спрятанных за створками. И никаких генетиков.

Гера вышел наружу и беспомощно покрутился на месте. Кусты, деревья, непроглядная листва. Пусто и темно. Что делать дальше, он не знал. Лететь домой или поискать еще? И есть ли смысл искать? Вероятно, нет никаких уважительных причин, и Женя просто не хочет общаться лично с ним, и вот таким жестким способом обрывает контакты.

Но разве так можно?! Что могло пойти не так?!

От грустных мыслей отвлекла лиса. Обычная. Рыжая, лапки черные, сама бесстрашная. Она деловито выглянула из кустов, поблескивая бусинками-глазами, втянула ноздрями воздух, принюхиваясь. Учужа чужака, подошла почти вплотную и оскалила зубы. Гера не считал лис особо опасными, но ему не хотелось в очередной раз оказаться покусанным, и поэтому, абсолютно машинально, он нащупал в кармане нож и вытащил его. Маленькая хищница и не подумала отступить, напротив, подкралась еще ближе.

Гера поднял руку, прицеливаясь.

— Вот только тронь ее, — пробурчал знакомый голос откуда-то сверху. Пальцы дрогнули, нож упал в траву.

— Женя?! — задрал голову. Выдавший себя генетик нехотя слез с дерева, шикнул на лису — она юркнула в кусты — встал напротив и уставился на Геру. Не самым добрым взглядом. Волосы его растрепались и выбившиеся пряди обрамляли суровое лицо.

— Зачем прилетел? — сухо спросил он.

— Соскучился потому что, вот и прилетел. Ты не отвечаешь, прячешься, а я волнуюсь. Почему ты не отвечал? — Гера нахмурился тоже.

— Некогда мне было. И нечего за меня волноваться, — сдался Женя, махнул в неопределенную сторону рукой, а после развернулся и медленно побрел вперед. В сумерках он выделялся на фоне леса ярким черно-белым пятном.

— А что случилось? — Гера пошел за ним следом.

— Неважно. Я просто не хотел ни с кем разговаривать. Но я рад, что ты прилетел, правда.

— Не очень заметно.

— Послушай, Гера. Я не умею с людьми ладить, и понимаю, почему со мной тоже никто особо общаться не хочет. Я уже говорил и еще раз повторю, хочешь играть со мной в пару — играй на здоровье, но сразу предупреждаю — ты со мной намучаешься. Это я тебе из лучших побуждений говорю, обычно мне все равно. И еще... — он резко остановился, и Гера едва не влетел в его спину.

— Что?

— Да ничего, — опять пошел, гораздо быстрее.

— Куда ты меня ведешь?

— Ты к воде хотел, вот тебе вода, — спустя минуту быстрой ходьбы, ответил он.

Женя напролом преодолел последние метры высокой травы, замер на берегу небольшого озерца, расстегнул молнию, скинул одежду и одним прыжком ушел под воду. Вынырнул не сразу, на середине озера, и разлетевшиеся от него брызги воды в свете заката походили на искры. Влажные волосы облепили лицо, коса извивалась змеей, и даже издали было видно, как на белой коже побежали мурашки. Гера замешкался, а через секунду тоже нырял в потрясающе холодную воду, задыхаясь с непривычки. Догреб до дна, вцепился в водоросли и задрал голову. Там, сверху, маячили едва различимые сквозь толщу воды изгибы тела. Тела вредного, непонятного, но изумительно красивого. Чувствуя, что воздух заканчивается, он всплыл, фыркнул на поверхности, и активно заработал руками и ногами, плавая кругами вокруг лежащего на спине Жени.

— Бодрит, да? Сюда подземные воды выходят, она всегда холодная, даже в жару.

— И луна. Это совершенно восхитительно, — Гера поплыл вдоль яркой лунной дорожки. — Но все-таки, что у тебя случилось?

— Нельзя спрашивать. Я же сказал. Не допрашивай меня.

— Ты хотя бы понимаешь, что я волновался? Нервничал, работать нормально не мог, думал о тебе постоянно. Не делай так больше. Не хочешь разговаривать, так и скажи. Я пойму и отстану. А когда надо — пристану. Договорились?

— Ладно, не ворчи. Мне привыкнуть к тебе надо, — он нырнул и выплыл у самого берега, вышел, потряс головой и ступил на влажную гальку. Сел. С мокрых волос ручьями стекала вода: по лицу, по вискам, щекам, а на подбородке два потока соединялись и на грудь бежали вместе. Он мелко трясся, замерз.

Гера тоже вылез из воды и встал рядом.

— А ты совсем холода не чувствуешь? — с нотками зависти спросил Женя.

— Я его чувствую, но это не неприятные ощущения, а, как тебе объяснить, колючие. Щекотливые. Я, кстати, всегда теплый. Горячий даже. Не знаю, чем руководствовался мой создатель, но всякого рода мутаций во мне собралось порядочно. И я, кстати, не играю.

— Во что не играешь?

— Ты сам пять минут назад сказал, что, если я хочу играть в пару, то могу играть на здоровье, а я не играю, — Гера зашел сзади, руки положил Жене на плечи, сел и колени прижал к холодным бокам. — Так теплее? — кончиком носа последовательно задел все колечки на его ухе. Холодные. Со вчерашнего дня хотел их потрогать. Улыбнулся.

— Гораздо, — Женя откинул голову назад, посмотрел в глаза и прищурился. — А дальше что?

— У тебя что ли не было никого?

— Ну почему. Одноразовые контакты, а один раз я влюбился. Но не взаимно. Мне не понравилось.

— Понятно. А дальше... даже не знаю. Мне, например, поцеловать тебя хочется.

— Вообще, никогда не видел в этом действии смысла, но ради тебя, так и быть, сделаю исключение. Луна, романтика. Валяй.

— Тогда, сменим положение, — Гера быстро переместился вперед, сел на Женю верхом, пальцы запустил в сырые волосы, полюбовался лицом с иронично приподнятой бровью, прикрыл глаза и языком обвел по контуру четко очерченные губы.

— Это несерьезно, — проворчал Женя, обхватил его руками и, придерживая за спину, положил на берег. Сам навис сверху и со всей жадностью впился в губы. Гера зажмурился, выгнулся, потом, когда партнер прикусил его за мочку, громко охнул. Давно он так сильно и резко не возбуждался, да и дикий партнер оказался дьявольски вкусным. Захотелось слизать капающую воду с его подбородка — Гера привстал на локте и слизал. С щек тоже, и с виска; почувствовал солоноватый привкус пота. Всего бы вылизал.

Пульсация ярче всего отдавалась, разумеется, в нижней части живота, и он задумался — а ощущает ли что-то похожее партнер? Наверное, ощущал, потому что Женя поцелуем не ограничился и пустил в ход руки. Сначала жесткой подушечкой пальца провел линию — от подбородка и до пупка, потом очертил сам пупок, после опустился ниже. У Геры давно не было секса с другим человеком, и он прекрасно понимал, что удовольствие растянуть не получится и оргазм придет за несколько секунд. Впрочем, постепенное прощупывание партнера показало, что и у Жени дела обстоят так же; они прижались друг к другу, закрыли глаза, и, под легкий шелест листвы и за несколько плавных движений, почти одновременно пришли к разрядке. В ушах зашумело, по телу разлилось тепло.

— Я сегодня переночую у тебя, — перекидывая голову на плечо партнера, выдохнул Гера.

— Да ночуй, конечно, — зевая, согласился он.

Глава 6. Про презентацию участников

Женя катастрофически не выспался. За годы лесной жизни у него выработалось несколько рефлексов, например, мгновенно просыпаться при малейшей потере равновесия. Но он понятия не имел, есть ли подобный рефлекс у сопящего рядом Геры. Наверное, ночлег стоило устроить в лаборатории или на земле, за защитной ультразвуковой стеной, а не на дереве. Всю ночь он старался не шевелиться и внимательно следил за партнером, каждое движение которого вызывало неприятное замирание сердца и страх. Казалось, что еще чуть-чуть, еще немного, и Гера упадет вниз, сосчитает телом ветки и распластается на земле. А забрались они высоко. Кое-кому, видите ли, срочно понадобилось посмотреть на ночное небо.

Нерациональное беспокойство раздражало.

Он лежал максимально устойчиво: спиной упирался в ствол, одной рукой оплел ветку, а другую держал на голове партнера. Думал о том, что сейчас Гера на крысу не очень похож, скорее, на дикую кошку, потому что лежал так же: вытянулся на ветке и руки свесил, а голову удобно расположил на его бедре. Думал о Фиме и о том, что речь идет о случайных совпадениях, и ничего страшного не произойдет. Что затея бессмысленна изначально, что люди приходят и уходят, а Фима останется всегда. Пытался успокоить совесть и приводил ей сотни аргументов, что все будет хорошо, но она не унималась и давила сильнее. Женя злился, успокаивался, отвлекался на звезды, на подозрительные звуки, бесцельно просматривал карту и накручивал на палец чужие волосы — мягкие, короткие. После третьего витка они неизбежно соскальзывали, и в ход шла следующая прядка.

Ночь медленно тянулась, мысли навязчиво кружились, луна огибала лес, волосы партнера постепенно спутывались. И только ранним утром, под робкую птичью трель и с первыми лучами солнца, Жене удалось ненадолго прикорнуть. Беспокойный сон быстро оборвался, потому что под рукой пошевелилась опора — он бессознательно напрягся, со всей дури вцепился в нее и распахнул глаза.

— Тихо, тихо, это я, — не без труда урал Гера руку с головы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Женя смахнул случайно выдранные белые волосы и наконец-то полностью расслабился.

— Погладь меня, и я пойду, — партнер прильнул к нему, схватил за плечи и замер. Ну кошка, да и только. Рука лениво поднялась и ребром ладони провела вдоль позвоночника, прощупывая выпуклые бугорки.

Колечки на ухе зашевелились от чужого кончика носа. Щекотно. Приятно. Никто и никогда так к нему не ластился. Гера одно что не мурлыкал, и ритмично сопел в такт движения ладони.

Женя не знал, как выглядит со стороны, но внутри он медленно таял. Вся злость от бессонной ночи съежилась и исчезла, а сонные глаза медленно закрылись.

— Ты не теряйся больше. Ладно?

— Да иди уже. Крысенок, — нехотя отмахнулся от него.

— Ухожу-ухожу, — прохладный лязг платины об эмаль заставил вздрогнуть — это Гера прикусил нижнее колечко в ухе. — Я вечером загляну.

— Угу, — Женя развернулся боком и поджал затекшую ногу под себя. Состояние было

такое, словно все происходящее — сон. Нереальное. Вскоре он лежал и слушал сквозь полудрему, как под ритмичное биение ветки снизу затрещали и несколько испуганных птиц захлопали крыльями; личинка челюстями вгрызлась в мягкую древесину, а после зашуршала трава и звякнули створки. Загудел гравиталет, зашелестели листья. А после наступила тишина.

Гера не знал наверняка, следит ли за трансляцией Женя, но ему хотелось думать, что все-таки следит, и именно его глазами. Поэтому он отошел подальше и с расстояния — ведь так любит смотреть партнер, издалека? — тщательно прощупал взглядом всех собравшихся на презентации, а именно: Киру, мощного спасателя из оперативной группы; хрупкого Сашу, его партнера; полненького Рому-зоозащитника с симпатичными кудряшками и Волю, по удивительной случайности оказавшегося тоже генетиком. Помимо участников, на поляне находился только он сам и Эн.

Напряжение в затылке дало понять, что более десяти тысяч человек подключились к его трансляции. И с каждой секундой количество наблюдателей увеличивалось.

— Итак, дорогие земляне! — заняв место по центру поляны, громко заговорил Эн. Гера медленно сел на землю — чтобы изображение не прыгало — и положил гарпун на колени. — Сегодня состоится знаменательное событие, а именно, мы с вами узнаем имена тех, на чьи плечи ляжет почетная миссия по возрождению утраченной нами способности. Способности к размножению естественным путем. Встречайте наших героев — Рому, Киру, Сашу и Волю!

В общий чат посыпались ликующие и восторженные комментарии. Их пришлось отключить, подсвеченные полупрозрачные буквы по боковому зрению мешали смотреть.

— Дорогие участники. Вы смогли пройти довольно непростой отбор. С чем я вас от лица всей Земли искренне поздравляю. Конкуренция была огромна. Заявку подали более тысячи пар. Но. Я еще раз напоминаю. Эксперимент предстоит долгосрочный. Сложный. Вам предстоит кардинально изменить образ жизни. От многого отказаться. Придерживаться определенных правил. Вы круглосуточно будете находиться под нашим наблюдением, вы обязуетесь беспрекословно подчиняться организаторам. На вас ляжет ответственность не только за себя и партнера, но и за детей. Психологически это очень трудно. В дальнейшем выйти из эксперимента будет непросто. Вы точно готовы? Вы хорошо подумали? Еще не поздно отказаться.

— Готовы, — с улыбкой в тридцать два белоснежных зуба, за пару ответил Кира.

— Подумали, — хором ответили Воля и Рома.

— Хорошо. В таком случае, отныне вы признаетесь официальными участниками величайшего эксперимента всей истории человечества!

От количества наблюдателей напряжение в голове достигло пика, и Гера остервенело зачесал затылок. Лица участников засияли, Рома переглянулся с Волей, Кира страстно поцеловал Сашу.

— А теперь, пожалуйста, — когда все более-менее успокоились, продолжил Эн. — Представьтесь. Расскажите кратко о себе. Об увлечениях, работе, пару слов о партнере. Почему вы решили принять участие? Имеется ли у вас опыт общения с детьми? Каких результатов вы ожидаете от эксперимента, настроены ли на успех? Итак, кто начнет первым?

— Я, конечно, — вперед выступил Кира.

Высокий, атлетичный, с хорошо развитыми мышцами. Гордо вздернутый подбородок, надменный взгляд сверху вниз. Темные волосы, короткие, гладко зачесаны назад. Прямая осанка, плечи откинuty. Лицо с хорошо очерченными скулами, глаза цвета хаки. Одежда — обтягивающая торс серебристая майка и просторные штаны из особо прочной меланжевой ткани, сиренево-серого оттенка. И улыбка. Коронная улыбка Киры, обнажающая ряд белоснежных зубов.

Гера подался вперед и сосредоточился. До сих пор ему не верилось, что отныне большая часть его жизни будет посвящена вот этим пока еще незнакомым людям. Что в какой-то степени ему придется взять за них ответственность, изучить каждого вдоль и поперек, найти общий язык. Еще на прошлом собрании он понял, что Кира — фрукт непростой. Как минимум, с самонадеянностью участника придется побороться. На дружбу с ним можно не рассчитывать, не выйдет, только жесткая и официальная позиция, потому что такие, как Кира, признают исключительно вертикальные вышестоящие авторитеты, а всех, кто кажется им слабее, прогибают под себя.

— Приветствую вас, земляне! — помпезно начал он. — Думаю, мне не обязательно представляться, потому что наверняка меня и так все знают. Но я все-таки представлюсь. Мое имя — Кира. На протяжении всей истории человечества данное имя принадлежало только выдающимся личностям, и я, по сложившейся традиции, один из них, хе-хе. Как всем известно, я возглавляю группу спасателей быстрого реагирования, иными словами, оберегаю ваши, человеческие, жизни. На моем личном счету десятки и даже сотни спасенных, вытащенных, не побоюсь этого слова, из самого пекла смерти. Риск! Опасность! Драйв! — все это моя стихия. И вы можете спать спокойно, пока оперативную группу возглавляю именно я. Потому что слово «страх» мне неведомо.

Психологическое взросление у меня наступило в семнадцать лет. Сейчас мне девяносто три. Замечательная цифра. Самый расцвет сил. В свободное время... хе-хе, это была шутка, потому что свободного времени у меня нет. Ибо от меня, моих действий и действий подчиненной мне команды зависит стабилизация демографической ситуации на Земле и сокращение смертности. Поэтому то время, которое у обычных людей называется свободным, я посвящаю сну и, конечно же, Сашеньке. Саша — милый человек.

Меня часто спрашивают... ладно, пока еще не часто, но я уверен, что с сегодняшнего дня вопрос будет звучать с завидным постоянством. Зачем? Зачем ты сознательно пошел на ограничения, в корне перевернул всю свою жизнь, ради чего? И ответ будет прост. Ради всех нас. Потому что я всегда знал, что горячая кровь предков бушует именно во мне, и именно я смогу открыть перед человечеством новые возможности...

(тут Гера открыто зевнул, потому что бесконечный самовосхваляющий монолог Киры его порядком утомил)

... и именно поэтому я решил принять участие. История запомнит мое имя как имя человека, впервые зачавшего ребенка естественным путем! Это будет величайший прорыв!

Что там еще? Ах, да. Дети. Конечно же, я очень люблю детей, и часто приглашаю подростков в нашу группу в рамках программы социализации. Дети забавные. Думаю, из меня получится отличный выращиватель. Я подам прекрасный пример новому члену общества, и, уверен, он обязательно пойдет по моим стопам. Поэтому, из имеющихся детей я хотел бы выбрать самого выносливого, с наилучшими показателями здоровья. И, разумеется, я полностью уверен, что зачатый мной ребенок, первый ребенок, зачатый естественным

путем, будет похож на меня. Мы назовем его Кирой. Кира-младший, хе-хе, забавно звучит.

— Спасибо первому участнику за превосходную презентацию! — поблагодарил его Эн. — Кира, согласно результатам тестирования, ты не проходишь по единственному пункту. Полигамность. И для чистоты эксперимента нам необходимо быть уверенными, что на ближайшие восемнадцать лет ты ограничишься одним партнером. Ты можешь гарантировать нам это?

— Безусловно. Откровенно говоря, я не уверен до конца в своей полигамности. Мне просто нравится секс с разными людьми. Но ради всего человечества я, конечно же, пойду на уступки.

— Хорошо. Можешь вернуться на место. Дорогие участники, кто желает выступить следующим?

— Давайте я, — к центру поляны шагнул Рома.

Следующий участник был высокий и упитанный. Кучерявые черные волосы собраны в пучок на затылке. Смуглый. Движения плавные и неторопливые. Глаза карие и задорные, взгляд — дружелюбный, черты лица — крупные. Отличная грудь с ярко выраженными сосками обтянута полупрозрачной майкой фиолетового цвета. Татуировки с растительным узором покрывали большую часть обеих голени. Первое впечатление Рома производил благоприятное, и Гера решил, что проблем с ним не возникнет.

Наверное.

— Здравствуйте. Меня зовут Рома, — буднично и непринужденно начал он. — Мне семьдесят восемь лет. Взросление наступило в двадцать. Люблю животных, вхожу в группу по сохранению исчезающих видов, в основном, вскармливаю оставшихся без попечения малышей. С человеческими младенцами дела не имел, но, думаю, они не сильно отличаются от детей приматов, к тому же я переучиваюсь на работника детского центра и кое-что уже умею. Нам всегда хотелось выкормить младенца, самим, смотреть, как он растет, как делает первые шаги; помочь ему развить таланты, найти место под солнцем. Подружиться. Своими глазами наблюдать, как развивается новая личность, испытать чувство радости и гордости за его достижения, внести свой вклад в формирование новой личности, поделиться тем, что знаем мы сами. Думаю, вдвоем с Волей мы отлично справимся. А если эксперимент принесет пользу не только нам, но и всему человечеству, то... не знаю. То это очень здорово, — Рома искренне улыбнулся, отчего лицо его полностью преобразилось, как будто озарилось изнутри; да так заразительно, что заулыбались все на поляне. — Мне нечего добавить. Всем спасибо за внимание.

— Спасибо, Рома, — Эн прищурился, просматривая результаты тестирования участника. — Рома, ты нам полностью подходишь, но у тебя преимущественно пансексуальная ориентация.

— Это никоим образом не помешает. Я не буду афишировать предпочтения перед ребенком.

— Хорошо. Вернись на место. Воля, Саша, кто следующий?

— Я, — шагнул вперед еще один генетик.

Совершенно не похожий на Женю.

Худой, большеглазый. С точки зрения Геры, красивый. Ровно подстриженные волосы, светлые, непослушные, с завитками на затылке. Взгляд восторженный, с хитринкой, в лице сохранилась наивная детскость. Одет в серый просторный комбинезон. Участник не очень походил на классический образец маскулины из прошлого, но результаты теста говорили

обратное.

— Всем привет. Я Воля, генетик, пока оттачиваю навыки преимущественно на животных. Семьдесят лет. Взросление наступило в тридцать два. Люблю менять цвет глаз, охотиться и очень люблю детей. Рома уже все сказал, и к его словам мне нечего добавить. Я не ожидал, что нам получится пройти отбор, но мы его все-таки прошли, чему я безумно рад. На успех мы конечно же настроены, возможные трудности нас не пугают. Спасибо нашим замечательным организаторам за предоставленную уникальную возможность.

— И тебе спасибо. Воля, по результатам теста ты подходишь по всем пунктам, с чем я тебя искренне поздравляю. Вернись, пожалуйста, на место. Саша, твоя очередь.

И на центр поляны вышел... нет, выплыл, последний участник. И было в нем что-то такое, эфемерное, едва уловимое, прочно приковывающее взгляд. «Человек не от мира сего», — подумал Гера, поглаживая гарпун и наблюдая за перемещениями Саши по поляне.

Воздушное существо. Тонкое и хрупкое. В светлой полупрозрачной одежде, просторной; от ветра легкая ткань облипала худосочное тело. Глаза — огромные, ресницы — длиннющие. Волосы тонкие, русые, опускались ниже поясицы, почти как у Жени. Взгляд отрешенный, лицо мечтательное, за ухом — большой тропический цветок. Ему хотелось пририсовать крылья, они органично бы вписались. Саша полностью соответствовал классической доисторической фемине — начиная от внешности и заканчивая типичными феминными увлечениями, указанными столбиком в тесте.

— Здравствуйте, — мелодично пропело создание. — Мое имя Саша. Мне семнадцать лет.

— Семнадцать? — перебил его Эн.

— Да, семнадцать. Взросление наступило год назад.

— По меркам предков семьи могли создавать лица, достигшие восемнадцати лет, — добавил Гера.

— Но я уже взрослый. Сто двадцать баллов по шкале Оли, — возразил участник.

— Сто двадцать — это много... — он задумался. Сам Гера прошел подобный тест в девятнадцать лет, и набрал сто девять баллов; проходным же считалась отметка в сто единиц. Тогда же ему выделили личный гравиталет и признали полностью самостоятельным членом общества, не нуждающимся в контроле извне. Славные были времена! Полная свобода, раздрай внутри, знакомство с Эном, который за годы нисколько не изменился, разве что добился невероятных высот в общественной иерархии. Столько всего хотелось сделать, сколькому научиться, желательно, немедленно и сразу. А Саша? Всего год независимости, и на заре жизни вот так поместить себя в жесткие рамки... Справится ли?

Гера понимал, что сейчас пустил в ход проекции: он бы не смог, он и сейчас бы не смог, да и не хотел; но Саша — не он, и не исключено, что сможет. Еще раз просмотрел отличные результаты тестирования последнего участника, перевел взгляд на озадаченного Эна.

— Когда тебе исполнится восемнадцать? — спросил Сашу.

— На следующей неделе, — дрожащим голосом ответил участник. Казалось, что Саша вот-вот совсем расклеится и заплачет. Эмоциональный. Как и положено правильной доисторической фемине.

А это хорошо.

«Принимаем?» — сообщением спросил бывшего наставника, скинув на него ответственность за окончательное решение.

— Мы подбираем кандидатов из современного общества, и, если по нашим меркам он

считается взрослым, значит, имеет полное право принять участие в эксперименте, — сказал Эн. — Есть возражения?

Возражений не последовало.

— Продолжай, Саша.

— Да, — выдохнул последний участник и робко улыбнулся. — Спасибо. Я очень хочу принять участие в эксперименте. Знаете, я пока не определился с родом деятельности, нахожусь в активном поиске, пробую понемногу то, это, пытаюсь сочинять музыку, очень люблю цветы и коллекционирую редкие виды, но все не то. Но. С детства у меня есть мечта. Я хочу ребенка. Родить. Сам. Из себя. От любимого партнера, от Киры. Мне кажется, это что-то волшебное. Новая жизнь внутри тебя, это же... Кира говорит, что у меня есть все шансы исполнить мечту, потому что психика у меня еще пластична, я молод, а недавно у меня начала расти грудь, и, возможно, эксперимент поможет мне повзрослеть в физическом смысле. И тут... я прошел отбор! Мне до сих пор не верится, что это правда. Это как, как знак, свыше. Ну, и вот... я хочу попробовать.

— Саша, здесь нельзя «попробовать». Ты или участвуешь, или нет. Определись. Ты хочешь попробовать или готов принять участие? — уточнил Эн.

— Я не так выразился. Конечно, я готов.

— Спасибо, Саша. Вернись на место, — Эн подождал, пока участник встанет в тень партнера. — А теперь, слушайте меня внимательно, — на этих словах Гера встал и подошел ближе к центру поляны, а после медленно обошел ее кругом. Он не вслушивался в слова, знал речь наизусть, все-таки они вместе ее продумывали; ему хотелось затранслировать сосредоточенные лица участников со всех ракурсов.

— У вас есть ровно сутки. За это время вы должны подготовиться к переезду, — говорил тем временем Эн. — С собой ничего не берите, все необходимое — жилье, одежду, утварь и прочее — мы вам предоставим. Завтра, в это же время, встречаемся на сейшельских островах, координаты вам уже направлены. На круглосуточной связи с вами будет находиться Гера, я и Рэй...

— Можно вопрос? — перебил Рома. — А работу я могу на дом взять?

— Что касается работы. Согласно традициям предков, за внешнюю сферу семьи отвечает маскулина. Обеспечение семьи полностью ложится на его плечи, фемина обязуется заниматься домом и младенцем.

— Я справлюсь и с тем, и с другим, и с третьим. У нас дедлайн. Все зоозащитники загружены, очередную партию отказников совершенно некуда пристроить.

— В целом, работа на дому не противоречит нормам предков, — подал голос Гера. — Если она не мешает заниматься основным делом.

— А можно еще вопрос? — заговорил Воля. — А мне, как маскулине, обязательно каждый день вылетать из дома во внешнюю сферу, на работу, то есть? Ведь Роме может понадобиться помощь, ну, на первых порах. Я не могу вот так все на него сбросить.

— А я не понял. Что значит — обеспечивать семью? Разве новым детям не полагается обеспечение по праву рождения, как всем нормальным людям? — возмутился Кира.

— А можно взять с собой цветы? Хотя бы мои любимые? — спросила Саша.

— Это мне вообще взаперти придется сидеть?

— Это что, мне самому придется ту же еду заказывать и для себя, и для Саши? А потом самому забирать ее с гравиталета доставки и заносить в дом? Это и есть «обеспечивать»?

— А будет отдельная комната для занятий музыкой?

— Так что насчет цветов?

— Тихо! — громко сказал Эн. — Не все сразу. Всю необходимую информацию мы вам предоставим сразу после презентации. Пожалуйста, ознакомьтесь с ней максимально внимательно. Раздел об обращении с детьми младенческого возраста вызубрите наизусть. Разумеется, мы не изолируем вас полностью от внешнего мира. Разумеется, маскулины могут и даже должны помогать феминам. Само собой, что обеспечение ресурсами по праву рождения у детей никуда не исчезло. И цветы можно. А теперь, дайте мне закончить. Встречаемся завтра, в два, на островах. А на сегодня все. Вопросы еще есть?

— Да нет, наверно, — протянул Рома.

— В целом-то, все понятно, — поддакнул Кира.

— В таком случае, наша презентация подошла к концу. Дорогие земляне, спасибо, что были с нами! Уважаемые участники, остановите трансляцию. Удачи вам, берегите себя и — до завтра, — на торжественной ноте закончил речь Эн, смахнул капельки пота со лба и вышел из центра поляны.

«Ну наконец-то!» — подумал Гера, поднял глаза к небу и несколько раз с силой сомкнул веки. По выработанной привычке, во время прямой трансляции он старался моргать как можно реже, отчего и без того чувствительные к дневному свету глаза пересыхали и сильно уставали. Участники, громко переговариваясь, сбились в кучку и пошли к гравиталетам. Выглядели они счастливыми, довольными. Да и у него в душе все пело. Еще неделю назад жизнь казалось серой и скучной, а теперь навалилось столько всего, и сразу, что хотелось взлететь куда-нибудь повыше и громко закричать, спикировать вниз на головокружительной скорости и у самой земли, за секунду до столкновения, расправить крылья и подпрыгнуть вверх от тугого потока воздуха.

— Гера, свяжись сегодня с Рэем, — отвлек Эн. Он зашел со спины. — И организуй рассылку.

— Конечно, — кивнул он.

— Что это у тебя за палка, кстати?

— Это? — задумчиво посмотрел на гарпун, — так, раритет. Древний образец. Хочу жилище украсить. По-моему, органично впишется.

— Гера, — нахмурился Эн. — Ты чип...

— Перенастроил. Я вечером с тобой свяжусь, — быстро отреагировал Гера и бодро зашагал вперед. — До завтра! — выкрикнул через плечо.

«Перенастрой чип, перенастрой чип... и чего он прицепился с чипом этим?» — думал Гера, натягивая на руки черные перчатки без пальцев из тонкой кожи. Оттянул эластичную резинку, плотно обхватил запястье, снял все металлические браслеты, зарядил иглами пистолет, забросил гарпун в гравиталет, заскочил следом и полетел охотиться на подарок.

Ведь каждому известно — лучший подарок тот, что убит собственными руками.

Глава 7. Про отражение себя в других глазах

«Я ему ничего не обещал. Хочет за мной побегать — так пусть бегают», — с такими мыслями проснулся Женя в районе десяти часов утра по общеземному времени. Зевнул, спрыгнул, подкрепился любимыми личинками, сходил к роднику, умылся, переплел косу. Посмотрел вокруг, засучил рукава и приступил к работе.

День выдался плодотворный: он привел лабораторию в порядок, изучил материалы за последние сто лет и выделил те признаки, которые у населения встречались реже прочих. Нос с горбинкой, пепельный цвет волос, оттопыренные ушные раковины и прочее. Новый цвет глаз тоже решил использовать, но с осторожностью: поставить рецессивным в паре с уже проверенным серо-зеленым. Воля частенько ошибался в расчетах, а перепроверять кодировку и проводить дополнительные тесты не хотелось.

В обед Женя отвлекся на трансляцию.

После приступил непосредственно к работе: активировал один из отсеков, извлек оборудование, подключил к питанию, проверил, подготовил базовую ДНК. В начале работы проблем никогда не возникало, это уже потом, на стадии зиготы, всплывали всякого рода погрешности, на корректировку которых уходила уйма времени. Он загрузил ненавязчивую музыку прямо в мозг, сосредоточился и ввел кодировку. С сожалением отметил, что генетических образцов лопоухости в наличии нет, следовательно, придется делать запрос в общую базу.

Или заменить на стандартную ушную раковину. Базовую, как любили говорить в его среде.

Запустил оборудование. По трубкам потекла жидкость, а Женя приступил к подготовке безъядерных клеток. Снизил температуру в охлаждающей камере, надел перчатки, достал из жидкого азота длинную пробирку. Не мешкая, перелил содержимое в питательную жидкость. Она вспенилась и пошла пузырями, а после крохотными порциями перетекла в предварительный мини-инкубатор. Процесс, максимально приближенный к естественному. Большая часть клеток, к сожалению, отсеялась по пути, как нежизнеспособная, и до конечной цели добрались сотни две.

В принципе, достаточно.

Он выпрямился и размял плечи. Осмотрелся. Сейчас лаборатория походила именно на лабораторию: пробирки, тихий гул, мигающая подсветка приемника. Потолочное стекло слабо светилось, потому что снаружи уже смеркалось.

Неуютно.

Сборка и последующая репликация ДНК закончится, в лучшем случае, часов через семь-восемь. Поэтому Женя заиклил программу на повтор и вышел наружу. Сел на траву, закрыл глаза, бегло просмотрел карту, прислушался, нет ли чего съедобного поблизости. Но вместо привычных звуков расслышал нечто совершенно иное, и непроизвольно широко улыбнулся.

— Женька, а зачем у тебя по лесу банки с мертвыми мышами разбросаны? Это какой-то ритуал или профдеформация? — Гера вынырнул из кустов. С мокрыми волосами, с заляпанной кровью одеждой, запыхавшийся, но довольный донельзя. И вместе с его появлением вернулось предвкушение того, что сейчас что-то начнется. Странное, но

интересное. Как в предыдущих встречах.

— Нельзя спрашивать, — ответил не менее довольный Женя. — Лучше скажи, зачем ты приволок труп тюленя?

— Чтобы его съесть! Пробовал когда-нибудь тюленятину? — партнер в шутку вгрызся в ласт тела и смешно сморщился.

— Нет. Тюлени мерзкие.

— Э-эй, это же подарок! Вот, держи, — и туша, со стороны казавшаяся склизкой и липкой, легла Жене на колени. К удивлению, на ощупь тюлень оказался гладким и упругим. И теплым.

— Сам ловил, минут двадцать выслеживал, между прочим, в воду ледяную нырял! — с нескрываемой гордостью добавил Гера.

— Ну спасибо, наверное.

— Я знал, что ты оценишь. Идем! — партнер по-хозяйски развернулся и уверенно пошел вглубь леса. Казалось, что он и не улетал никуда, весь день здесь ходил.

Пришлось встать и идти. И нести тушу.

— Костер на берегу разожжем. Я первый специалист на планете по приготовлению тюленятины, тебе понравится, — без умолку тараторил Гера.

Бессмысленная улыбка намертво приклеилась к лицу.

— Вот, тут замечательно, — остановился партнер на берегу озера. — Давай сюда тюленя, садись, я сам все сделаю. Соль, у тебя есть соль?

— Откуда? Я сырое ем обычно.

— Так, ладно, я же молодец, я взял, вот, — потряс в воздухе пакетиком с белыми кристаллами хлорида натрия. — Сырое, это, конечно, хорошо, но я предпочитаю термообработанное.

Женя удобно расположился на берегу и сквозь приспущенные ресницы наблюдал, как на расчищенном участке выросла горка из сухих веток, которая моментально вспыхнула от поднесенного огня. После в ход пошел тюлень — острейшим ножом Гера вспорол его, выпотрошил и ловко разделал на бледно-розовые куски мяса. Срезал кожу, отделил голову, посмотрел на Женю.

— У тебя здесь падальщики есть?

— Сложи вон там, — махнул в чащу рукой. — Мигом растащат.

Внутренности, кожа, голова и крупные кости переместились в лес. Мякоть партнер разрезал на куски помельче, натер солью, после помыл руки в озере. Собрал ровных прямых веток и заточил их. Чирк, чирк, чирк — и береговые камни усеялись кудрявой стружкой.

— Есть свои прелести в лесной жизни. Все, что надо, лежит под рукой, — многозначительно произнес он, нанизывая мясо на палочки. После переворошил костер, поставил по краям большие камни, и вскоре розовые куски мякоти шипели и покрывались ароматной корочкой над раскаленными углями.

— Обожаю, — вытянувшись на берегу во весь рост, Гера ловко переворачивал палочки с нанизанным мясом.

Женя лениво кивнул. От длительного ничегонеделания его порядком разморило, он разделся и теперь расслабленный лежал на прохладных камнях, раскинув руки в стороны. Смотрел на небо. Там постепенно вспыхивали звезды, плыли черные облака. Одну половину тела обдавало теплом от углей, другую — влажным воздухом с озера. Давно ему не было настолько хорошо. Оказалось, это очень приятно — когда все делается не тобой, а кем-то

другим. Когда кто-то другой готовит еду, суетится, попутно развлекает тебя и нисколько не напрягает, ни своим присутствием, ни просьбами о помощи; а ты лежишь и иногда поддакиваешь.

Лежал бы так и лежал, вечно.

Раньше он не понимал, для чего люди сбиваются в пары, в трио, в квартеты и живут все вместе, а сейчас начал догадываться. Ведь даже если делать все дела по очереди, через день, то сколько высвобождается свободного времени, которое можно провести с пользой. Например, бесцельно пролежать несколько часов подряд!

— Готово! — победоносно воскликнул Гера. — Держи. Я тебе гарантирую, что ничего вкуснее ты в жизни не пробовал.

И он оказался прав. Тюлень действительно удался на славу, или же Женя так изголодался, что и гадкого лосося с удовольствием бы съел: запах, исходящий от стекающего на угли жира, давно вызывал обильное слюноотделение, а желудок сжимался в предвкушении. И поэтому, когда он вгрызся в горячее мясо, буквально тающее во рту, оно показалось ему бесподобным.

— Ну как? — спросил партнер.

— Сойдет, — с набитым ртом ответил он.

— И всё?!

— Гера умница и молодец, — одновременно жевать и улыбаться оказалось жутко неудобно.

— Вот, совсем другое дело. Ш-ш-ш, — Гера переменился в лице и рукой указал куда-то за спину.

Он развернулся. Там, из травы, поблескивая глазами, выглядывала мордочка с черным носиком. Ноздри широко раздувались, усы подпрыгивали вверх-вниз, уши то отводились назад, то возвращались на место. На запах мяса сбегалось много мелкой живности, но никто не осмеливался подойти так близко.

— Фима, — Женя плавно, чтобы не спугнуть любимицу, отодвинулся от Геры. Лисица осмелела и полностью вышла из травы. Села рядом, обернулась хвостом и оскалила на чужака зубы.

— Не трогай ее. Она сильно кусается.

— Фима? погоди, ты лису что ли приручил? Вот чего она крутится рядом все время, да?

— Так получилось, — Женя непринужденно передернул плечами. — Не специально.

— Забавно. Это что ли получается у меня конкурент есть? Фима-Фима-Фима, — Гера поступил не очень умно, протянул к любимице руку и тут же резко одернул. — Ну надо же, и правда, кусается, — с любопытством уставился на прокушенный палец.

— Я предупреждал, — ухмыльнулся Женя. Взял обглоданную кость от плавника и протянул Фиме. Она деликатно подхватила ее и, недобро косясь на партнера, отошла подальше. Развалилась на траве, обхватила лапами добычу и приступила к трапезе.

— А она на тебя похожа. Характером, — обиженно засопел Гера.

— Если сравнивать ее с людьми, то она скорее на тебя похожа.

— Почему?

«Потому что такая же бессмертная», — подумал Женя, а вслух сказал:

— Неважно. Нельзя спрашивать. Ты лучше расскажи, как там твой эксперимент? Уже развалился?

— Он еще не начался, вообще-то. А ты за трансляцией следил?

— Не-а.

— И как тебе участники?

— Как мне участники? — Женя едва не подавился. — Да никак. Один хочет самоутвердиться, другой слишком молод и ведомый, а остальные хотят поиграть в выращивателей. Славная подобралась компания. Уверен, население от них в восторге. Все же хотят зрелищ, да поэпичнее.

— Ты думаешь, затея бессмысленна?

— Нет, что ты, я так не думаю. Если раньше я сомневался, то теперь полностью в этом уверен. Дай мне еще, — Женя выбросил опустевшую палочку и взял следующую.

— Тем приятнее будет тебя разубедить.

— Нельзя быть таким наивным. Я не верю, что действительно думаешь, будто кучка людей, играющая в предков, сможет чего-то изменить.

— А ты, как мне кажется, недооцениваешь силу социализации, — надулся Гера.

— Послушай, мне лень спорить. И вообще, я сегодня весь день работал, и разговаривать о работе, твоей или моей, не хочу.

— Если что, ты сам тему поднял. А о чем тогда поговорим?

— Сам предлагай.

— Тогда, — партнер хитро сощурился. — Тогда, давай познакомимся поближе!

— Уж нет. Я к этому пока не готов, слишком стремительно, давай потом как-нибудь. Может, лучше поплаваем или к сексу перейдем? — запричитал было Женя.

— Нет-нет-нет, самое время. Давай, открывай мне личку. Полностью. Приватно.

— Еще чего.

— А в мою ты заходил?

— Не-а.

— Ну вот, — расстроился Гера.

— Ладно, — вздохнув, он пошел на уступку. — Но только с моего разрешения. Сам не лезь. Вместе.

— Само собой, — плечи партнера откинулись, лицо разгладилось, и по неведомой причине Жене стало хорошо. — В личные характеристики можно зайти?

— Валяй.

Гера взял длинную ветку, разломал, бросил в угли. Они вспыхнули, и берег вновь озарился прыгающим светом. После партнер прикрыл глаза и зашел в личный кабинет. Женя ревностно следил за его перемещениями, но нет, он и в самом деле всего лишь открыл временно доступные характеристики личности.

— Так, так, так, что тут у нас? Ога, ты прошел тест на взросление в шестнадцать! Куда так торопился?

— Мне хотелось жить одному. Это основная причина.

— Так, а баллов по коммуникативным навыкам не добрал. Удивительно, да? Я поражен!

— Издеваться вздумал? — из мести Женя уверенно зашел в личный кабинет Геры и прочесал личные характеристики. — Подумать только. Склонность к аутоагрессии! Никогда бы не подумал, — фыркнул он.

— Ах так? Ну-ка, а кто у нас значится в близких друзьях? Ну надо же, никого!

— Состояние здоровья всего лишь удовлетворительное. М-да.

— Ужас какой, да ты интроверт с проявлениями социофобии!

— Поверхностный экстраверт, фи.

— Любимые животные — лисы и крысы.

— А у тебя — летучие мыши. Мыши, гадость!

— Консерватор.

— Ты тоже консерватор.

— Точно, — Гера вышел из характеристик и сфокусировался на Жене. — А как насчет заглянуть в личные воспоминания?

— Это нечестно, — Женя проглотил последний кусок целиком и запястьем утер рот. — У тебя их почти нет. Всего два.

— Значит, пришло время их открыть.

— Нет.

— Всего одно.

— И у меня одно?

— У тебя их три сотни. Так будет несправедливо. Предлагаю следующее: одно мое и полторы сотни твоих. То есть, половину моих и половину твоих.

— Это как-то не очень-то и справедливо, — протянул Женя, чувствуя, однако, что уже втянулся и все равно согласится.

— Справедливости в мире вообще нет. Ее люди придумали.

— Тогда, сегодня смотрим твои, а мои когда-нибудь потом, — «никогда, например» — мысленно закончил фразу.

— Согласен. Заходи ко мне. Итак, перед тобой два воспоминания, какое выберешь?

— Первое.

— Просматривай, — Гера откинулся назад и с любопытством уставился на Женю.

Стало очевидно, что партнер предвкушает его реакцию. Следовательно, в воспоминании скрывалось или что-то с подвохом, или нечто провокационное, или слишком откровенное.

Женя с опаской открыл исходный кусочек памяти, выждал несколько секунд. Отсчет времени продолжался, но он так ничего и не увидел. То есть, вообще ничего. За исключением непроглядной тьмы перед глазами.

— И что это за ерунда? — он прервал поток бессодержательных воспоминаний.

— Это не ерунда, — серьезно ответил Гера. — Здесь не зрительное воспоминание, а чувственное. Тактильное, точнее. Его так просто не прочувствуешь. Но оно очень важное, правда. Давай, вместе, — он подполз к Жене и сел позади него. — Закрой глаза. Расслабься. Не думай ни о чем. Ты умеешь впадать в транс? Так вот, попробуй. Ты же слышишь, как я дышу?

Женя закрыл глаза, лег спиной на Геру и настроился на медленное, ритмичное дыхание. Расслабился. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Барабанная сердечная дробь, шум крови в аорте. Легкий ветер, птичий свист, скрежет лапок о стекло. Выдох, вдох.

— А теперь, — зашептал на ухо партнер, — загрузи воспоминание. Глаза не открывай. Загрузи и сосредоточься на себе, на своих ощущениях. Постарайся ни на что не отвлекаться. Занырни туда полностью. Не бойся, ничего страшного там нет, это я гарантирую.

Женя кивнул и еще раз открыл воспоминание. Теперь, когда глаза его были полностью закрыты, он целиком погрузился в непроглядную тьму. То есть, если бы Гера записывал память с закрытыми глазами, пусть даже и ночью, то сквозь веки все равно бы просвечивалось хоть что-то, например, легкий красноватый оттенок от капилляров, но тьма стояла абсолютная. И ни единого звука. Никаких запахов. Как в вакууме.

На мгновение стало страшно и Женя захотел прервать трансляцию, потому что

почувствовал себя мертвым, но тут он ощутил это. Сразу, всем телом. Что-то необъяснимое. Как будто его гладили, всего, но без малейшего давления. Просто теплые волны разливались по спине, по рукам, по шее. Приятные безумно, ласковые, нереальные. И почему-то ощущать их было радостно, даже слишком. Тьма вокруг не рассеялась, но на душе стало так светло, как никогда прежде.

Воспоминание закончилось. Жена распахнул глаза и сощурился. После непроницаемого мрака огонь и луна казались нестерпимо яркими.

— И что это было?

— Это... долгая история. Знаешь такую особенность, когда одно чувство притупляется, другое наоборот, обостряется? Если ты ослепнешь, то у тебя усилится слух, если оглохнешь — зрение или чутье. А если ты и оглохнешь, и ослепнешь, и лишишься возможности чутье запахи, что тогда обострится?

— Гера, ты ненормальный, — Женю передернуло.

— У меня кожа никогда не была настолько обостренной. Ты только что встретил рассвет. Поздравляю. Согласись, непередаваемые ощущения? Лучи света, осязаемые, как будто материальные!

— Вообще-то, передаваемые, — возразил Женя. — Что с тобой тогда случилось?

— Тогда мне пришлось жить некоторое время в медцентре. Я был беспомощнейшим существом. Но не жалею. Оно же того стоит?

— Не знаю. Но знаю точно — это было опасно. Ты себя ведешь, как бессмертный, а ты смертен. Так — нельзя.

— Кстати, о безопасности. Ты в курсе, что носить длинные волосы чревато последствиями? Они могут за что-нибудь зацепиться, застрять, и вот тогда перелома шеи не избежать. Поверь моему опыту.

— А ты в курсе, что давать непрошенные советы тоже чревато последствиями?

— Ладно, ладно, не кипятись. А у меня идея есть. Давай смотреть друг на друга глазами друг друга! — зрочки Геры вспыхнули от очередной безумной идеи. Или в них отразился отблеск пламени. В любом случае, это было красиво.

— Чего? — Женя завис, пытаясь понять, что сейчас услышал. — А мы чем смотрим?

— Ну Женя, просто, активируй трансляцию и подключи к ней меня, а я то же самое сделаю. И будем смотреть друг на друга глазами друг друга! Это весело. Ты что ли ни разу так не делал? — партнер переместился вперед и сел перед Женей.

— Не-а, — он выполнил просьбу. Со скептицизмом принял трансляцию Геры, посмотрел на него, но увидел себя его глазами, почти как в зеркале, и... мгновенно заморозился. Вроде бы, все то же самое — волосы, брови, глаза — но чужое восприятия неуловимо исказило обычные черты и сделало их прекрасными. Не просто волосы, а иссиня-черные, отдающие перламутром; не просто глаза, а два чистых янтаря в ресничной оправе. Кожа, белая, матовая; безукоризненная осанка, правильное ухо с симметричными кольцами, рот, слегка приоткрытый от восхищения. И все это в лунном свете, на фоне рябой мерцающей поверхности воды.

Женя всегда считал себя красивым, а сейчас понял, что он — само совершенство.

— Что ты видишь? Ты что видишь? — очнулся минуту спустя.

— У меня правда такие милые веснушки? Их же не видно почти, — не менее замороженным голосом ответил Гера.

И Женя понял, что выдал себя с головой. И ладно бы перед Герой, нет, хуже — перед

самим собой. Глаза, восприятие — не обманешь. С первого дня смутные догадки терзали его, а сейчас все стало очевиднее некуда.

— Значит, я все-таки влюбился, — с ноткой сожаления отметил он.

— А тебя это расстраивает?

— Очень, — Женя прервал трансляцию и нормально посмотрел на Геру. — Но ночуешь ты сегодня у меня.

Люди. Мерзкие уродцы. Ходят на двух лапах, несуразные и лысые. Воняют человечинной. Лезут в мироздание и наводят свои порядки. Произносят отвратительные звуки, прерывистые. Слабые и беспомощные. Охотятся хуже новорожденных лисят. А единственный адекватный человек сейчас поддавался инстинкту размножения.

Глупец. Ведь не сезон!

Фима сидела, плотно прижав передние лапы друг к другу. И в немигающих глазах ее, как в водной глади, отражался лес. Тлеющий костер. Луна. Свой человек и отвратительный чужак, в обнимку спящие в траве.

Глава 8–1. Супер-мега-грандиознейшее начало архинаиважнейшего эксперимента всея планеты Земля

После приятно проведенной ночи нацепить маску серьезного человека оказалось не так-то просто. Сонный, но страшно довольный Гера стоял перед взволнованными участниками и старался не зевать; спина горела от кровавых полос — это Женя попытался почесать ее так, чтобы надолго хватило. А все равно не хватило, и хотелось еще. Давненько его не вычесывали так сильно, обычно все боялись сделать больно.

Место для проведения эксперимента выбрали идеальное: обособленный остров с прекрасным климатом, приспособленный для длительного и комфортного проживания. Семьи решили поселить недалеко друг от друга, и два дома, спроектированных по древнему образцу, разделяло километра два. Собрались же все посередине, на светлом песчаном берегу. Солнце жизнерадостно светило, над морем кричали чайки, чуть поодаль пальмы отбрасывали причудливые длинные тени.

Райский уголок.

— Дорогие земляне! — вещал тем временем Эн. — Сегодня, в четырнадцать часов по общеземному времени...

«Бла-бла-бла», — перестал вслушиваться в приветственную речь Гера и сконцентрировался на участниках.

Саша прихватил из дому горшок с фикусом Бенджамина и теперь стоял, обнимал его и испуганно хлопал ресницами; Кира прилетел налегке, в рабочей одежде. Он то и дело прикрывал глаза, словно попутно с кем-то переписывался, и, как всегда, широко улыбался. Воля нетерпеливо ходил вперед-назад, с маленькой сумочкой, а растрепанный Рома держал огромную клетку, накрытую плотной тканью. В ней кто-то пищал. Чуть поодаль бродил Рэй, с рюкзаком и в легкой соломенной шляпе. Он ждал, когда привезут детей.

Все шло по плану.

— Дорогие участники! Вы ознакомились с правилами? — перешел Эн к делу.

— Разумеется.

— Да.

— Конечно! — вразнобой ответили ему.

— Хорошо. А теперь, слушайте меня внимательно. На первоначальном этапе, срок которого определен в три месяца, вы обязуетесь вести прямую трансляцию, доступную мне и Гере...

— Э-эй, а как же право на личное пространство?! — возмутился спасатель.

— ... с восьми утра и до восьми часов вечера, — громче отчеканил Эн. — В ночное время вы будете предоставлены сами себе. И я надеюсь, что вы будете придерживаться правил и без контроля извне. Впоследствии период трансляции постепенно начнет сокращаться. Мы будем за вами наблюдать и, в случае необходимости, корректировать ваше поведение. Вы должны беспрекословно следовать указаниям, иначе мы будем вынуждены поставить вопрос о вашей дисквалификации. Это понятно?

— Да поняли мы уже.

— А как долго нам еще здесь стоять?

— Наш дом правый или левый?

— Жарко!

— А где наши дети?

— Пожалуйста, не все сразу. Если у вас возникнут вопросы, вы всегда можете обратиться ко мне или к Гере, в любое время дня и ночи. Теперь, что касается детей. В случае возникновения проблем на круглосуточной связи с вами будет находиться Рэй, ведущий специалист детского центра. Рэй! — выкрикнул погромче. Невысокий темноволосый человек помахал в ответ шляпой. — Всем все понятно?

— Да!

— А сейчас, дорогие участники, в знак начала нового витка в истории человечества и в вашей жизни в частности, переоденьтесь в традиционные костюмы мудрых предков, символизирующие феминность и маскулинность!

Эн достал из рюкзака подготовленную стопку, обошел участников и каждому вручил по комплекту одежды: пятнистые зелено-бурые штаны и майки в полоску для Воли и Киры, сшитые по образцу маскулинной одежды со второго расшифрованного изображения, и розовые сарафаны с рюшечками для Ромы и Саши, как у самой феминной фемины с первого изображения. Участники с любопытством развернули подарки, осмотрели, потрясли в воздухе, понюхали.

Кира, не мешкая, сбросил рабочую одежду и переоделся.

— Эй ты, белобрысый, смотри на меня, — в приказном тоне он обратился к Гере. — Транслируй, — и, обнажив зубы, застыл в наиболее выигрышной позе. Мышцы напряг, пальцами медленно зачесал волосы назад и игриво повел бровью.

— Обращайся ко мне по имени, — стараясь держать себя в руках, сухо отреагировал Гера.

— Ах да, конечно. Ты же организатор, — отмахнулся Кира.

И Гера понял, что его уже тошнит от надменной улыбочки спасателя.

— Это что? — спросил Рома, пытаясь понять, как надевать нечто несуразное в руках. — Очень длинная майка? Стилизованная под цветок?

— Смотри, — Гера шагнул к нему. — Голову сюда, вот это застегнуть, руки сюда.

— Эй. А как я в этом на дерево залезу? Ткань же будет мешать, — возразил Рома.

— А тебе не понадобится залезать на деревья, — Гера помог участнику переодеться. — Вот, готово.

— Странно это все, — Рома, нервно дергая плечами и все время поправляя бретельки, вернулся на место.

— Застегни, пожалуйста, — сзади подошел Саша. — Я правильно надел?

— Ромочка, посмотри, а мне идет?

— Ой как ты здорово смотришься!

— Интересно так, необычно!

— А ты, так непривычно!

— Саша, как тебе я?

— Дорогие участники! — громко перебил всех Эн. — Я понимаю, вы под впечатлением, но давайте вести себя спокойно. Заселение произойдет с минуты на минуту, — вдали показался ярко-желтый гравиталет с детьми. — Уважаемые фемины, завершающий штрих — нанесите на ресницы вот это, — и раздал участникам-феминам

маленькие тюбики.

— Что это? — повертев штучку в руках и попробовав ее на зуб, спросил Рома.

— Это тушь. Косметика, — пояснил Гера. — Проведи щеточкой по ресницам.

— А зачем?

— Чтобы глаза были четче.

— А зачем делать их четче?

— Рома, — терпеливо ответил Гера, отмечая, что Саша, в отличие от некоторых, уже давным-давно сделал все, что нужно. — Ты задаешь слишком много вопросов. Косметика пробуждает феминность. Так понятно?

— Понятно. Спасибо, — к облегчению, участник послушно накрасил ресницы и, сильно жмурясь, шагнул к партнеру.

Гера отошел подальше и оценил обстановку, сверяя внешний вид участников с запечатленными предками на электронном носителе. Рома вертелся и постоянно одергивал длинную юбку, иногда подносил ладони к глазам, но спохватывался и одергивал их; Воля возился с ширинкой и сосредоточенно пыхтел. Платье слишком обтягивало Рому, а штаны чересчур свободно сидели на Воле, и, в целом, они не очень походили на классические примеры людей из прошлого. Зато другая пара выглядела так, как положено: Саша стоял, придерживая статного и, чего таить — очень маскулинного Киру под локоть, и платье ему безумно шло. Оно прекрасно сочеталось и с цветком за его ухом, и с распущенными, играющими на ветру волосами. Даже слой химического вещества на ресницах смотрелся на участнике уместно и гармонично.

— Дорогие участники, а сейчас наступит самый важный момент на сегодня: всего через несколько секунд вы превратитесь из обычной пары в настоящую семью! — Эн быстро подошел к приземлившемуся гравиталету и помог выбраться работникам детского центра, на руках которых мирно сопели два свертка.

Рэй положил рюкзак на берег, перенял одного ребенка у коллеги и торжественно вручил в дрожащие руки Саши. Участники притихли и, затаив дыхание, устремили взоры на крохотных младенцев. Рома перестал ерзать, отошел от клетки и прижал руки к груди; Воля сдавленно всхлипнул; Кира заработал зрачками, наверное, фиксировал происходящее на память.

— Он такой... такой крохотный! — вполголоса воскликнул Саша, не зная, с какой стороны подступиться к протянутому свертку. Робко взял его, удерживая в вертикальном положении за бока, на вытянутых руках. — А-а-а! Пойдите! Что у него с шеей? Он болен? У него голова не отвалится? — резко побледнел участник.

— Не бойся. Младенцы не такие хрупкие, как кажется, — подбодрил его Рэй. — Но лучше держи вот так, — ловко уложил ребенка головкой на сгиб локтя Саше.

— О-о, — протянул участник, расширив от ужаса глаза.

— Ути-пути, — подошел Кира и сделал пальцами «козу» над лицом младенца. — Я надеюсь, его мышечный тонус в порядке? И зрение, почему у него глаза цветные? — деловито спросил он Рэя.

— В порядке. А глаза, просто видовая особенность, на качестве зрения не отразится. Итак! Знакомьтесь, это Мэл. Возраст три дня, вес три двести, полностью здоров.

Ребенок, словно сообразив, что речь идет о нем, громко закричал. Гера шагнул ближе и с любопытством осмотрел младенца. Наружу выглядывало только лицо, самое обычное, с большим количеством веснушек — наверное, выращен в Женином инкубаторе — и глаза,

действительно разные, что довольно необычно и притягательно смотрелось.

Руки Саши мелко затряслись.

— Что с ним? Он хочет что-то сказать?

— Саша, — строго спросил Эн. — Ты читал инструкцию по обращению с детьми?

— Да, но, я не думал, что они настолько... ну то есть такие вот прямо чтобы совсем. Я по-другому все представлял! Розовощекие младенцы, и чтобы улыбались, как на изображениях в сети, а он какой-то... угрюмый.

— Ничего, это поначалу страшно, а потом привыкнешь! — Рэй подозрительно хихикнул и хлопнул Сашу по плечу. Взял следующего ребенка и подошел ко второй паре.

У младенца номер два не было веснушек, зато хорошо выделялись волосы — насыщенного красного цвета. В целом, он практически не отличался от первого ребенка. Гере в принципе все люди до первого года жизни казались одинаковыми: пухлые, несуразные, с неправильными пропорциями тела. Смешные и бестолковые.

С Ромой и с Волей между тем происходило что-то странное. Четыре руки, отталкивая друг друга, вытянулись вперед, навстречу младенцу; Рома беспрерывно моргал, наверное, чтобы не расплакаться, а глаза Воли округлились, словно он голодал по меньшей мере неделю и наконец-то добрался до возжеленной еды.

— Согласно инструкции, — уворачиваясь от его рук, Рэй вручил ребенка Роме, — драгоценную ношу я должен передать фемине.

— А-ах, — ахнул Рома, бережно прижимая к себе сверток. Лицо его разгладилось, на щеках вылезли ямочки, кудрявая прядь свесилась на лицо и приклеилась к влажным губам — участник этого не замечал, полностью растворившись в новом члене новой семьи.

— О-ох, — охнул Воля, боком вжимаясь в партнера. Подбородок, губы, руки, голос — казалось, у него дрожало все. — Ты п-п-п-осмотри, какое маленькое личико! — и осторожно пальцем провел по крохотной щеке.

— Ты посмотри, какие лапки! Рученьки, то есть, — участник смахнул с лица слезу, оставив на нижнем веке темный след. Разработчики косметики не догадались сделать тушь водостойкой. — Я не верю!

— Я тоже не верю... Ромочка, дай мне поддержать!.

— Воля, потом, дома, сказали же... А волосики? Волечка, ты видел такие волосики?

— Он как огонек! Это слишком, слишком мило! — второй участник тоже пустил слезу и лицом потерся о плечо Ромы.

— Ну что, выращиватели новоявленные! Знакомьтесь. Это — Валя. Два килограмма девятьсот грамм, пять дней от роду, абсолютно здоров, — презентовал ребенка Рэй.

— Валечка, — тут же умилились оба партнера.

— А если одну букровку заменить, то получится Волечка!

— А он на тебя похож, смотри, такой же хорошенький!

— Нет, на тебя, у него щечки такие же пухленькие, — приторно-сладко заворковало семейство.

От суматохи ребенок проснулся, замахал руками и загулил.

Пара умилилась еще сильнее.

— Глазонки, серенькие!

— А реснички, реснички-то, черненькие!

Одной рукой Воля обнимал Рому за талию, а другой, практически без нажима — ребенка. Оба склонились над свертком и иногда поднимали глаза друг на друга —

встречались взглядами, улыбались и опять смотрели на долгожданный бессвязно лепечущий подарок. Казалось, что они напрочь забыли про то, где находятся и для чего вокруг собралась все эти люди. Гера поневоле стало неудобно, словно он подсматривал за чем-то личным, интимным, не предназначенным для чужих глаз.

— Дорогие участники! — трогательный момент прервал голос Эна. — Пожалуйста, отвлекитесь. В завершение открытия великого эксперимента, пришло время сделать первое в мире семейное фото! Пожалуйста, встаньте попарно, посмотрите на нас и улыбнитесь!

На берегу поднялась суматоха.

— А-ай! — взвизгнул Саша, потому что Кира подхватил его на руки, вместе с младенцем, и закружил по берегу. После, поймав наиболее удачный ракурс, замер на несколько секунд и поставил партнера на ноги.

Серия отличных снимков отправилась в общую базу.

Воля тоже хотел было последовать примеру Киры, оценивающим взглядом осмотрел немаленького Рому, вздохнул, и просто встал рядом.

В общую базу добавилось несколько кадров.

— А теперь, дорогие участники, пришло время заселения! Рома и Воля, ваш дом находится с южной стороны, а ваш, Кира и Саша — с северной. Активируйте приватную трансляцию, располагайтесь, осваивайтесь. Уважаемые земляне! За ходом эксперимента вы можете следить в моем личном кабинете, куда каждую среду будет выкладываться отчет по результатам недели. А теперь — всем удачи, и, самое главное — берегите себя!

Глава 8–2. Про легкие несоответствия и про орхидеи

Как-то раз — давно это было! — Гера попал в завал. Он тогда увлекался спелеологией, и походы устраивал, как правило, в одиночку. Не потому, что ему так больше нравилось, нет, тогда он еще любил компании и душевные разговоры, которые в непривычных и сложных условиях текли особенно легко и непринужденно, а потому, что соратники по хобби, просмотрев выбранный маршрут, под нелепыми и неправдоподобными предложениями открещивались от экскурсии. Вероятно, их инстинкт самосохранения перевешивал желание пощекотать нервы. И в очередную вылазку узкий проход позади него завалило крупными обломками.

Несколько часов он ползком оттаскивал камни, пытаясь его расчистить. Поначалу это было даже интересно, особенно раззадоривало то, что, замешкайся он во время обвала хотя бы на минуту, то расчищать проход было бы уже некому; но вскоре, когда Гера стер руки с коленями в кровь и от усталости начал валиться с ног — условно, потому что в пещере не получалось встать в полный рост — ему пришлось, скрепя сердце, послать сигнал тревоги и вызвать оперативную группу. Не любил он, когда последствия его дурости разгребали другие люди.

Но даже тогда Гера не вымотался так, как за несколько часов наблюдения за участниками.

Он почувствовал себя рядовым работником детского центра, где в качестве малышей выступали взрослые и самостоятельные личности. Каждый из которых, судя по всему, в инструкции по поведению с тщательно расписанными полоролевыми моделями прочитал, в лучшем случае, только заголовок.

— Рома, почему ты несешь и ребенка, и клетку? Ты фемина, отныне тебе не положено тяжелое носить!

— Но Рома сильнее! — возмутился Воля.

— А ты — самец. Меняйтесь.

В это же самое время на другом конце берега запричитал Саша. Ребенок на его руках окончательно проснулся и громко заплакал.

— Помогите! — испуганно закричал участник. — Он умирает!

— Саша, просто, покачай его. Дойдешь до дома — покорми, — в трансляцию вмешался голос Рэя. На его заднем плане кто-то кричал «тащи ее!» и громко плескалась вода.

Саша остервенело затряс ребенка, и, к удивлению, бешеная качка помогла — младенец замолчал. Наверное, от шока.

— Геруня, — раздался вкрадчивый голос Киры. — А надо ли вести трансляцию с работы?

— Нет, не надо. И фамильярничать тоже, не надо, — раздраженно ответил он.

— Гера, а можно платье укоротить? Оно в ногах путается, мешает, идти неудобно, — спросил Рома.

— Если только немного... Рома, что ж ты делаешь? — схватился он за голову, но поздно. Участник незамедлительно отодрал подол на уровне маклока. — Дома надень целое платье! И не рви его, привыкай!

— Конечно, — податливо согласился участник. Но Гера не купился на интонацию — он уже понял, что Рома из тех людей, что соглашаются с чем угодно, но все делают по-своему.

Что совершенно не радовало.

— А-а-а-а, почему он опять орет?! — взвизгнул Саша.

— Гер, а дома можно Валю на руки взять? — заныл Воля. По трансляции отчетливо передавалось его тяжелое дыхание, хотя клетку он пронес не более пятидесяти метров.

Физическая форма так себе. С этим следовало что-то делать.

— Герочка, а если я улетать буду до восьми утра и прилетать после восьми вечера, то мне вообще транслировать не надо? — сладко пропел Кира. Издевательский мёд в его словах злил невероятно.

— Саша, продолжай качать, Воля, можно, Кира, мы обсудим этот вопрос с Эном, — терпеливо каждому по очереди ответил Гера. От четырех загруженных по боковому зрению трансляций в глазах зарябило, и трудно было разобраться, кто есть кто и чей именно голос сейчас звучит. От бешеной мозговой деятельности стало невыносимо жарко, или же виной всему было нещадно палящее солнце и разогретый песок, на котором он сидел.

Чтобы не расплавиться, Гера полетел домой. Лег в сугроб, раскинул руки, расслабился и полностью погрузился в наблюдение за участниками.

— Какой странный дом! — первая пара добралась до жилища, и теперь, поставив клетку на крыльцо, обходила его кругом.

— Смотри, как интересно придумали, потолок непрозрачный, зато в стену стекла встроили!

— Ага. И под землей не замаскировали. А если хищники?

— Так на острове же нет хищников.

— Точно.

— У-и-а, — закричал проснувшийся ребенок.

— Ромочка, дай я его хочу успокоить! — бессвязно выпалил Воля, тут же подлетел к партнеру и протянул вперед руки. Взгляды обоих переместились с уже неинтересного дома на младенца.

— Держи, — тут же переложил Валю Рома.

Вероятно, Воля не ожидал, что на сей раз все пройдет гладко, и с его лица не сразу пропало жалобно-просящее выражение. Ме-е-едленно уголки рта поднялись вверх, а вокруг глаз собрались морщинки — одна за другой, и тем больше их выскакивало, чем сильнее улыбался участник. Ребенок, едва очутившись у него, сразу же замолчал, и со звуком, похожим на букву «и», бессмысленно замахал руками.

— Ро-ма, — всхлипнул Воля, аккуратно прижимая к себе ребенка. Руки дрожали, веки моргали слишком быстро.

— Смотри, как ты ему нравишься. Даже кричать перестал, — партнер обнял сзади. Кудрявые локоны закачались перед глазами.

— Ромочка. А он же скажет когда-нибудь вслух мое имя? Скажет-скажет, да?

— Это будет первое, что он скажет.

— А если не первое? — Воля подложил палец в ладонь ребенка — маленькие пальчики плотно обхватили его — и всхлипнул еще раз.

— А мы его специально научим.

Воля молчал. Рукавом только смахнул первую слезу.

— Волечка, ты чего?

— А-а, — совсем расклеился участник и соскользнул вниз, на горячий песок. Уткнулся носом в ребенка и зарыдал.

— Воля, ты самец. Держи себя в руках, — вмешался Гера.

— Ты же не оставишь меня одного? — раздался взволнованный голос Саши, и он быстро переключился на вторую пару.

Кира и Саша тоже дошли до дома, но, в отличие от первой пары, зашли в дом. Фикус стоял у окна и отбрасывал размашистую тень, часть которой напозла на платье перепуганного Саши. Участник все так же держал ребенка, который мирно спал, и широко распахнутыми глазами смотрел на Киру, к чьей трансляции и подключился Гера. Смотреть на спасателя со стороны у него не было ни малейшего желания.

— Свет мой ясный, — со знакомой приторной ноткой отозвался Кира. — Ты же понимаешь, что я не могу оставить группу? У нас много работы. Но сегодня я постараюсь закончить пораньше, — спасатель пошел к Саше и чмокнул его в лоб. — Не бойся, ты справишься. В инструкции написано, что младенцы большую часть суток спят. Так положи его и развлекайся! Смотри, какое море, — махнул он на окно.

— Да, но, — жалобно протянул Саша.

— Все будет хорошо, ты же умничка! — спасатель потрепал партнера за щеки.

— Но ведь...

— Да-да, свет мой. Мне пора, — Кира ответил уже в дверях.

— А если...

— Пока, радость моя! — выкрикнул спасатель с берега. Обернулся перед тем, как залезть в гравиталет — Саша стоял у окна. Кира послал ему воздушный поцелуй, прервал трансляцию и был таков.

— Ромочка, а-а-а-а, нет, я не верю! — радостно взвизгнул Воля, и Гера незамедлительно переключился на пару номер один.

Рома сдернул ткань с клетки, и теперь перед Волей копошились двое маленьких, вдвое меньше Вали, черно-белых, слишком пушистых и настолько же милых пандят.

— А-а-а-а, — безотрывно тянул участник, словно напрочь позабыл все слова.

Пара успела войти в дом, и теперь Воля сполз не на песок, а на ровный дощатый пол. Рома открыл клетку, достал зверят и переложил их на партнера, а тот замер и вроде бы перестал даже дышать: ребенок мирно сопел на его руках, а панды, жалобно пища, расползлись по коленям. Один звереныш добрался до живота, на котором майка задралась, и носом уткнулся в пупок. Воля покраснел, напрягся, и со стороны казалось, что он вот-вот, и лопнет от натуги.

— Заюша, с тобой что? — взволнованно спросил Рома, лихо управляясь с тремя бутылочками — в одну насыпал смесь для детей, в другую для животных, и теперь умело взбалтывал их.

— Я, просто, стараюсь, держать, себя в руках, — кое-как выговорил Воля.

— Держи, — все три бутылочки ровным строем выстроились на полу по правую сторону от участника. Одну он вставил в рот младенца — тот мигом присосался; две другие подложил под майку, так, что наружу выглядывали только соски, и подложил к ним пандят. Изголодавшиеся зверо-дети жадно зачмокали, попутно вымазав смесью и собственные

мордочки, и Волю.

— Хватит, хватит, Рома, хватит! Это уже перебор! — сдавленно всхлипнул он. Сильно зажмурился, но глазами Ромы Гера все-таки разглядел блестящие капельки, стекающие по его щекам.

— Воля, — строго сказал ему.

Участник кивнул, выдохнул, вдохнул, нацепил серьезное выражение лица — а после распахнул веки и разрыдался нормально.

«С этим надо что-то делать», — мысленно закатил глаза Гера и переключился на Сашу.

Ребенок лежал на полу и верещал. Рядом с ним стояла бутылочка со смесью, а Саша сидел неподалеку, согнувшись в три погибели и схватившись за волосы.

— Почему он не ест? Почему он голоден, но не ест? — вполголоса вопрошал участник.

— Саша. Возьми его на руки и сам вставь соску в рот, — проинструктировал Гера.

— То есть... то есть, он вообще ничего никак? — недоверчиво переспросил участник, но с пола поднялся, и бутылочку в рот вставил. Мэл тут же замолчал и присосался к соске. — О-о-о, — протянул Саша.

— И не клади его на пол. Есть кроватка, есть кровать. Это вон та плоская мебель с матрасом.

— У-у-у, — уважительно протянул участник.

— Подгузник поменять не забудь, — добавил он.

— А это что такое?

— А ты инструкцию по обращению с детьми открой и прочитай. Внимательно.

— Гера? — отвлек голос Ромы. — У меня вопрос. Спать на этой штуке будет неудобно. Можно мы принесем сюда пальмовых листьев?

— Пальмовых листьев?

— Да.

— Ну, технически, это не...

— Понятно. Спасибо, Гер.

Рома, не дожидаясь положительного ответа, вышел из дома и широким шагом направился к ближайшим пальмам. Новое целое платье он так и не одел, а из оторванного подола сообразил некое подобие чалмы на голове. Тень участника, укороченная солнцем в зените, напоминала нелепого толстенького бегемотика. Рома в принципе отличался массивностью, что с образом классической хрупкой фемины никак не вязалось.

«И с этим тоже надо что-то делать!» — решил Гера.

— Погоди... погоди-погоди! Гера! Рэй! Кто-нибудь! — испуганно закричал Саша. — Это что же, получается, что он вот так, прямо под себя? Но это же... это... ужас, что такое!

— Ничего, это ненадолго. Годик, два, и научится, — бодро отрапортовал Рэй. — Ребята, справа, справа заходите!.. — трансляция резко оборвалась.

— Гера! А можно ли Валю и пандюшек в одну кроватку положить?

— Вообще, согласно источникам...

— Спасибо, — все так же холодно-вежливо перебил Рома, и Гере ничего не оставалось, кроме как наблюдать: вот участник забрал всех детей у Воли и поочередно переложил их в кроватку, устланную пальмовыми листьями. Сытый младенец раскинул руки в стороны, а панды сбились в кучку сбоку от него. Рома ловко сменил подгузник, влажной тряпкой погладил животики всех детей по спирали — Гера таки не понял, зачем — и вскоре малыши

мирно сопели, пыхтели и попискивали. Перепуталось все: руки, лапы. Вскоре копошащаяся кучка утихомирилась, и пара, стоя в обнимку, несколько минут смотрела на нее.

— А-а-а-а, Ромочка, хватит! — шепотом в который раз за сегодня умилился Воля. Гера напрягся — не разревется ли участник опять? — но неправильный генетик проявил чудеса выдержки и ни слезинки не обронил.

— Идем, пусть поспят, — так же шепотом ответил Рома.

Только сейчас участники приступили к тщательному осмотру дома: тихо переговариваясь, переместились в соседнюю комнату, обошли ее, потом перебрались в следующую, заглянули на кухню, после вошли в последнюю комнату, где распахнули дверцы шкафа и с любопытством уставились на его содержимое. Поворошили вещи на полке, прощупали обувь.

— Так нечестно, — Воля тихо вздохнул. — У тебя одежда красивее! Мне вот это нравится, смотри, столько цветочков! И все голубенькие, а мне голубой идет, как раз под цвет глаз, — приложил платье к себе и покрутился перед партнером.

— Очень идет, — согласился тот.

Воодушевленный Воля начал раздеваться.

— Никаких переодеваний! Это под строжайшим запретом! — возмутился Гера.

— А почему? — спросил Рома.

— Потому что! Ребята, пока дети спят, прочитайте вы правила, а?

Участники нахмурились, переглянулись, и кивнули.

Саша в это время сдерживал рвотные позывы.

— Гадость, гадость, гадость, — отбросил он подгузник в угол комнаты. — Мерзость, мерзость, мерзость, — надел на без усталости кричащего Мэла новый. — Ну и что ты так орешь? Тебя накормили, переодели, на кровать положили, что еще тебе надо?

— Покачай его и уложи спать, — подсказал Гера.

— Точно, — уже куда как ловчее и смелее участник взял ребенка на руки и закружил с ним по комнате. — Уложу спать и поплаваю в море. А потом можно и позагорать.

Только вот его мечтам не суждено было сбыться.

Мэл быстро заснул, но проснулся сразу же, как участник переложил его на кровать.

Во второй раз Саша положил младенца предельно аккуратно, и даже вышел из дома, но быстро побежал назад — Мэл истошно заверещал.

На третий раз Саша полежал с ним рядом, удостоверился, что вот теперь ребенок точно крепко спит, тихо-тихо поднялся с кровати, плавно-плавно выскользнул наружу, дошел до моря, полной грудью вдохнул соленый воздух и наспех скинул платье. Ногой ступил в воду, пальцы закопал в песок, вознес вторую ногу...

— У-и-а-а-а-а! — раздался плач из дома.

— А-а-а-а! — вторил ему Саша. — Вы меня обманули! Вы сказали, что младенцы много спят!

— А сколько раз он спал за последний час? — подключился Рэй.

— Три раза!

— Разве это мало? — удивленно спросил он, после чего у него что-то засвистело, булькнуло, и трансляция оборвалась. А Саша подобрал платье с берега и бегом побежал обратно.

У второй пары в это время началась война. Участники не могли поделить, кому именно успокаивать Валью. Потом они шуточно ругались, вырывая друг у друга подгузники. После горячо спорили, пытаясь определить, чья подошла очередь кормить ребенка.

— Ты его уже кормил. Теперь я! — перетягивал Рома бутылочку на себя.

— Ну и что! А я еще раз хочу, я всегда хочу! — упрямо не отдавал ее Воля.

— Воля, послушай, — вмешался в спор Гера. — Валя — прерогатива фемины. На него ложится большая часть обязанностей по уходу. Займись лучше самцовыми делами.

— А я не хочу!

— А тут не важно, хочешь ты или не хочешь. Твоя задача — пробудить в себе маскулинную природу. А ты ведешь себя, как фемина! Напомнить тебе, для чего мы вообще устроили эксперимент?

Участники переглянулись, несколько секунд постояли молча, после чего Воля нахмурился и отдал бутылочку Роме.

Саша тоже покормил ребенка. Сам догадался, без напоминания извне, что не могло не порадовать Геру — еще час назад ему казалось, что участник совершенно невменяем. А после, по обыкновению, Саша начал ребенка трясти.

— Рэй! Гера! Кто-нибудь! Срочно, вызывайте медиков!!! — завопил он спустя минуты две бешеной тряски. — Ему плохо! У него рвота!!!

— Да все в порядке. Это просто отрыжка. Настоятельно рекомендую держать Мэла столбиком минуты две после каждого приема пищи, — невозмутимо отрапортовал Рэй.

— Как это, в порядке?! — Саша посмотрел вниз, на себя. Белая творожистая масса стекала с оголенной груди и с живота. — И как долго это будет продолжаться?

— Месяца четыре. Плюс-минус два.

— Месяца четыре?! Вы издеваетесь?!

— Саша, послушай, — терпеливо сказал Гера. — Во-первых, успокойся. Во-вторых, я понимаю, что тебе все ново и непривычно. Что эмоции зашкаливают. Но, пожалуйста, хватит. Ты ведешь себя сейчас не феминно. Твоя задача — пробудить в себе феминную природу. А ты слишком вспыльчив. Сдерживайся. Ты должен быть мягким, понимающим. Ты же теперь не просто Саша, ты теперь выращиватель.

— Да, но... но...

— Саша, а как ты хотел? Мы же тебя переспрашивали. Несколько раз переспрашивали, уточняли. Саша, а хочешь ли ты стать участником? А точно ли, Саша, ты хочешь стать участником? Что ты тогда ответил?

— Хватит, — всхлипнул участник.

— А вот плакать тебе не запрещено, — холодно отрезал Гера. — Поэтому, если не хочешь вылететь из эксперимента, веди себя соответствующе. Все понятно?

В ответ транслируемое изображение расплылось и качнулось вверх-вниз — видимо, Саша все-таки расплакался, а вместо ответа просто кивнул. Буквально на секунду Гере стало не по себе — все-таки до слез человека довел — но чувство правоты рассеяло сомнения. Участники — не дети, и вести себя с ними следует жестко, иначе, как предсказывал Женя, эксперимент действительно развалится в первые два дня.

— Я на связи, — влился в голову приятный баритон Эна, слышать который было так радостно, как никогда прежде. — Перенимаю эстафету.

«Терпения тебе, друг, и удачи!» — мысленно пожелал Гера, отключился от трансляции и с трудом поднялся из сугроба. Ползком добрался до гравиталета, ввалился в него, свернулся на дне и мысленно послал панели управления координаты.

Тропики.

— Зачем ты притащил сюда цветы? Здесь и местные девать некуда, — услышал Гера вместо приветствия. Его удостоили мимолетным взглядом.

Не такой реакции он ожидал. Совсем не такой.

— И тебе здравствуй. Это — букет. Мне сегодня хочется побегать за тобой в классическом, так сказать, стиле. Для чего я примерил на себя маскулинную роль. Тебе достается, соответственно, феминная. А по классике, красивым людям надо дарить красивые цветы. Вот. Свежесрезанные тропические орхидеи!

— Понятно. Хотя нет, не понятно. Зачем за мной бегать, если я никуда не убегаяю?

— Ну, Женя, ты сейчас такой момент романтики испортил! — вздохнул Гера.

— Ладно. Давай сюда, а то опять разворчишься, — нехотя партнер принял букет. Повертел, осмотрел, положил под дерево. — Мне теперь по классике тоже надо тебе травы нарвать?

— Нет. Тебе, по традиции, надо меня накормить. Я сегодня устал и вымотался, ты не представляешь, как.

— Хорошо, — Женя достал нож из нагрудного кармана, прислушался, после резко вонзил лезвие в кору, поддел ее, отодрал, что-то извлек и это «что-то» протянул Гере.

— Я это есть не буду. Не, не буду, — он брезгливо морщился, зажимая пальцами жирную, белесую личинку. Ее толстые лапки напоминали конусы, и они хаотично двигались — туда-сюда, туда-сюда. Сквозь полупрозрачную туго натянутую кожу просвечивались органы, а на ощупь она казалось смазанной маслом. — Меня тошнит.

— Какой ты нежный, — усмехнулся Женя. — Это, между прочим, источник чистейшего белка.

— А у тебя есть что-нибудь еще?

— Гранулы есть. В лаборатории. Я сам принесу, сломаешь еще чего.

Женя оторвался от созерцания дерева, на которое пристально смотрел с того самого момента, как Гера прилетел, и ненадолго отошел. Вскоре вернулся с пакетом, набитым гранулами. Гера их не очень любил, но в сравнении с предложенными личинками они показались деликатесом, и он с аппетитом набросился на еду.

— А сладкое у тебя есть чего-нибудь?

— Конечно, — Женя опять устался на дерево. Потрогал его, оторвал лист, просветил на солнце. — Малина. Рядом с озером. Там как раз волки на водопой пришли, все как ты любишь. Иди, нарви, а я здесь подожду.

— Ты знаешь, что-то я передумал. А у тебя все в порядке? Какой-то ты... мрачный.

— Конечно. Конечно, у меня не все в порядке. Видишь это дерево? Ты ничего не замечаешь?

— Ну, это дуб.

— Сам ты... не важно. Видишь, листья по краю почернели? А прожилки бледные видишь? Знаешь, что это значит? Это значит, что, если я запущу основной инкубатор, то этот дуб, а вместе с ним больше сотни других деревьев, зиму не переживет. Выжметя до остатка.

Лес поредеет. Проводку надо менять. А знаешь, что это значит? Что работа дня на два встанет, что в нынешней ситуации крайне нежелательно. Но это еще не самое страшное. Самое отвратное, все эти два дня по лесу будут шастать люди. Биоэнергетики. Они оградят ультразвуком территорию радиусом в шесть километров. Все перекопают. И, конечно же, они будут задавать вопросы, а мне придется на них отвечать, ты понимаешь? Человек пять биоэнергетиков, и я, один на один. Меня заранее трясет, — и на этих словах Женю передернуло, так же, как недавно Геру — от предложенной личинки.

— Ну, ты можешь пожить эти дни у меня.

— Нет, не могу. В этом году я уже вылетал из леса два раза, да и ночевать в чужом месте не горю желанием. Я не могу спать не дома. Да и у тебя ужасно, не понимаю, как там можно жить.

— Ну, тогда я не знаю, чем могу помочь.

— Я зато знаю. Мне надо расслабиться, отдохнуть и успокоиться, — партнер изволил оставить дерево в покое и подойти. Руку запустил в волосы — Гера зажмурился поневоле, какие же все-таки шершавые, грубые и чертовски приятные пальцы у Жени!

— Как по традиции мне надо сейчас себя вести? — склонился партнер к уху.

— А к черту классику. Мы же не участники.

— Лицемер-р-р-р, — проурчал Женя, прижимая его себе.

Гера встал на цыпочки, поддался.

Ему еще больше отдохнуть, расслабиться и успокоиться хотелось.

Глава 9. Про рыб, покрытых шерстью

Утром Женя, неожиданно для себя, обнаружил еще один плюс в партнерстве: свободные уши. Злиться вслух на ничего не подозревающих биоэнергетиков под чье-то одобрителное поддакивание было куда как интереснее, чем злиться просто так, в пустоту. Фима, конечно, внимательно выслушала гневную тираду и даже пошевелила ушами, и раньше ему вполне хватало лисьей реакции, но сейчас всенепременно хотелось услышать членораздельное: «Да-да-да, ужас какой, тебе здесь все починят! Лес сохраняют! Деревья не умрут! А после еще и инкубатор бесперебойно проработает лет десять! Беспредел полный!». Но Гера улетел на рассвете, и подобные реплики никто не произносил, что немного расстраивало.

— Фимуля, — сел он на корточках перед любимицей. — У нас сегодня игра. Смотри, — ткнул пальцем сначала в себя, а потом в нее, — сегодня я самка, а ты самец. То есть, наоборот. Неважно. И я дарю тебе букет. Букетик из пяти мышей.

Женя достал из банки пищащих мерзких тварей, туго связанных грубой бечевкой за хвосты. Они рыпались, дрыгали лапками, друг по другу пытались вскарабкаться наверх, но спастись им, конечно же, не удалось — лиса зубами охотно приняла живой букет и проткнула первую жертву зубами. Из раны поползли кишки, а Фима легла и с аппетитом принялась за завтрак.

Некоторое время Женя старательно оттягивал время, придумывая себе очень важные занятия, не терпящие отлагательств — такие, как расчесаться, поесть, поорать на комаров, полежать в траве и бесцельно просмотреть карту местности; но вскоре ему все-таки пришлось взять себя в руки и сделать это сложное и неприятное дело — зайти в личный кабинет бионергетиков и нажать зеленую кнопку вызова.

Саша любил крупных и сильных партнеров.

Кира любил маленьких и хрупких.

Саша предпочитал опытных, с повадками лидера.

Кира предпочитал молодых, ведомых.

Они нашли друг друга.

Так Саша думал еще вчера утром. Вообще, вчера утром он много чего думал: например, что любит детей. Иногда даже приезжал в детский центр, играл с ребятами младшего возраста, лет пяти-шести, и даже получал удовольствие от процесса. И он искренне верил, что участие в эксперименте дастся ему легко и непринужденно. Еще и Кира, он строил далеко идущие планы, мечтал вслух, как они утрут нос всему населению и произведут на свет первого рожденного естественным путем ребенка, и все-все будут им завидовать, а Саше так хотелось его порадовать и доказать, что именно он достоин стать вынашивателем генов обожаемого сильного, ловкого и очень умного партера, но... что-то пошло не так.

Возможно, причиной утренней хандры стало то, что ночью Саша почти не спал.

Как оказалось, младенцу было все равно, в какое время суток кричать. Самое обидное, что Кира, в очередной раз проснувшись от плача, ушел на берег, где отключился прямо на песке. И Саша прекрасно понимал партнера — из-за напряженной работы ему необходимо было высыпаться. Но как в одиночку справляться с безостановочно верещащим Мэлом, от

крика которого уже трясло, он не понимал. Более того, только когда партнер прилетел домой, Саша вдруг сообразил, что, бесконечно укачивая ребенка, кормя, вытирая тошнотворную отрыжку и меняя подгузники (брр!), он сам за весь даже не поел. Как снял платье в обед, пытаясь искупаться, так полураздетый, грязный, до вечера и проходил. Пол в доме покрылся ровным слоем пролитой смеси, использованными подгузниками, песком и прочим мусором, но, когда Саша пытался навести порядок, Мэл просыпался от шума и начинал орать. И приходилось все бросать и опять качать младенца, кормить, носить на руках, и так весь день, по кругу. И когда Кира, по обыкновению, перед сном предложил Саше заняться сексом где-нибудь снаружи, под луной, он впервые отказался. Потому что хотел есть, спать и мыться, а еще лучше — посидеть в тишине часа так с два, а не выдавливать из себя дополнительные усилия по ублажению партнера.

Кира тогда хлопнул его по плечу и сказал, что скоро все наладится и утрясется. А потом потрепал притихшего было Мэла за щеки, отчего тот опять громко закричал, пожелал спокойной ночи и ушел спать. Утром, бодрый и позитивный, улетел, радостно объявив, что вернется пораньше. Наверно. Может быть. Если учения пройдут удачно.

А самое обидное, что организаторам очень не понравилось вчерашнее поведение Саши. Они решили, что с материнским инстинктом у него не все в порядке, и с хозяйственностью нелады, и потому прислали дополнительные инструкции — хотя бы раз в день наводить порядок в доме и не орать в ответ на крик младенца. И он старался требования выполнять, и до обеда не получил ни единого замечания. Но веки у него слипались, перед глазами плыло; Саша зевал и мечтал об одном — поспать. Хотя бы часик.

И к трем часам желание достигло пика, как раз момент выпал удачный: младенец мирно сопел в кроватке, мусор аккуратной кучкой лежал в углу, сам Саша умудрился расчесаться и привести себя в относительный порядок, и все располагало к долгожданному отдыху.

Он тихо прилег, свернулся калачиком, закрыл глаза и в единый миг провалился в сладкую дрему. Сквозь сон слышал кряхтение ребенка, положил подушку на голову и придавил ладонью — опять стало тихо и хорошо. Вскоре пришлось добавить еще одну подушку, и накрыться одеялом с головой.

— Саша, Мэл кричит, — строго сказал Гера.

Саша что-то промычал и продолжил спать.

— Нельзя так делать! Немедленно ставай!

— Но я ужасно хочу спать! — сообщением ответил он.

— А ты теперь выращиватель. И должен думать в первую очередь о Мэле, — сухо отрезал бессердечный наблюдатель.

И Саша, невыспанный и злой, выполз из-под одеяла. С ненавистью взглянул на покрасневшего от натуги Мэла. Надел маску образцового участника, выдавил кривую улыбку и пошел готовить смесь.

Воля открыл глаза и сладко потянулся в кровати. Мягких пальмовых листьев они вчера нарвали целую гору, матрас вынесли на улицу за ненадобностью, а из подушек сообразили бортики — чтобы дети ночью не попадали. Впрочем, ни детей, ни Ромы он не обнаружил. Быстро сверился со временем — почти восемь. Еще чуть-чуть, и надо активировать трансляцию. Он вскочил, снял с себя платье в голубой цветочек, затолкал его под кровать, взял что-то со своей полки в шкафу, оделся. Вышел из комнаты.

Ночью он спал мало, зато выспался под утро, наверное, тогда, когда Рома сгреб малышня и ушел на берег. А ночью с мелочью возился преимущественно Воля, наслаждаясь тем, что его никто не одергивает. Пару раз было так, что от писка или плача подскакивали они оба, и оба же укачивали детей. С непривычки в новых условиях и пандята, и Валя вели себя очень беспокойно, и Воле было их до слез жалко. Но, по предыдущему опыту, он знал, что еще день-два, и малыши к нему привыкнут, войдут в режим, и тогда с ними станет значительно легче.

«Привет!» — отправил он сообщение Роме. Тот перетащил матрас на берег, ближе к морю, и сидел на нем. Кудряшки шевелились от морского соленого ветра, ноги по голень покрывал тонкий слой песка. Наверное, партнер прогулялся по прохладной утренней воде, и Воле тоже захотелось по ней пройти.

Дети грудой лежали здесь же, на матрасе, укрытые маленьким пледом, из-под которого выглядывали пятки Вали и мохнатая лапка. Зрелище показалось Воле настолько милым, что он зафиксировал его на память, со всех ракурсов, а после сел рядом с Ромой.

«Восемь», — пришло сообщение от партнера.

«Ага...», — тут же погрустнел Воля и нехотя активировал трансляцию. Пришло время надевать на себя маску.

И ближе к вечеру маска осточертела так, что ее захотелось содрать вместе с лицом.

Все началось вроде бы безобидно: Воле прислали дополнительные инструкции по корректировке маскулинности. А именно, начиная с сего дня и до достижения необходимого результата ему предписывалось делать дополнительный упор на физическую подготовку. Далее шел список рекомендаций: пробежка по утрам, подтягивание и прочие пункты с бессмысленными заданиями. Воля искренне не понимал, зачем это нужно, потому что его лично все устраивало; но в то же время он понимал, что, согласно условиям эксперимента, ему придется требования выполнять.

Вот только он не думал, что требований этих окажется так много.

Далее инструкция настоятельно рекомендовала, иными словами, прямым текстом приказывала, чаще заниматься такими делами, как охотой или рыбалкой. Воля не любил ни то, ни другое, но ради отвода глаз решил хотя бы порыбачить.

Роме тоже досталось: организаторы решили, что его лучший в мире партнер не соответствует параметрам правильной фемины, которая должна обладать грацией и хрупкостью, и рекомендовали сесть на диету. Воля раньше и слова-то такого не знал, «диета». А подразумевал новый термин следующее: отныне Ромочке следовало тщательно следить за питанием и потреблять в день определенное количество неких «калорий». Партнер долго вздыхал и хмурился, изучая перечень допустимых продуктов, а после прислал сообщение:

«Ужинать будем после восьми!».

Воля кивнул.

Еще вчера они внезапно сообразили, что во время трансляции очень удобно общаться сообщениями — вроде бы как на виду у наблюдателей, а в то же время и приватно. Так можно было язвительно прокомментировать очередное замечание Геры, которого Воля невзлюбил еще во время первого собрания, когда подключился к его трансляции. А невзлюбил он его потому, что на съезде тот неоднозначно смотрел на Женю, и, что самое странное, коллега тоже весьма недвусмысленно смотрел на антрополога. Не надо было обладать высоким интеллектом, чтобы сообразить, что эти двое не просто так друг на друга

пьялятся. А кто в здравом уме и трезвой памяти начнет встречаться с таким заносчивым, вспыльчивым, вредным и себялюбивым созданием, как Женя? Только точно такой же заносчивый, вредный и себялюбивый человек, как Гера! И, хотя с антропологом Воля лично не общался и ранее никогда не пересекался, мнение о нем он сложил далеко не самое лучшее, и малейшее замечание поневоле воспринимал в штыки.

— Доброе утро, — раздался тот самый издевательски-приятный голос.

— Здравствуй, Гер, — за двоих ответил Рома.

— Как спалось?

— Замечательно.

— Воля, ты дополнительные инструкции получил? — как будто бы дружелюбно спросил утренний наблюдатель.

— Получил, — как будто бы дружелюбно ответил он, одновременно отсылая Роме злые смайлики.

— Рома, а ты?

— Да, Гер.

— Кстати, оденься. По новым правилам, вы не должны перед детьми без одежды ходить.

— Разумеется, Гер, — невозмутимо сказал Рома

— И, кстати, в доме, в ванной, бритва лежит. Это такая штука, которой сбывают волосы. Тебе надо побрить, для начала, подмышки.

— Да-да. Конечно. Я читал. Фемина должна быть гладкой и какой-то там еще, — Рома задумчиво почесал кончик носа. — Гер. Я не понимаю. Я прошел отбор потому, что у меня развиты вторичные половые признаки. Зачем же мне теперь от них избавляться?

— Рома, опять ты за свое. Так надо.

— Но это не логично.

— Не ищи логики, просто выполняй требования, и все. Еще вопросы есть?

— Да нет, — пожал плечами партнер.

— Хорошо. И не забывай пользоваться косметикой. Воля, а тебе пора на пробежку.

Книги на сайте - Книголюб.нет

Воля отправил Роме еще одну партию злых смайликов, но с матраса встал, и нехотя пробежал вдоль берега метров сто. Запыхался, вспотел, согнулся пополам и дальше пошел медленным шагом. Решил, что для первого раза этого более, чем достаточно, и с чувством выполненного долга вернулся в дом — переодеться.

Во время завтрака под тенью раскидистой пальмы, с детьми на вытянутых ногах, ему было показалось, что все не так уж и плохо, пока он не сообразил, что Ромы рядом нет. Партнер решил раздобыть бананов, для чего полез на соседствующую пальму. Длинное платье он не стал укорачивать, а перевязал узлом на боку, и таком виде добрался почти до середины ствола. Что возмутило наблюдателя — он немедленно велел поменяться, употребляя такие слова, как «Воля, ты — добытчик!» и «феминам не положено!».

Рома немедленно слез.

А Воля больше всего на свете боялся высоты. И обычно, еще два дня назад, он так и говорил: «Я боюсь высоты!», и все всё прекрасно понимали, но сейчас признаться Гере в слабости оказалось невыносимо. Он заранее слышал презрительную нотку в его голосе, мол, ах, Воля, что ж ты за самец такой, какой-то там высоты — и боишься! Да как же ты, голубчик, на гравиталете-то тогда летаешь, и как же тебе удалось с подобными данными

конкурсный отбор пройти? А тебе бояться не положено, и ты должен — обязан! — сейчас же и немедленно страх побороть, иначе никакой ты не самец. Примерно с такими мыслями он переложил детей на матрас, уверенно подошел к пальме и задрал голову. Прищурился от солнца, задумчиво обошел ствол, решил, что соседнее дерево подойдет куда как лучше — бананы там еще не созрели, зато оно было короче раза в полтора. Переместился, обхватил руками ствол, подтянулся.

— Может, не надо? — робко спросил Рома. И даже панды на матрасе притихли, и Валя перестал сопеть — Воле казалось, что за ним напряженно следит весь мир, и сдаться сейчас, на пол пути, для него было равносильно позорному поражению в непонятном соревновании.

— Надо, — буркнул он, из принципа подтягиваясь все выше, и выше, и выше.

— Да не нужны нам эти бананы. Волечка, слезай.

— Нет, — упрямо ответил он.

На высоте около пяти метров голова уперлась в раскидистые листья. Воля сильнее стиснул бедра, убедился, что держится довольно устойчиво, открутил гроздь бананов и, не глядя вниз, крикнул:

— Рома, ты поймаешь?

— Кидай!

Бананы полетели вниз. Удар о песок он не расслышал, следовательно, партнер гроздь поймал. Теперь дело осталось за малым — всего лишь спуститься, но тут Воля совершил глобальную ошибку.

Он посмотрел вниз.

И взгляд от земли оторвать уже не смог. Первые секунды все было относительно нормально — Рома с бананами, песок, камни, боковым зрением улавливался матрас со спящей малышкой, а потом земля вдруг стала отдаляться, пальма — удлиняться, партнер уменьшился, и все это угрожающе раскачивалось из стороны в сторону. В районе живота разлился холод, сердце забилося учащенно, мышцы как парализовало — Воля со всей дури вцепился в ненадежный ствол и затрясся всем телом. Казалось, еще немного, чуточку — и он полетит вниз, и всенепременно разобьется.

— Солнце, ты чего не слезаешь? — крикнул партнер.

— А-а-а-а, — тихо завыл Воля.

— Зая, с тобой все хорошо? — с волнением в голосе переспросил Рома.

Выдавить из себя хоть что-нибудь не получилось. Паника всю застлала глаза, дикий страх отдавался пульсацией в затылке, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет.

— Волечка, тут невысоко, не бойся, слезай, а я тебя поймаю! — как-то не очень обнадеживающе прокричал Рома.

— Воля, ты чего? У тебя акрофобия? А сразу почему не сказал? — подключился встревоженный голос Геры. — Вниз не смотри. Глаза закрой, а мы сейчас что-нибудь придумаем.

— Может, мне залезть и его снять? Он легкий, — теперь паническая нотка закралась и в голос Ромы. Он то смотрел на ребенка, крик которого набирал обороты, то на Волю; делал шаг к берегу, шаг назад, туда-сюда, туда-сюда, и в целом выглядел очень растерянным.

— А если оба сорветесь? Он же сейчас не соображает ничего. Нет, так рисковать не надо. Может, спасателей вызвать?

— А может, пальму подпилить?

— Может, на гравиталет его посадить?

— А это мысль, — партнер, не мешкая, бросился к гравиталету, и уже через несколько секунд Воля услышал равномерный гул справа от себя. Чьи-то руки обхватили его за талию и сильно дернули, потом еще раз, и еще.

— А-а-а-а! — завопил он от страха, когда во время очередного рывка не удержал спасительный ствол. Руки разжались, опора потерялась, но угрожающая земля не стала приближаться, напротив, она неожиданно исчезла, и взору открылось безопасное черное дно гравиталета, обитое мягким покрытием — никогда еще Воля не был настолько рад его видеть. Рядом Рома, надежно пристегнутый ремнями, без умолку говорил что-то успокаивающее и гладил его по волосам; пелена перед глазами спала, сердце перестало болезненно ухать. Опустошенный и раздавленный, Воля свернулся на полу и наконец-то плотно зажмурил веки, сквозь которые опять сочились совершенно не самцовые слезы.

— Успокаивайся. Потом поговорим, — влился в голову голос Геры. И это «потом поговорим» ввергло его в окончательное уныние.

И появилось настроение только вечером. После восьми. Воля тогда стоял по колено в воде, с удочкой в руках, и делал вид, что рыбачит. Одновременно с Ромой они прервали трансляцию и посмотрели друг на друга.

— Бросай эту свою самцовую ерунду. Пойдем займемся действительно важными делами, — подмигнул партнер.

Уже не актуальная ультразвуковая удочка отлетела в песок.

— Лиса, лиса, ой ну надо же, опять лиса, лиса спит, лиса ест, лиса чешется... а у тебя есть что-нибудь помимо Фимы? Не то, чтобы мне неинтересно было на нее смотреть, просто...

— Ты первые сто пятьдесят взял или последние?

— Я вразброс иду.

— Тогда, пятьдесят шестое открой. Там не Фима, — раздраженно бросил Женя. Он вел себя страннее обычного: ползал по земле, ворошил листья и злобно что-то бормотал под нос.

— Хорошо, — Гера открыл искомое записанное воспоминание. Там был запечатлен человек, судя по всему, сильно разозленный — глаза выпучены, лицо перекорежено. Длинные черные волосы вуалью покрывали обнаженное тело, мускулистое. Он чем-то походил на Женю. — Это кто?

— Ара.

— А кто он? И почему такой злой?

— Это мой наставник. Собственно, я запечатлел его в тот момент, когда он выдал длинный монолог про печень, — прошипел Женя и встал на ноги. Гере почему-то показалось, что партнер сейчас сделает что-то нехорошее, уж больно взвинчено тот себя вел. На всякий случай отошел на пару шагов, а Женя двинулся на него и артистично замахал руками. — Ах, Женя, да я скорее вырву себе печень и сожру ее, чем еще раз с тобой свяжусь! Ты сволочь, Женя! Сволочь! — закричал он, коверкая голос, видимо, изображая того самого Ару. Пальцы запустил в волосы, отчего коса чуть разлохматилась, и показательно закатил глаза.

Гера замер в недоумении, Фима на всякий случай юркнула в густую траву.

— С тобой все хорошо? Это все биоэнергетики, да?

— А? Ах, да. Я немного не в себе. Но ты видишь, что они тут наделали? Они же... они...

все перекопали! Все испортили!!!

— Ну, — Гера посмотрел вокруг. С его точки зрения, не изменилось абсолютно ничего. — Как тебе сказать...

— Ты не видишь? Как ты можешь этого не видеть?! — Женя опять упал на колени и раздвинул листья. — Вот, смотри, смотри сюда, ты это видишь?!

Гера всмотрелся, подошел ближе, наклонился, и только тогда заметил узкую ложбинку, присыпанную свежей землей.

— Ну-у-у-у...

— Ничего ты не понимаешь! — сплюнул Женя и резко поднялся на ноги. — А вообще, извини. Я правда пытаюсь держать себя в руках.

— Да все нормально. У меня тоже денек выпал не из легких. Эти участники, они, хуже детей, они, как песок сквозь пальцы!.. Погоди-ка... — задумался. — А проводку уже заменили?

— Нет. Завтра закончат.

— То есть, лес все еще под защитой ультразвука? А почему тогда здесь Фима?

— Я ее немного модернизировал, она не чувствительна к ультразвуку. Это, знаешь ли, очень удобно.

— Понятно, — Гера еще раз посмотрел пятьдесят шестое воспоминание. — Я не понимаю. А почему Ара так на тебя разозлился?

— Потому что, он сам виноват. Его никто не просил заниматься незаконной деятельностью.

— То есть?

— Видишь ли. Он тоже был генетиком и, собственно, научил меня всему тому, что знал сам. Более того, когда-то именно он вырастил меня конкретно в этом, — замахал в сторону лаборатории рукой, — в этом самом инкубаторе, но не суть. А суть в том, что помимо основной деятельности он ставил опыты на зародышах. Пытался выявить механизм, согласно которому в генетическом наборе можно запрограммировать несвойственные виду признаки. Хвост, грива. Экспериментировал с ДНК сутки напролет. Раз вывел рыб, карасей, ты только не смейся сейчас — покрытых шерстью. И выпустил в озеро. Они прожили не больше пятнадцати минут, потому что из-за шерсти не могли быстро плыть и потеряли сноровку. Их банально сожрали. А почему? Потому что встраивать признаки одного вида другому — строжайше запрещено, и запрещено не просто так. Но он не унимался и перешел на людей. Ты бы видел этих мутантов в банках!

— И-и?

— И я подал заявку на отстранение Ары от генетики, взамен выдвинув свою кандидатуру. Здесь чудесный лес. Мне с первого дня захотелось тут жить. Одному. Само собой, после обнародования того, чем Ара занимался, его баллы обнулились, и он улетел.

— А кто помимо тебя знал о разработках?

— Никто.

— То есть... правильно я понимаю? Вы жили вместе, он обучил тебя всему, держал в курсе разработок, а ты...

— Вот только не говори, что я его предал. И вообще, это было давно и тебя не касается. Это мой лес, — сказал Женя с ударением на «мой».

— Да я его не защищаю и на лес не претендую, просто... Знаешь. Я бы, наверное, тоже не удержался. У тебя доступ к уникальному человеческому материалу, и при желании можно

такого...

— Поэтому ты никогда не станешь верховным генетиком.

— Я знаю. Тише, Женя, не надо так злиться. Хочешь, я тебя сейчас успокою?

— Ну попробуй.

Партнер, хмурый и злой, подошел вплотную и остановился, буравя взглядом насквозь. Гера сейчас только заметил, что вжимается в шершавый ствол, как запуганный зверек, и отступил от него. Двумя ладонями провел с нажимом по Жениной груди — и по мере движения руки словно свинцом наливались — после безжизненно их свесил, уткнулся в плечо, до которого как раз доставал макушкой, и всхлипнул:

— Я так устал.

— Утешитель из тебя так себе, — резко потеплевшим голосом заговорил Женя. Обнял его, наклонился, подогнул колени и взял на руки. — Прописываю тебе холодное озеро, костер и меня. И сон в траве, там, на опушке. Хищников сегодня нет.

— И почесать еще, — капризным тоном добавил Гера.

— И почесать, конечно, — согласился он.

Глава 10-1. Про заюшу

Кира, как и обещал, прилетел пораньше. Ему, конечно, не хотелось оставлять команду, которую он гонял весь день, организовав учения — для поддержания боевого настроения и чтобы никто не утратил сноровку. Все-таки от оперативной группы, от слаженности ее действий и от скорости реагирования зависела судьба других людей. Он устал страшно, но то была приятная усталость — мышцы ныли, но настроение держалось приподнятым. После того, как Кира стал участником эксперимента, его авторитет вырос в несколько раз, и члены команды заискивали перед ним сильнее обычного. Он буквально купался в лучах славы и уважения, весь день слушал поздравления с новыми статусами — «семейного человека», «выращивателя», «надеждой человечества» и так далее. Что льстило страшно.

И все было прекрасно, ровно до того момента, пока Кира, голодный и вымотанный, не вошел в дом.

Первое, что напрягло — запах. Тошнотворный. Как оказалось, вонь исходила от кучи каких-то непонятных шукувин, сваленных в углу. Вообще-то, Кира, изучив правила, ожидал немного другого, например, что по идеально вычищенному дому будет витать аромат свежеприготовленной еды, а не вот это вот. Еще он ожидал, что Саша, в платье — соблазнительном! — встретит его у порога, но партнер спал в нелепой позе на полу, с бутылочкой на коленях, из которой на пол ритмично капала смесь. Мэл, забавный младенец, сопел на большой кровати.

— Саша, — не очень довольным голосом сказал Кира. — Саша!

— А? — подскочил партнер. Бутылочка упала на пол, и громкий стук разбудил ребенка. — Ох, Кира... как хорошо, что это ты. Я так хочу есть...

— Что это за вонь?

— А?

— Ты спал что ли весь день?

— У-и-а! — закричал Мэл.

Саша, отчаянно зевая, ползком добрался до ребенка и рукой затряс его.

Кира почувствовал себя лишним человеком, которого не ждали, что ему очень не понравилось.

— Саша, я не понимаю. Как тебе удалось всего лишь за сутки превратить дом в помойку? Чем ты тут занимался?

— А? — протерев глаза, Саша изволил на него посмотреть. Бестолковым взглядом. — Я... ребенок.

— И что, ребенок? Ты меня зачем просил пораньше прилететь? Чтобы я смотрел, как ты дрыхнешь на полу? И где, черт возьми, моя еда? Неужели за весь день ты не мог хоть что-нибудь приготовить?!

— А почему ты на меня кричишь?!

— А потому, что ты должен следить за этим очагом, а не запускать его! Есть четкая инструкция, и я что-то не вижу, чтобы ты ее соблюдал!

— Ах так, — стараясь перекричать ребенка, Саша взял ноту повыше, — ах так!!! Нечего тут мне указывать, ты не на работе!

Однако сказать что-либо дельное в свое оправдание он не смог.

— И посмотри, на кого ты похож! Ты бы хотя бы расчесался, посмотреть же... противно! — искренне возмутился Кира.

— Да я не присел за весь день ни разу! Этот Мэл жрет все мое время!!!

— Да что ты ребенком-то прикрываешься?! Раньше фемины и с тремя справлялись, и никто не ныл!!!

— А тебе знать откуда, что там раньше было?! Да ты... ты... ты... — Саша подошел и вручил Мэла в руки Кире. — Да пошел ты!!! — и гордо вышел из комнаты. Вскоре хлопнула входная дверь, и он остался совершенно один, с ребенком на руках.

От негодования трясло.

Никто и никогда не разговаривал с ним в подобном тоне.

Тем более — всегда уступчивый и покладистый Саша. В конце концов, не будь партнер мягким и бесхарактерным, Кира и не стал бы с ним встречаться.

— Не надо так, — раздался в голове спокойный голос Эна. — Саша на самом деле устал. Всего второй день, он еще не адаптировался. Не дави так на него.

Верховника Земли Кира уважал, хотя бы потому, что тот был верховником. Значимая фигура. И, если бы нечто подобное выдал красноглазый, то он и прислушиваться бы не стал, но Эн — другое дело.

— Саша был неправ. На меня нельзя кричать! Никогда! И никому!

— Миритесь.

— По правилам, на Саше лежит ответственность за климат в семье, вот он пусть и мирится. И чего Мэл орет? — Кира недовольно глянул на ребенка. Малыш извивался на руках; крик набирал обороты. А еще от него воняло. Так же, как от той кучи в углу.

— Голоден, наверно. Или пришло время менять подгузник. Кстати, не забудьте на ночь его искупать. И не орите при нем, хватит уже психику ребенку ломать, — откуда-то появился еще один голос. Вроде бы, того работника, из детского центра.

— Я что ли должен это делать? — ужаснулся Кира. Мельком глянул в окно — партнер сидел на берегу в скрюченной позе и, наверное, плакал. А Мэл орал все громче, и громче, и громче, но безответственный Саша никак на крик не реагировал. Неприятный звук отдавался эхом в ушах, ребенку захотелось зажать рот, только бы он умолк, но сделать так Кира не мог — это было бы ударом по его репутации, как образцового участника — но и слушать раздражающие вопли тоже не хотелось.

— Ладно. Первый мирится тот, кто умнее, — злобно буркнул он и пошел на берег.

— Саша, — требовательно позвал, застыв позади партнера. — Саша!!!

— Чего тебе? — партнер вскинул голову и мокрыми глазами уставился на него. — Уйди!

— Сашенька, — внутренне закипая, как можно более спокойно ответил Кира. — Да, ладно, твоя взяла. Я был не прав. Идем домой. Займись Мэлом, а я закажу еды. Давай не будем ссориться?

— Да ты унизил меня и наорал! Ты никогда на меня не орал!

— А ты никогда!.. так, ладно, ладно, я был не прав. Да, я не должен был орать и все такое. Саша, — сел рядом, переложил на него ребенка, незаметно обтер руки об одежду, а после обнял партнера. — Ну прости. Посмотри на меня, — Саша всхлипнул и повернул зареванное лицо к Кире. Слабо улыбнулся. Взял ребенка, и Мэл, к огромнейшему облегчению, быстро затих. — Я же тебя люблю. А мы ссоримся. Давай, забудем, все, что было, закажем что-нибудь повкуснее, а потом устроим жаркую примирительную ночь.

Идет?

Саша слабо кивнул.

— Идем, — взял его за руку и помог встать на ноги.

И до самой ночи все было хорошо. Они поели, в положенное время прервали трансляцию, Саша помыл ребенка, уложил спать, наспех прибрался в доме и даже помылся сам. Но, когда Кира, по выработанной привычке, зашел в спальню, полностью обнаженный и с цветком в зубах, пылая от желания, то застал Сашу спящим полусидя рядом с детской кроваткой.

Нахмурился, выплюнул цветок и ушел спать на берег.

Утром Воля застал непривычное для себя зрелище: партнер сидел на берегу, обняв колени, и всхлипывал. Рома всегда отличался спокойствием и непоколебимостью, и потому его расстроенный вид сильно пугал.

— Зая, с тобой что?

— А, Волечка, да нет, все в порядке, просто, — он быстро смахнул слезы и натянуто улыбнулся. — Все хорошо. Как там дети?

— Спят. Ми, — так они называли одного панденка, — поел мало совсем, он меня волнует. Со вчерашнего дня веса почти не набрал.

— А, я его просвечу потом, может, ничего страшного.

— Ага, — подвинулся ближе, обнял партнера, голову положил на его плечо. Море плескалось, накатывало на берег, и редкие брызги долетали до них. Мокрые, холодные. — Рома, не делай вид, что с тобой все хорошо. Что случилось?

— Да нет, я просто сидел, думал, и... — партнер покрутил в руках бритву. — Воля, я ничего не понимаю. Понимаешь, мне надо, чтобы всегда и все было логично, чтобы не рушились причинно-следственные связи, а сейчас я не понимаю вообще ничего. Логики нет, совсем. Я не понимаю, зачем и чего ради мне нужно ограничивать себя в еде, зачем таскать это платье, если мне неудобно, зачем мазать себя этой ерундой, как там ее, косметикой. Гера говорит, что это поможет мне пробудить феминность, а у меня пробуждается только недоумение. Мне эту гадость хочется стереть, мне неприятно ее на себе ощущать, понимаешь?

— Ромуля. Но ты же не хочешь сказать, что...

— Нет, конечно, нет, солнышко. Мне безумно нравится, что мы тут, с тобой, и дети, настоящий человеческий ребенок, и мне это все так нравится, мне так хорошо еще никогда не было, все это очень здорово, но... но... но я не думал, что все окажется настолько сложно! Если бы не эти дурацкие правила! Я через себя переступаю, понимаешь? Играть весь день в кого-то другого тяжело, очень. Это роль не моя, она давит, она меня раздавит когда-нибудь. А всего третий день, Воля! Как, вот как продержаться восемнадцать лет? А ведь если не продержимся, все рухнет, Валю отнимут, а мне он как будто мой, я уже без него не смогу, мне плохо будет, очень.

— Зай, надо просто перетерпеть. Еще полгода, и часы трансляции сократятся, а там станет проще. Ты потерпи, хорошо? Хорошо сыграем сейчас, расслабимся и прохалтурим потом. А хотя знаешь, мне тоже сложно. Невероятно сложно.

— Да я знаю. Но ты молодец, хорошо держишься, правда.

— Да даже не в том дело... понимаешь, я раньше никогда не думал, что со мной что-то не так. А сейчас грызет такое чувство, гаденькое, не знаю, как тебе описать — как будто я не

дотягиваю. Не соответствую. Я каждый раз, когда их голос слышу, начинаю чувствовать себя неудачником, понимаешь?

— Ну нет, ты не неудачник, ты лучший в мире.

— А я вот уже сомневаюсь, и сильно сомневаюсь. Чувствую себя недо... самцом? Недочеловеком? Но это гнетет, ужасно. Я не хочу быть недо-кем-то, хочу быть нормальным, так, как раньше! А не получается, никак! А ведь Женя, будь он неладен, меня предупреждал, а мне от этого еще паршивее становится!..

— Еще три минуты.

— Три минуты... Ромочка, держимся. Еще чуток. Наши все равно победят, да же?

— Ну разумеется, — лицо партнера разгладилось, он повалил Волю на песок и страстно поцеловал. — Зато мне тебя эти дни хочется, как никогда. Может, пока все спят, спрячемся вон там, вон в тех кустах?

— А я как раз там листьев пальмы натаскал, чтобы песок к спине не лип. Идем, скорей.

И оба, глупо хихикая, поползли к поросшей части берега, одновременно включая трансляцию. Поразительно, но факт — во время секса никто к ним с нотациями не приставал.

Тем же утром, прячась от биоэнергетиков, Женя сидел в непроходимой чаще леса. Расчистил пятачок земли, закрыл глаза, слушал ненавязчивую мелодию и пытался расслабиться.

Но не получалось, никак. Чуткие уши улавливали посторонние голоса и рокот чужих машин, а воображение всюду рисовало, как чужаки нагло и беспринципно ворошат его листья, перекапывают его землю и трогают его деревья. Грязными руками! Что злило, злило, ужасно злило. Из-за злости он не слышал музыку, не видел ничего вокруг, а только прислушивался и раздражался еще больше.

— У-р-р, — проурчала где-то рядом Фима.

Маленькая Фимуля. Чем старше она становилась, тем реже исчезала надолго, а в последние дни и вовсе ходила по пятам. Женя не сомневался, что когда-нибудь настанет тот час, когда любимица позволит себя погладить.

Может быть, даже сейчас. Должно же этим утром произойти хоть что-нибудь хорошее?

— Фима, — ласково подозвал ее. Лиса послушно подошла, села, как обычно прикрывала темные кончики передних лап пушистым хвостом и важно уставилась на Женю. В огромных немигающих глазах он видел отражение себя и леса.

— У меня сейчас мышей нет. И идти за ними я не могу, там ходят люди. Понимаешь? Люди, ходят, чужие.

Фима пошевелила усами. Наверное, в знак солидарности.

— Во-о-от, — протянул Женя, плавно подвинувшись к лисе, — вот и я о чем.

Медленно потянул к рыжей голове руку. Фима подозрительно обнюхала пальцы и осталась сидеть на месте.

— А кто у нас тут хорошая самочка? — пропел он, осторожно касаясь огненной шубки. Лиса оскалилась и издала утробный звук, похожий на рык. — Ну вот, — одернул руку. — Что ты дикая такая?

— У-и-р-р-р, — ответила Фима.

— Понятно, — вздохнул Женя.

Увы, чудо не произошло. Но зато получилось хотя бы отвлечься, и теперь мысли о

биоэнергетиках вытеснили другие размышления. Фима, продолжая урчать, легла и положила голову на лапы, а Женя задумался: он никогда не слышал подобных звуков от других лис, потому что между собой они никогда их не произносили. Следовательно, особое рычание, фырки и прочие звуки предназначались исключительно ему. Словно Фима общалась с сородичами на одном языке, а с ним — на другом, усложненном.

Два языка внутри одного вида... оба разные... бред? Или же нет?

Женя быстро, чтобы не передумать, прикрыл глаза и не мешкая связался с Герой. В первый раз. По собственной инициативе. И ни малейшего дискомфорта при этом не испытал.

В это самое время Гера допытывался до Воли:

— Воля, ты почему на работу не летаешь?

— Потому что, — буркнул тот.

— Ты должен осваивать внешнюю сферу, а ты дома все время сидишь.

— Да понял я, понял, — раздраженно ответил Воля. Гере иногда казалось, что конкретно этот участник питает к нему личную неприязнь. — Завтра слетаю.

— Ну, смотри... Женя?

— Что — Женя? — напрягся участник.

— Ах, нет, извини, я не тебе, — Гера быстро прервал трансляцию с Волей и принял входящую, от Жени.

Партнер никогда не связывался с ним прежде. Это Гера ему мог отправить в течение дня несколько сообщений рода «С добрым утром!» или предупредить, что скоро будет, но сам партнер — ни разу, он даже на сообщения не отвечал. Вероятно, он их и не читал. И в его трансляции мерещилось что-то волнительное и из ряда вон выходящее.

— Что-то случилось? — вместо приветствия выпалил Гера.

— Нет. Ничего. Я просто сижу в чаще, разговариваю с Фимой, и меня осенило.

— Ты разговариваешь с лисой? Ну, бывает.

— Не перебивай. И не ехидничай. И вот о чем я подумал: тот кусок со статистикой, который ты не можешь перевести. А ты не рассматривал вероятность того, что наши предки могли разговаривать на разных языках? Что, если у них был не единый общеземной язык, как у нормальных людей, а несколько, и твоя расшифровка банально не подходит к пояснениям в таблице, потому что разработана для другого типа речи?

— Несколько языков внутри одного вида? Да ну что за бред?

— Судя по тому, что я от тебя узнал о предках, они и не до такого могли додуматься. В целом, это все, что я хотел сказать.

— Хотя, ты знаешь... а ведь не исключено. Seriously, мне такое и в голову не приходило, но ведь все складывается! Точно, я разработаю принципиально новую расшифровку, с нуля. Ты же не расстроишься, если я прилечу на пару часов позже?

— Конечно, нет, — растроено ответил Женя.

— Ну солнце, я постараюсь управиться быстрее.

— Я же сказал. Я не расстроен, — отрезал партнер и отключился.

А Гера, не теряя время даром, взял в руки экран и создал новый файл.

Глава 10-2. Про романтичного крысенка

Снаружи стемнело, а Женя, выжатый за день донельзя, все ходил подле лаборатории и чего-то ждал. Биоэнергетики улетели, оставив после себя бардак и хаос, и вроде бы пришло время выдохнуть и вернуться в привычное русло, а не получалось. Он старался делать вид, хотя бы перед Фимой, что с ним все нормально, так, как обычно, но от обиды хотелось выть. Прошло не два часа, а все четыре, а Гера так и не прилетел. И, по-хорошему, стоило лечь спать, но не хотелось. Вернее, не могло. Женя неожиданно сообразил, что почти целую неделю не ночевал один, а спал в обнимку с кем-то, это во-первых. А во-вторых, ему очень понравилось спать не одному, и теперь просто взять и лечь он физически не мог. Более того, в голову закрались крамольные мысли, что, в принципе, гораздо приятнее было бы бодрствовать всю ночь, злиться и следить на дереве за Герой, боясь, что тот вот-вот сорвется, чем мирно спать там же, но одному.

— Фима, я к нему привык.

Лиса зевнула. А после насторожилась и спряталась в кустах, потому что уловила тихий рокот гравиталета. Женя тоже его расслышал, и тут же сделал циничное лицо, чтобы Гера не догадался, как он по нему скучал.

— Ты говорил про два часа, — сердито проворчал, выйдя навстречу.

— Так то же было образно-фигурально, — он подошел, обнял. — Я тоже соскучился. Зато почти все сделал, составил новую программу и поставил на автоподбор. День, два, и данные будут наши!

— Это хорошо. Наверно, — Женя вцепился в плечи Геры, все еще не совсем веря, что он на самом деле стоит напротив. Но нет, стоял. Минуту назад его не было, а сейчас был, как будто и не улетал. И его запросто можно, например, взять на руки, или прикусить за нос. Странное чувство. Никогда раньше Жене не хотелось кусать других людей за носы и уж тем более брать их на руки. Разве только что Ару, но тот сразу и четко расставил границы, и мечты остались мечтами, а здесь — бери и делай, что хочешь.

Потрясающе. Как будто человек напротив — что-то свое, личное. Как Фима или лес.

Например, можно пальцами взъерошить ему волосы — Женя взъерошил. Или руки подвести за поясницу, и прижать его к себе, а потом посмотреть на живой огонь в зрачках; резко вздернуть подбородком — так веки Геры испугано сомкнулись, а ресницы затопорщились во все стороны — и цапнуть уже наконец этот несчастный нос!

— Э-эй! — смеясь, партнер спрятал лицо в его плечо. — Ну что ты делаешь?

— Я пристаю к тебе, — а вот теперь можно костяшками пальцев прощупать позвонки сквозь ткань. Круговыми движениями. Не торопясь. Начиная с цервикальных и ниже, ниже, до копчика. Остевые отростки острые, кожа на них скользит, словно не прикреплена ничем — а партнер выгибается назад и одно что не урчит. Он переключился на ребра, но тут Гера едва заметно сморщился — Женя убрал руки, схватил его за бока, тряхнул, не сильно, но уверенно; после чуть наклонился и поцеловал.

— Что с тобой? Ты сегодня подозрительно нежный, — сказал Гера. А уголки его губ взметнулись вверх, и опускаться не желали.

— Не язви. А то все настроение слетит, — носом обвел ушную раковину по периметру.

«Тук-тук, тук-тук, тук-тук», — бодрым ритмом отдавался стук чужого сердца. — Знаешь, чего я хочу?

— Чего?

— Что-то большое, светлое, успокаивающее. Но не материальное. Мне отвлечься надо. Что-то... не знаю. Гер, ты же постарше. Может, ты знаешь, чего я хочу?

— Э-эй, как одно связано с другим? — он встал на цыпочки, обнял за шею. — Но я знаю, чего ты хочешь. Того же, чего и я. Знаешь, эти участники меня сегодня совсем добились. Отвлечься. Развлечься. Я знаю, как.

— И что же это?

— О-о-о. Это кое-что очень интересное. И мы прямо сейчас этим займемся! Только, с одним условием.

— С каким?

— Ты мне доверишься и в ближайший час будешь делать все, что я скажу.

— Хм-м-м... — Женя сощурился и подался назад. Выглядел Гера загадочно, хотя бы потому, что лицо старался держать предельно серьезным, но смеющиеся мимические морщинки вокруг глаз его выдавали. Явно что-то затеял. Явно что-то интересное. — Только если...

— Без если. Или да, или нет, — он стал выглядеть еще хитрее. Глаза напротив в темноте походили на кошачьи, так же светились изнутри, алым пламенем. В их глубине виднелись звезды. Немного. Густая крона прятала большую часть небесной красоты.

— Согласен, — не смог не согласиться Женя. — Но на обмен. Если потом ты тоже сделаешь то, что я скажу.

— Ладно. Идет, — сдался партнер.

— Мне раздеться?

— Нет. Наоборот! Одевайся, да потеплее, и летим ко мне!

— Я никуда не хочу лететь! — возмутился он.

— Я никогда на это не сяду! — возмутился еще раз, минут двадцать спустя, стоя в теплом жилете из чернобурки в пещере Геры. Оранжевые отблески огня плясали на стенах, в стороне мигал экран, за стеклом простирались мерцающие в свете луны заснеженные пики, а партнер с диким грохотом что-то выдергивал из-под кучи хлама, сваленной в углу. И это «что-то» доверия не внушало совершенно — продолговатая конструкция на широких полозьях, с бортами по краю, цельносталевая.

— Сядешь-сядешь, куда ты денешься, — самоуверенно заявил Гера, дернул конструкцию еще раз и с ней наперевес повалился на пол. — Есть! А теперь, озаботимся вопросом безопасности.

— То есть, мы полетим обратно?

— А-хах, не. Садись, — партнер оставил конструкцию и подполз к Жене. — Волосы. Их надо надежно спрятать. Ты же не против, если я тебя переплету немного? А хотя зачем спрашиваю, ты же подписался делать все, что я скажу... — он надавил на плечи, и волею-неволей пришлось приземлиться на шкуру медведя. — Вот так, сейчас, пара минуточек... Расслабься.

Пришлось прикрыть глаза и напрячься. Все происходящее, мягко говоря, не очень нравилось, и Женя не совсем понимал, как так вышло, что он, здравомыслящий человек, покинул лес ради неизвестно чего, да еще и позволяет делать с собой что-то. Сначала с него сняли капюшон, потом в районе затылка пошли мягкие рывки — Гера развязал косу и теперь

ловко ее распускал, пропуская пряди через пальцы. Быстро-быстро добрался до верху, пригладил волосы — волнистые локоны, упругие и блестящие, рассыпались по спине и по плечам; отошел на пару шагов и всплеснул руками:

— Почему распущенные волосы — это так красиво?

Вид у него был такой восторженный, что Женя сам заулыбался.

Партнер опять зашел сзади и, ловко орудуя руками, собрал волосы сначала в хвост, потом скрутил оставшуюся свободную часть в жгут, который закрепил на голове. Подобрал пропущенную прядку с виска и накрутил на нечто, напоминающее пучок. После спрятал все это безобразие под капюшон, завязал шнурки, чтобы он наверняка не слетел, намотал на шею шарф, смахнул невидимые пылинки с Жениного плеча и довольным голосом изрек:

— Вот теперь — тепло и безопасно! Идем.

— Что ты со мной сделал? Почему я участвую во всем этом? — запричитал Женя, послушно следуя за Герой по темному проходу.

— Что ли ты мне не доверяешь? Надо же как-то тебя тормозить, пока ты мхом в лесу своим не покрылся. Вот, смотри, отличный склон, пологий, проверенный, — Гера притормозил снаружи и бросил сани на снег. Развернул их лицом к спуску вниз и обернулся. — Садись.

— Нет, — кровь заранее стыла в жилах. Высота — головокружительная, подножие горы терялось в темноте, и пусть уклон не самый отвесный, но если слететь с конструкции, которая наверняка наберет приличную скорость, то... то...

— Ну Женечка, не бойся. Давай, ты вперед, а я толкну и сяду сзади.

— Я. Ничего. Не боюсь, — буркнул Женя, с опаской приближаясь к конструкции. Зашел сбоку, осторожно приземлился, мертвой хваткой вцепился в бортики и зажмурил глаза.

«Что же я делаю?!» — ужаснулся, когда Гера с победоносным кличем разогнал санки и запрыгнул сзади. Сердце ухнуло, невесомый холод заполнил нутро, и захотелось заорать от страха; но партнер крепко обхватил его за грудь, придавил к себе и голову положил на плечо. Рядом с ним стало не так страшно, но открыть глаза или расслабиться все равно не получилось.

Но вот прошла секунда, другая — а ничего ужасного не произошло. Ветер хлестал в лицо, в ушах свистело, полозья с хрустом летели по снегу, равновесие, вопреки ожиданиям, держалось устойчиво, а партнер не ослаблял хватку. И очень быстро страх растаял, уступив место новому, неизведанному доселе чувству. Оно по нарастающей поднималось откуда-то из центра груди и разливалось по всему телу, щекочущее, и чем быстрее летели санки, тем сильнее буйный восторг разгорался в крови. Женя приоткрыл глаза и тут же захлопнул их обратно. Не потому, что испугался, а потому, что так он полностью погружался в ощущение полета наяву. Захотелось развести руки в стороны — он отпустил бортики — Гера, наверное, испугался за него, и стиснул со всей дури — а Женя поднял руки. Тугой поток воздуха пытался отбросить их назад. Захотелось встать на ноги — казалось, что так ощущения станут полнее — но тут сани слетели вниз, уткнулись в сугроб, по инерции его отбросило вперед, а Гера приземлился сверху.

— А-ах, — выдохнул Женя, ползком выбираясь из-под партнера. Лицо угодило в холодный снег, и теперь щеки горели. Он развернулся, рухнул на спину и уставился на звезды. Здесь весь открытый небосвод был как на ладони — огромный и бесконечный. Нависал куполом, а по горизонту тянулись горы.

Сердце все еще стучало с бешеным ритмом, и хотелось повторить.

— Ну как? — Гера подполз и упал рядом.

— В целом, я ожидал худшего, — уклончиво ответил он. Холод добрался до кончиков пальцев и щипал их, снег забился за капюшон и таял, стекая за шиворот — мерзко — а вокруг не простирался любимый лес и Фима рядом не бегала, но несмотря на все неудобства Жене давно не было так хорошо. А чтобы стало еще лучше, он дотянулся до Геры и положил его на плечо. — Ладно. Твоя взяла. Мне очень понравилось. Спасибо тебе, — зарылся носом в щелочку между щекой и смешной шапкой, похожей на шарик. Там было тепло и влажно, ворсинки щекотали ноздри. Женя не заметил, как по привычке прикусил кусок веснушчатой кожи.

— Э-эй, да что с тобой? Что ты делаешь? — партнер содрогнулся от щекотки.

— По-моему, сейчас, в данный конкретный момент, я тебя люблю. В активном смысле слова. В процессе, — последние барьеры спали, и сказать такое оказалось совсем не трудно. Наоборот, само собой слетело. — Гера. Ты что со мной наделал?

— А я что? Я же ничего, — он натянул Женин капюшон так сильно, что окружающая красота полностью скрылась там, снаружи, за меховой преградой. Остались только он и он, лицом к лицу, в очень маленьком пространстве и в почти крошечной тьме.

— Нет, крысенок. Ты «чего». Я недавно таким не был. Ладно я. Но тебе оно зачем? — прошептал он. Говорить вслух в настолько интимном пространстве казалось кощунством.

— То есть? — так же шепотом ответил партнер. Горячее дыхание заполонило пространство — стало жарко.

— Чего ты со мной возишься?

— Ну... — Женя не видел, но точно знал — Гера улыбнулся. — Как тебе сказать... я ни разу еще не встречал человека, безумнее себя.

— Так и не встретишь.

— Нет, ты не понял. Ты и есть безумнее меня.

— Я, — Женя едва не поперхнулся. — Ах-ха. Больше глупости я в жизни еще не слышал.

— Нет-нет, серьезно. Да даже мне и в голову бы не пришло кидаться на огромного дикого медведя с крохотным ножичком, чтобы спасти абсолютно незнакомого человека, а ты бросился. А ведь мог бы просто напугать его, тем же гравиталетом, звуками отвлечь, спасателей вызвать, в конце концов, но ты предпочел пойти на риск. Безумие? О, да!

— Ну-у-у...

— А еще мне очень нравится, что ты, весь такой вредный и самодовольный, закрытый и нелюдимый, со мной становишься совсем другим. Таким ми-илым, — Гера прильнул к манер кошки и щекой потерся о плечо Жени; пар вышел из-под откинувшегося капюшона и облаком рассеялся вокруг, — таким нежным, чутким, податливым, ласковым. А еще ты такой большой, и сильный, и красивый, само совершенство, и... и... и вот как можно за тобой не бегать? Как, а? Вот как? — вскарабкался на него, лег сверху, руки протиснул за спину и вцепился мертвой хваткой. — Не слезу. Не сбросишь.

— Да я и не собираюсь, — Женя обнял его и так, с ним на руках, встал на ноги. Всмотрелся — гравиталет, к облегчению, парил в вышине, в зоне видимости, и с ним без труда удалось настроить связь. Подогнал аппарат к себе, залез вовнутрь, податливого и сонного Геру усадил на колени. — А теперь домой. Пора спать...

Глава 11-1. Про подкормку для фикуса

Удивительное дело, но порция адреналина на самом деле помогла. Женя прекрасно выспался, и проснулся с приподнятым настроением, да еще и раньше Геры, хотя обычно тот улетал на заре, до пробуждения партнера. Солнце только-только показалось над кронами деревьев, и розовыми лучами озаряло лес. Птицы звонко щебетали, легкий туман клубился в низине, роса капала с кончиков травинки. Свежо, прохладно. Женя поежился и прижался к партнеру, теплому. Волна нежности, уже не пугающая и нисколько не напрягающая, опять растеклась по телу — он не удержался и погладил Геру по руке, от запястья, туго перетянутого кожаным браслетом, и до плеча. Ему нравилось его трогать, прощупывать мышцы. Не самые накачанные, но всегда жесткие, такие у альпинистов обычно бывают.

— М-м-м, — засопел тот и зарылся лицом в волосы Жени. Их вчера пришлось распустить, потому что с тем безобразием, что натворил партнер на голове, спать было неудобно. Теперь в прядях запутались веточки, кусочки листьев, хвоя и старый высохший паук, и приводить себя в порядок придется минимум так с пол часа, но даже это сегодня не злило, а казалось сущим пустяком.

— А сколько время? — сонным голосом спросил партнер.

— Семь скоро.

— У-у-у, — протянул он, зевая и протирая глаза. Женя с сильным нажимом провел ногтями по его спине — тот выгнулся и прищурился от удовольствия. Еще раз провел. И еще. Почему-то ему понравилось делать хорошо не только себе.

Странное чувство.

— Спасибо, — нехотя Гера поднялся. — Мне пора. Мой личный мини детский центр с великовозрастными ребятами ждет меня.

— Когда уже твой эксперимент развалится, — недовольно вздохнул Женя.

— Э-й, солнце, ну не надо так. Я вечером прилечу.

— Да знаю я, — подтянулся, сел, поцеловал его напоследок. — У тебя минута. Не успеешь улететь — я тебя не отпущу. Отсчет пошел.

— Ах ты, — мигом повеселел партнер, вскочил на ноги, рванул к опушке, сразу вернулся. — Совсем забыл, — нагнулся, поцеловал, после бегом добежал до гравиталета и был таков.

Женя, довольный донельзя, откинулся на траву. В спину уперлось что-то жесткое — браслет. Металлический. Наверное, Гера случайно обронил. Вскоре очередная добыча переместилась в углубление на дереве, и присоединилась к жилету из чернотурки, куску штанины с бурыми пятнами крови и сложенному вчетверо листу бумаги, незаметно стащенному из пещеры. А сам Женя взял расческу и приступил к утреннему ритуалу — расчесаться, заплестись, подкрепиться и всерьез взяться за работу.

— Раз, два, три, — Воля шагнул пальцами по животу Вали, и на громкое «Три!» ребенок неизменно замирал и как будто бы улыбался. — Раз, — взял его ручки. — Два, — поднял их. — Три! — растянул в стороны и придавил к кровати.

Лицо ребенка стало озадаченным, а после, без всяких сомнений, ротик приоткрылся и растянулся в самой настоящей улыбке.

— Ромочка, Рома, смотри, он мне улыбается!

— Да ну он же маленький еще совсем, — партнер, пережевывая кусок мяса с прожилками сала, сел рядом. — А хотя, нет, и правда похоже. Ну надо же, — проглотил последний кусок, вытер рот и лег рядом. — Валюшечка, большой уже стал, скоро будет ножками ходить и дом крушить, — пощекотал ребенка за пятки.

— У-и-и, — загулил Валя. Наверное, в знак согласия.

Партнеры рассмеялись.

Воля лежал, по его спине ползали панды — эти дети росли куда как быстрее Вали — и был абсолютно счастлив. Одно только омрачало. Время. Без одной минуты восемь.

— Что, солнышко? Включаем трансляцию и идем? — словно прочитав его мысли, Рома тоже посерьезнел.

— Куда идем?

— Куда-куда. Людей изображать.

— Идем...

Кира встал около семи и вошел в дом. К удивлению, Саша не спал. Он как зомби — сходство усиливали темные круги под красными глазами — бродил по периметру комнаты и вяло качал Мэла, иногда останавливался у окна и вдумчиво смотрел на фикус. Трогал листочки, а потом шел дальше. И партнер так увлекся бессмысленным хождением, что не сразу заметил Киру.

— Что, Саша? Решил отныне вставать пораньше? Молодец! — бодро сказал он. Сон на берегу моря благотворно влиял на Киру — соленый воздух насыщал энергией и желанием творить. На работу, к любимой команде хотелось так, как никогда.

Партнер зевнул и пробормотал что-то нечленораздельное.

— Слушай, Сашуля. У меня есть еще несколько свободных минут. Дай мне Мэла, — осенило Киру. Он выхватил спящего ребенка, встал в красивую позу, и сказал: — Зафиксируй меня!

Саша, с кислым видом, выполнил просьбу.

— А теперь дай мне эту, как там ее, бутылочку! Как будто я его кормлю!

Партнер протянул искомую смешную штуку.

— Фиксируй! И мне перешли, — с громким чмоком вытащил соску изо рта присосавшегося было ребенка и вручил его в руки Саше. Мэл захныкал. — Пока, свет мой, скоро менять ночную смену, я пошел.

Когда он выходил из дому, Мэл раскричался в полный голос. Пришлось прибавить ход — до чего же неприятно орут младенцы!

А Сашу беспокоили только две вещи.

Во-первых, после очередной бессонной ночи перед глазами плыло. Ноги заплетались. С памятью стало что-то происходить, участник банально забывал, куда положил ту или иную вещь, и расческу нашел в охлаждающем отсеке, рядом с замороженным фазаном. Подгузники все время куда-то девались. Смесь перемещалась с места на место. Голова гудела, а настроения не было никакого. Вообще. Хотелось только одного — спать. Спать. Спать. В одиночестве. Наедине. Чтобы никто не отвлекал. Никто не приставал. Закрывать глаза и спать.

Если бы он знал, что придется так туго, то ни за что бы не согласился на участие в эксперименте. Но теперь что-либо менять было поздно. Да и как? Подвести Киру?

Выставить себя перед организаторами безвольным слабаком, и это после того, как его несколько раз предупреждали о трудностях, уточняли и спрашивали, а действительно ли ты, Сашенька, готов? И что после этого скажут люди? Вся планета возлагает на него надежды!

Он чувствовал себя, загнанным в западню.

А во-вторых, беспокоил фикус. Любимый фикус по имени Беня; Саша еще в детском центре посадил крохотный росточек с двумя листиками, из которого за несколько лет выросло вполне приличное и капризное деревце. Новый климат негативно на нем сказался, и листья с фикуса стали осыпаться, а прихватить с собой удобрения участник не догадался. Можно было заказать новые, но дома стоял пузырек с собственноручно изготовленной подкормкой. С идеально подобранными ингредиентами, совсем свежей — два миллилитра на стакан воды, и Беня стал бы, как новенький.

Но.

Саша понятия не имел, как за ней слетать. Куда девать Мэла? Взять с собой? Попросить Киру присмотреть за ребенком? Вызвать Рэя? Ведь отныне даже такое простое действие, как слетать на несколько минут на соседний материк, превращалось в сложную и трудновыполнимую задачу.

— Гера, — подключился он к наблюдателю. — Мне нужно ненадолго отлететь. За подкормкой.

— Мэлу вредно часто летать. Анти-поле негативно сказывается на растущем организме. Лети один.

— А Мэла мне куда девать?

— Партнера попроси с ним посидеть.

— Но он же на работе!

— Попроси его пораньше прилететь.

— А если он откажется?

— Саша, — с той самой снисходительной интонацией, которую Саша терпеть не мог, сказал наблюдатель, — ты — фемина, и должен уметь договариваться с партнером.

— Пока, — сердито бросил участник и переключился на Рэя. — Рэй!

— М-м-м? — сонно ответил тот. Спал, наверное. Другие люди спят, сколько хотят и когда хотят. И где хотят. И с кем хотят.

— Возьми на себя Мэла. Примерно на час.

— По инструкции мне не положено. В мои обязанности входит устное консультирование, — сквозь зевоту сказал он. — Ребят, кто стащил мои снасти? — и связь прервалась.

Саша едва не заревел. У других людей жизнь кипит, рыбалка, снасти, время есть на хобби, а он намертво прикован к вечно орущему ребенку! Участник внезапно понял, что рожать своего совсем не хочет, и неизвестно, а хотел ли вообще? Во второй раз пройти через вот это все — нет уж, увольте!

Осталась последняя слабая надежда вырваться, хоть ненадолго, из хитро спланированной западни.

— Кира? — связался с партнером.

Кира же в это время купался в лучах славы. Утренние изображения с младенцем он выложил в общий доступ, и теперь читал сотню восторженных комментариев. Люди умилялись, люди его хвалили, люди делились картинкой друг с другом, люди называли его лучшим выращивателем в мире и спрашивали, как он умудряется все успевать — работать на

ответственной должности, заботиться о малыше и прекрасно выглядеть. Кира строчил ответы, что да, это дается ему нелегко, что он очень любит и ребенка, и работу, и что не за горами тот день, когда Землю огласит плач новорожденного — его собственного. Зачатого естественным путем. И все радовались, все поддакивали, а он выдавал очередное задание членам команды — и вновь отвечал на новые комментарии.

Прекрасный день!

Давно ему не было настолько хорошо!

Если бы не партнер. Он пугал. Пугал тем, что странно себя вел и все время ныл, хотя казалось бы — сидит дома, в тепличном климате, на всем готовом. Живи и радуйся! Реализуй этот, как там его — материнский инстинкт! Но нет. И иногда Кире казалось, что Саша может все испортить, и из-за нерадивого партнера их участие в эксперименте окажется под угрозой. Лучи славы погаснут. Все закончится. Вот и сейчас — весьма некстати голос Саши, вялый и недовольный, влился в голову.

— Кира?

— Да, Сашенька, — пропел он, одновременно отвечая на очередной поток умиления под картинкой.

— Мне надо слетать домой...

— Так лети!

— Для этого тебе надо посидеть с Мэлом...

— Да без проблем, солнце мое! — сказал погромче, потому что мимо прошел один из членов команды. — Конечно, я посижу с Мэлом! — добавил во всеуслышание, чтобы остальные работники его слышали.

— Да?.. То есть, ты прилетишь пораньше?

— Ну разумеется. Часов в шесть.

— О... ну, хорошо... — озадаченно добавил Саша.

— Пока, радость моя, — Кира послал партнеру воздушный поцелуй и прервал трансляцию. — Семья. Ответственность! — многозначительно добавил членам команды.

— Да-а-а-а, — уважительно и вроде бы как даже с завистью протянули они.

Глава 11-2. Про то, как все чуть не переругались

Геру беспокоила одна пара. Сильно беспокоила.

Рома и Воля.

Они совершенно не вписывались в роли. Один почему-то не только не похудел, а даже поправился грамм на триста, а другой опять не полетел на работу.

— Воля, почему ты дома? Сколько раз можно повторять? Тебе нужно имитировать добытчика!

— Да-да. Я полечу, — отреагировал участник. Младенец был привязан к нему широким шарфом, а сам Воля расчесывал зверей пуходеркой. Они лежали на спине, раскинули лапы в стороны и млели. Судя по отрешенной интонации участника, он тоже млеет.

— Рома, а ты посылку получил?

— Угу, — ответил участник.

— А почему не надел?

К обеду обе фемины получили новую, изготовленную специально для них обувь на каблуке, с вложенной инструкцией — надевать раз в день на пол часа, впоследствии период носки увеличить. И, если Саша сразу выполнил задание, то Рома никуда не торопился, и спрятал туфли в углу.

— Я надевал. Они неудобные.

— Рома! Надо!

— А зачем надо?

— Рома, не начинай. Просто надень и все.

— Нет. Нет, я не понимаю. Зачем? Я же сказал. Мне неудобно! — впервые за все время участник повысил голос. На крик прибежал Воля и замер на пороге, округлил глаза и прижал к себе Валю.

— Тебе надо...

— Пробудить феминность? Ломая ноги? Очень феминно!

— Ромочка, тихо, — подкрался партнер. — Ромочка, не надо.

— Зая, подожди. Мне надо знать. Мне надо точно знать. Гера, объясни. Так зачем мне это якобы надо, хотя мне этого не нужно? Ты понимаешь, что так устойчивость теряется? А если я полечу, лицом вниз, с ребенком на руках, что тогда? А лодыжки если вывихну, то в чем будет польза? А?

— Рома, — с трудом удерживая самообладание, ответил Гера. — Пожалуйста, спокойно. Ты должен выполнять правила, а не оспаривать каждый пункт!

— Нет, подожди...

— Нет, это ты подожди! Ребята, мне очень, очень не нравится ваше поведение, и если так будет и дальше продолжаться, я поставлю вопрос о вашей замене, на более подходящих участников!

— Ромуля, тихо, тихо, хватит, — от громкого голоса Валя проснулся, захныкал, и Воля укачивал его, одновременно крутясь вокруг партнера. — Тихо, Ромочка, не надо, спокойно, ну это же всего лишь туфли, зая, тихо, — он замер напротив и жалобно заглянул в глаза.

Гере показалось, что он так смотрит на него. Пронзительный взгляд, ему самому захотелось немедленно все бросить и пойти на поводу у участника. Партнеры притихли,

несколько секунд молча переглядывались, а потом случилось что-то непонятное.

— Конечно, — как ни в чем не бывало, сказал Рома. — Волечка, давай мне Валю.

— Да. Как раз собирался слетать на работу, — передал он младенца.

— Да и туфли не так уж и плохи. Привыкнуть просто надо.

— А мне страсть как хочется порыбачить! Скорее бы вечер, как выйду, да со снастями, ух!

— Пойду-ка я приготовлю чего-нибудь. Низкокалорийного.

И ладно бы, они ограничились словами. Нет! Воля на самом деле сел в гравиталет и куда-то улетел, а Рома, напевая вслух песенку, ушел на кухню рубить листья салата. В туфлях.

Подозрительно.

И до передачи трансляции Эну пара вела себя так идеально, что Гера диву давался. Рома на несколько раз подмел полы в доме, протер стекла; периодически прикладывался к салату и каждый раз комментировал происходящее вслух. Воля недолго пробыл на работе, но по возвращению внезапно схватился не за детей, а за снасти. А перед тем, как их закинуть в море, бодро пробежал вдоль берега метром так с двести.

Гера не очень понимал, что происходит. Вариантов было два — или участники блефуют, или же у них на самом деле что-то щелкнуло и эксперимент стал приносить первые плоды.

А Саша тем временем ждал. Ждал шести часов. Сверялся со временем через каждые две минуты и мысленно сокрушался, что день тянется невыносимо медленно. Но перспектива побыть одному, без ноши в виде ненавистного Мэла, от одного вида которого невольно трясло, придавала сил. Целый час наедине! Без криков, без смеси со сладковатым запахом, без подгузников, без нотаций в голове, без нервного прислушивания к тишине — не раздастся ли едва различимое кряхтение, неизменно перерастающее в выматывающий ор?

Это казалось чем-то нереально волшебным.

По-прежнему ужасно хотелось спать. Саша на миг потерял связь с реальностью, когда стоял на каблуках в комнате, а очнувшись, поймал себя на том, что качает коробку из-под обуви, как ребенка. Вообще у него появилась странная привычка — качать попавшие в руки предметы весом больше трех килограмм. Так он отключался несколько раз за день, в предпоследний едва не выронил Мэла, за что тут же получил серию нотаций — от Эна и от Рэя. Саше стало казаться, что его самого, как личности, отныне не существует, есть приложение к ребенку с набором функций: кормить, качать, мыть.

И только предстоящая поездка не давала скатиться в окончательную и беспросветную апатию.

С Мэлом на руках Саша долго стоял на кухне и не мигая смотрел на набор ножей. Стандартный — один охотничий, три метательных, штук пять для разделки мяса и для чистки овощей. Он переложил несколько ножей в карман и пошел к выходу. По пути остановился у окна.

С Бени осыпались листья.

— Потерпи, дружок. Остался всего час, — Саша погладил тонкую веточку, вздохнул, вышел наружу, переложил ребенка на траву, резко развернулся и метким броском отправил нож в полет.

Острейшее лезвие вошло в мягкий ствол ближайшей пальмы почти бесшумно.

- Пятьдесят восемь минут, — выдернул нож, отошел, метнул еще раз.
- Пятьдесят восемь с половиной, — повторил процесс.
- Пятьдесят семь...

Ближе к вечеру у Киры случилось неслыханное событие. Вызов. Настоящий! Не ложный! Так уж вышло, что чипы, настроенные у большей части населения на автоматическую подачу сигнала опасности, зачастую срабатывали случайно, реагируя на банальный сильный испуг, например, от близости хищника, потери равновесия и прочих мелочей, а безответственные земляне иногда этого не замечали и вызов не отменяли. И оперативной группе, прилетевшей на место так называемого происшествия, приходилось разворачиваться и улетать ни с чем.

Но на сей раз сомнений не было — вызов самый что ни на есть настоящий. Свои в беде. Кира тут же забыл про все — про комментарии, на которые не успел ответить, про Мэла, Сашу, про себя, и стал исключительно предводителем оперативной группы спасателей. Огня в кровь добавляло то, что показатели боли пострадавшего зашкаливали, уровень адреналина превышал все мыслимые пределы — а после сигнал перешел в автоматический режим, что могло обозначать только одно: потеря сознания.

Дело совсем плохо.

На максимальной скорости, за считанные минуты команда добралась до места трагедии, одновременно скооперировавшись с ближайшим медицинским центром. Четыре гравиталета — три спасательских и один скорой помощи — зависли над искомым ущельем.

Очередной скалолаз-любитель. Кира никогда их не понимал. По всей видимости, бедолага недостаточно хорошо закрепил страховку и сорвался вниз, застряв в узком ущелье. Его ногу передавило глыбой, небольшой, килограмм пятьдесят-семьдесят, и, в принципе, здоровый человек без труда сдвинул бы препятствие, но пострадавший, скорее всего, что-то сломал при падении и сделать этого не смог.

Бегло оценив обстановку, Кира пришел к выводу: действовать необходимо быстро. Пульс упавшего неумолимо замедлялся. Дело осложнялось тем, что просто поднять пострадавшего было не так-то просто: ущелье неглубокое, всего метра три, но узкое, отвесные стены — зыбкие, одно неверное движение, и может случиться обвал, и тогда показатели смертности увеличатся на одну единицу, чего допускать категорически нельзя. Устанавливать подъемное оборудование, надежное и безопасное — нет времени. Соответственно, кто-то должен спуститься вниз, сдвинуть глыбу, переложить упавшего на носилки и поднять с помощью веревок.

Вот только спускаться туда — опасно, но в критические минуты Кира меньше всего думал об опасности. Он наспех раздал указания и осторожно, цепляясь за неровности отвеса, спустился вниз. Сам, лично, отправить вниз участников команды он не мог себе позволить — слишком рискованно, а Кира любил и берег свою команду. Первые потревоженные камни полетели вниз — он ускорился, сдвинул глыбу, под напряженное молчание подчиненных переложил пострадавшего на носилки — подал сигнал — тело подняли и тут же загрузили в скорый гравиталет мед центра. К сожалению, обвала избежать не удалось — все больше камней летели вниз, по пути сталкивая камни крупнее; один из обломков по касательной задел плечо и разорвал ткань. Кира не стал ждать, когда его завалит — двумя быстрыми прыжками выбрался наружу и отошел на безопасное расстояние.

Сел.

По плечу текла кровь.

Отдышался.

Голова раскалывалась. Ей тоже досталось. Совсем забыл про каску.

Надо устроить учения. С основным упором на соблюдение техники безопасности.

— Ты как? — робко спросил кто-то.

Кира встал, подошел к ущелью. Над ним поднималось облако пыли — то место, где недавно находился он сам и пострадавший, полностью завалило. Во рту пересохло. Кира облизнул губы, повернулся к команде. Все смотрели на него с обожанием, как на героя.

— Ребята! — Кира полностью пришел в себя. — Затранслируйте меня. И мне перешлите.

Гордо выпрямился на фоне опасного ущелья, вздернул подбородок, получил несколько превосходных изображений — и только тогда передал себя в руки работникам мед центра.

Без пяти минут восемь Кира вошел в дом. Грязный, перевязанный, уставший. Эн привстал на месте — почему-то ему казалось, что неуравновешенный Саша прямо с порога поднимет крик, но нет. Все прошло тихо и мирно. Участник-фемина даже не пошевелился. Он как сидел последние пол часа на полу, перед пожухшим фикусом, с метательным ножом в руках, так и остался сидеть. Тот пальмовый ствол, избранный Сашей в качестве мишени, за два с половиной часа основательно излохматился.

Меткий участник. И силу броска хорошо держит.

Вот Кира дошел до Саши.

— Я сегодня человека спас! — хвастливо сообщил партнеру.

Саша апатично кивнул.

— Тихо. Мэл спит, — добавил погасшим голосом.

— Ребята, время вышло. Я вас оставляю, — влез в разговор Эн. — Если что, мы на связи. Наши кабинеты для вас всегда открыты.

— Угу, — прошелестел Саша.

— Спокойной ночи, — Эн отключился.

Но все-таки на сердце его было беспокойно.

Гера же в это время, по обыкновению, находился в лесу. Слушал длинный монолог о безъядерных клетках, часть из которых за последние два дня пришла в негодность — и все из-за нерасторопных биоэнергетиков! — и про то, что Жене пришлось начать весь процесс заново. Партнер злился, иногда переходил на крик, активно жестикулировал; Гера старался сохранять внешнюю серьезность, а мысленно умилялся. К его приезду Женя сам лично поймал зайца, и не только поймал, но и зажарил на огне. Очевидно, что исключительно для него, сам партнер равнодушно относился и к мясу, и к термообработке, и ради себя одного не стал бы так заморачиваться.

Время от времени Гера настраивался на родную пещеру, проверял, не завершилась ли расшифровка. Когда он улетал, датчики показывали, что осталось ориентировочно от трех до шести часов. Прошло четыре.

Участники сегодня радовали. Статистика почти переведена. Голова лежала на бедре любимого партнера, который хоть и злился, но пальцами аккуратно перебирал Гере волосы, и от случайных прикосновений к коже головы мурашки бежали. Жизнь казалась сказкой.

— Гера, привет. Я тебя не отвлекаю? — в голову влился вкрадчивый голос Эна.

— Да нет, — мысленно ответил Гера.

— Будь сегодня начеку. Кира и Саша меня волнуют. Возможно, поссорятся.

— Понял, — лениво ответил он.

— Спокойной ночи.

— До завтра, — поставил в конце улыбающийся смайлик и сладко потянулся в траве.

Лег на бок, ладонь просунул под Женино бедро, улыбнулся Фиме, сидящей, как изваяние, неподалеку. Закрыв глаза, расслабился. По привычке пробежался по личным кабинетам участников, заметил, что один из них — Рома — все еще не прервал трансляцию, хотя уже три минуты, как время вышло. Решил напомнить, что пришла пора прерываться на ночь. Подключился.

— Ух, ну наконец-то! — услышал радостный вопль.

Рома забросил кастрюлю с салатом в угол, достал из охлаждающего отсека окорок и жадно откусил от него большой кусок.

— М-м-м!

— Зая, смотри! Я — цапля! — балансируя на каблуках, в комнату вошел Воля. Попробовал покрутиться, но потерял равновесие и рухнул на колени.

Партнеры рассмеялись.

— Воля, что ж ты делаешь, ита не маскулинно! Ах Рома, тебе надо худеть! Феминная хрупкость, защитники и очаги! — сильно коверкая голос, театрально выкрикнул Воля.

Гера резко сел — стало очень обидно. Женя прервал монолог и озадаченно на него уставился.

Рома подавился от смеха. Кусочки мяса разлетелись изо рта и прилипли к полу.

— Тихо, Воля... кажется, со мной что-то не то! — картинно задрогал рукой с окороком. — Я чувствую! Чувствую это! А-а-а, что со мной?! — задергал второй рукой.

— А что с тобой?

— У меня пробуждается феминность!

Участники покатались со смеху.

— Кажется, я сегодня тоже переиграл в самца, мне срочно надо расслабиться. Короче, Рома! Играем! — задорно выкрикнул Воля, ползая кругами. Туфли носком стучали по полу — «тук, тук, тук». — Я буду Герой. А ты — участник, — сел, выпрямился, набрал воздуха и тоненько закричал: — Рома! Диета!!! Выброси окорок! Я поставлю вопрос о твоём исключении!

— Ах-ха-ха, солнышко, хватит, — Рома прильну к партнеру, растрепал его волосы. — Зато Гера мне сказал, что я сегодня молодец. Ах-ха. Жалко мне его.

— Кого? — Воля повернул голову набок и отщипнул зубами длинное волокно мяса.

— Да Геру этого.

— Крысенок, — Женя подполз сзади и обнял за плечи. — Ты чего так нахмурился? Все хорошо?

— Ш-ш-ш! — Гера поднял руку, сосредоточившись на участниках.

— Да ладно, они отличная парочка, — тем временем передернул плечами Воля.

— Все равно. Если бы ты разболтал другим то, что я только тебе доверил, я бы тебя тогда, я бы... даже не знаю. Но гаденько это.

— Да ладно, Гера этого достоин. Зато мы теперь участники, — он накрутил на палец прядь Ромы. — Кудряшечки, любить кудряшки! — в шутку вгрызся в них зубами. — Никогда бы не подумал, что скажу это, но — спасибо Женечке. Особенно его лисе, — фыркнул Воля,

выплывавая волосы. — Вот уж кто за полудохлую животину планету родную продаст. Кстати, надо ему передать, что селезенка готова. Пусть Фимку свою везет.

— Не подавись, — захихикал Рома, забирая прядь назад, — ну так-то да. Интересно, а по этим правилам дурацким меня на пару часов в лабораторию отпустят? Хотя можно и после восьми слетать, никто ничего не узнает. Кстати, чего вспомнил! А помнишь Мирра, ну, того, с... ой, Валя кажется проснулся. Я сейчас!

— Не, это я сейчас! Я пол дня к нему не подходил, моя очередь, моя, и до утра она моя! — участник забуксовал на месте, подрываясь. Туфли с грохотом отлетели в угол.

— Ребят, — Гера не выдержал и всхлипнул. — Вы того... трансляцию. Не отключили...

— Ой! — Воля зажал рот руками и стремительно побледнел.

Изображение дрогнуло и ухнуло вниз — наверное, Рома осел на пол.

Впрочем, участники сейчас меньше всего на свете волновали Геру. Он выпутался из объятий, которые стали казаться резко неприятными, встал напротив партнера, и, быстро-быстро моргая, срывающимся голосом спросил:

— Женечка, ну как же так? Как же так, Женя?!

Глава 12. Про то, как все переругались

Несколько минут партнеры сидели и молча хлопали глазами. Воля то потел, то ему вдруг становилось холодно; где-то на заднем плане громко плакал Валя и пищали панды. Рома схватился за голову и ритмично раскачивался из стороны в сторону.

— Зая, что ты наделал? — всхлипнул Воля. — Зая, ответь!!!

— Не кричи на меня! — всхлипнул в ответ Рома. — Я же не специально! Я привыкнуть все никак к этим трансляциям дурацким не могу...

— А теперь у нас Валюшу заберут!

— Да-а-а-а, — протянул Рома. Лицо его враз исказилось, губы задрожали, глаза покраснели, и Воле стало очень не по себе.

— Ладно, ладно, зая, не расстраивайся, мы сейчас что-нибудь придумаем. Зая, баррикадируемся!

— Да! Давай, ты к детям, я загорожу дверь шкафом! — Рома смахнул слезы и вскочил на ноги. Заметался по комнате, нервно выглянул в окно, плечом уперся в шкаф и затолкал его к выходу. Громкий скрежет перепугал детей, и они закричали с утроенной энергией.

Воля побежал в детскую, наспех перекинул через плечо шарф, сложил в получившийся гамак малышню, и побежал на кухню, готовить смесь.

Рома толкал шкаф.

Воля разлил еду по бутылочкам, но был вынужден оставить их на столе.

— Воля! Снаружи кто-то бежит! — испуганно закричал Рома.

— Валю заберут! Сейчас, я быстро! — в два прыжка настиг партнера, спиной уперся в шкаф и за считанные секунды они дотолкали его до двери и надежно забаррикадировались.

— Уф, — сполз он на пол. — Тихо, не плачь, никому мы тебя не отдадим, — сказал разбушевавшемуся Вале, хотя сам не очень-то верил в собственные слова. Шаги снаружи раздавались все ближе, и ближе; вот скрипнуло крыльцо — а Воля все крепче вцеплялся в шарф с детьми, и все сильнее прижимал к себе ребенка, и от отчаяния хотелось плакать. Рома, мрачный и поникший, боком вжался в Волю; обоим было нечего сказать.

Малыш кричал, в дверь забарабанили.

— Заберут, — совсем расклеился Воля, и на мягкую шубку пандят закапали соленые капли.

— Т-с-с, зая, тихо, — Рома напряженно вслушался. — Похоже, у нас не забрать ребенка пришли. А еще одного принесли.

— А? — сейчас только Воля заметил, что Валя молчит, а детский крик все равно не прекращается. Он определенно исходил с другой стороны двери. — Зая, толкаем обратно!

Шкаф отъехал в сторону; партнеры едва успели отскочить, чтобы их не пришибло дверью. В дом залетел Кира — запыхавшийся, с выпученными глазами, грязный и весь в крови. Казалось, что он ничего соображает; сосед молча сунул верещащего Мела Роме, захлопнул дверь, в одиночку задвинул ее шкафом, после зажался в угол, сполз по стене и мелко затрясся.

Воля переглянулся с Ромой — оба ничего не понимали.

— Что случилось?

— Ты ранен!

— Кира, ты как?

— Так, Воля! Дети на тебя, а я разведу успокоительное. Кира, вставай, тебе надо в ванну, Воля, принеси био-пастыри, — быстро вернул самообладание Рома.

Поднялась суматоха — Мэл переместился к Воле, и вскоре все дети замолчали, жадно присосавшись к бутылочкам. Кира, отмытый, перевязанный, более-менее успокоился, и наконец-то смог членораздельно говорить. Правда, пока ничего вразумительного он так и не сказал, наружу вырывались исключительно ругательства, и Рома налил ему вторую чашку успокоительного.

Сильно сосед не пострадал — свежая рана проходила по правому плечу, неглубокая, но длинная. На другом плече тоже находилась рана, уже перевязанная. Многочисленные ссадины и ушибы были разбросаны по всему телу, но в мед центр Кира лететь отказался, жестами объясняя, что он там уже был, и что наружу ни за что не выйдет. Рома суетился вокруг него, охал и причитал, спрашивал, куда подевался Саша — но каждый раз при упоминании имени партнера Кира бледнел и начинал заикаться.

А Воля не отрываясь смотрел на двух крохотных младенцев — один красноволосый, как огонек, другой разноглазый, тот самый, из Жениной лаборатории. Может быть, и неуместно, но от понимания того, что и этот ребенок все-таки попал к нему в руки, Воля расчувствовался. Вспомнилось его рождение, инкубатор, извлечение наружу, корявая пуповина, то, как же сильно хотелось его потрогать, как он просил, как умолял — и вот, пожалуйста, тот самый Мэл, лежит, бок о бок с Валею, сопит. Маленький, красивый.

— И тебя я никому не отдам, — шепотом известил Мэла.

Громкий стук заставил отвлечься от созерцания детей — это Кира залпом осушил вторую чашку успокоительного и поставил ее на стол. Солидная доза помогла, руки его перестали трястись, а голос стал тверже. Он обвел мутным взглядом присутствующих, вдохнул, выдохнул, сфокусировался на партнерах и сбивчиво начал рассказывать, что же, собственно, произошло.

Женя ничего не понимал. Только что все было прекрасно — они так хорошо сидели, вечер выдался теплый, ни ветерка, ветки в костре потрескивали, он рассказывал об ужасном дне и почти добрался до того возмутительного момента, с фагоцитозом, как вдруг резко все оборвалось. Минуту назад Гера мирно лежал и лениво поддакивал, а теперь стоял напротив, одновременно и злой, и расстроенный — глаза его, и без того красные, теперь буквально горели огнем, и недобро поблескивали.

— Как же так, Женя? Женечка, ну как же так?! — кричал он.

— Что — так? Может, объяснишь уже, чего на тебя нашло?

— Действительно, — партнер нахмурился и шагнул навстречу. — Женечка. Как ты думаешь? Давай представим себе ситуацию. Предположим, нам надо отобрать участников. Таких, чтобы они соответствовали условиям отбора. И — внимание! — вопрос. Как на тщательно продуманный эксперимент пробралась парочка, которая условиям отбора не соответствует от слова никак? Учитывая, что критерии разрабатывал я, и никто, кроме меня и тебя, не знал правильные ответы? Как, а?! Как?! И в самом деле, что на меня нашло?!

— А-а, — Женя невольно поморщился и отступил назад. — Так и знал, что этот мямлик не сможет удержать язык за зубами. Так, Гера, ты, главное, успокойся. Я тебе сейчас все объясню...

— Что ты мне объяснишь? Что за моей спиной в первый же день побежал рассказывать

знакомым правильные ответы? Я же тебя просил. Я же четко сказал — информация строго конфиденциальная. Но ты разболтал, подсунул мне неправильных участников, а потом как ни в чем не бывало смотрел мне в глаза и улыбался, зная, что мое дело из-за тебя полетит на смарку. Тебе это так нормально? Тебе хотя бы стыдно?

— Ну пару раз было. И послушай ты меня нако...

— Пару раз! Подумать только, ему пару раз было стыдно! — Гера сел на корточки и вцепился в волосы. — А теперь? Ты соображаешь, хоть немного, что наделал? Мало того, что они не соответствуют отбору, так ты на меня еще и ответственность за них повесил. Ты понимаешь, что они ребенка любят? Что мне теперь придется их разлучить? Ты можешь себе представить, хоть на секунду, что я буду при этом чувствовать? Ты соображаешь, что поставил под удар весь эксперимент, и что его результаты могли стать необъективными?

— Да что ты так раздуваешь-то все! — Женья почувствовал, что начинает закипать. — Все равно этот твой так называемый экс...

— А выгода? В чем тебе-то выгода, а, Жень? — перебил его Гера и вскинул голову.

— Они до конца дней своих подписались обслуживать Фиму. Выгодная сделка. И я не виноват, что у Воли лаборатория идеально оборудована под выращивание звериных органов, и что живет он с лучшим ветеринаром-хирургом планеты! Да и потом, нормально они соответствуют, что ты нагнетаешь-то, ты видел, какая у Ромки грудь?! Во! — показал на себе, оттопырив руки.

— Лиса! Ты предал меня ради лисы!

— Да не предавал я тебя, хватит передергивать!

— Да я доверял тебе, а ты!

— А я не просил тебя мне доверять! Сам рассказал, сам и виноват! И вообще, мы тогда даже партнерами не были!

— Конечно, это же все объясняет, в самом деле, и чего же я нервный такой?!

— Хватит орать в моем лесу! Всю живность мне перепугаешь! Да и потом, этот твой эксперимент гиблое дело, не сегодня так завтра все равно развалится, и надо быть совсем безмозглым придурком, чтобы этого не понимать!

— Это ты думаешь, что он развалится, а я так не думаю!

— Да открой ты глаза-то свои красноглазые, фарс это все и парад идиотизма! Как кучка играющих в неведому ересь людей может чего-то там изменить?! Я и так тебе подыграл в свое время, мог бы и спасибо сказать, а не истерики мне тут закатывать!

— Истерики?! Женья, ты издеваешься? Плохо мне. Понимаешь? Плохо мне, обидно, я верю в эксперимент, я в него верю, мне он важен, мне! А ты все поставил под удар, ты сейчас поливаешь эксперимент грязью, а мне он важен, а тебе похоже плевать что на меня, что на мое дело, у тебя только Фимка есть и лес твой дремучий! А я же... я же... — Гера всхлипнул, — так старался тебе понравиться, прилетал, ухаживал, слушал, тормозил, а... зря все!

— Послушай-ка сюда, крыса. Ты сам добровольно согласился на те условия, что я выдвинул. И не смей меня сейчас в чем-то упрекать!!! — Женья поднялся во весь рост и едва сдерживался, чтобы не сделать чего-нибудь опрометчивого. — Я. Тебя. Не. Просил. Прилетать ко мне! Не просил тюленей этих, не просил траву в пучке, и в горы ты меня сам вытащил! И не реви!!! Хватит мне тут реветь, меня это, да будет тебе известно, не трогает!!!

— Ты... ты... ты...

— Я, я, я. Да и потом, Герочка. Ты — лицемер. Да я просто диву даюсь от твоей

лицемерности! Но заметь, я ни разу тебе претензий не высказывал. Я даже подыгрывал. Мало тебе своих личных подопытных кроликов, так ты еще и к нам всю эту ересь тащи! Рольки, поиграем в рольки, я самочка, а ты самец — да тьфу! — окончательно разошелся Женья. Гера все так же сидел на траве, и на него даже не смотрел — отвернулся, носом уперся в плечо, зажмурился, а по ресницам обильно стекали крупные слезы; и на миг Женье показалось, что он что-то не то делает.

— А ты знаешь, — значительно осипшим голосом сказал партнер. — А меня ведь предупреждали. Ко мне сам Эн подходил и по-дружески советовал — Гера! Не хочу лезть не в свое дело, но — не связывайся. Не связывайся ты с ним. Но я же самый умный. Мне же самому проверить надо. Я же, безмозглый, голову потерял, влюбился. Да и мало ли, что там люди говорят, верно? А... самое обидное... что он прав был.

— В чем? — усмехнулся Женья.

— А в том, — Гера изволил встать на ноги и посмотреть лицо в лицо. Красные веки, красные зрачки, покрасневшее лицо — жалкое зрелище. — В том, Женечка, что ты — сволочь. Сволочь. Сволочь. Сволочь.

— Замол...

— Сволочь!!! Последняя сволочь на всей планете, самая сволочная сволочь из всех существующих сволочей!!!

— Заткни...

— Сволочь, мразь и конченная гнида!!!

— Заткнись! Заткнись и убирайся! Пошел отсюда вон!!!

— Конечно я уйду! И ноги моей здесь больше не будет!!!

— Вот и убирайся! — перед глазами все расплылось, а мышцы рук напряглись до боли. — Убирайся! Пошел вон, уходи, исчезни, проваливай, скройся с глаз моих, уходи, исчезни... скройся... вон... — голос сорвался.

Напротив никто не стоял. Гул гравиталета быстро заглох вдали.

— Я не сволочь, — смахнул слезы. — Разве я не прав? — спросил Фиму.

Она повела ухом.

— Сами они все сволочи. Все! Я, — подобрал камень. — Не, — швырнул его в далекий ствол. — Сволочь!!!

От истошного вопля перепуганные птицы взметнулись вверх на много километров вокруг. Фима развернулась и ушла. Тяжело дыша, Женья осмотрелся.

Опустил руки.

Вокруг темнело. А по телу разливался холодок — сегодняшнюю ночь придется спать одному. И следующую. И следующую. И следующую за следующей.

В голову закралась паническая нотка. Кабинет. Личный кабинет — Женья быстро зашел туда, пока его не заблокировали и не отправили в бан. Воспоминания, вот оно, то самое, второе, непросмотренное — открыл. «Придурок!!! Как ты умудрился прожить столько лет без мозга?!» — оглушил Женью его собственный голос. Он стоял и орал, злой, ладони в кулаки стиснуты, дрожат от негодования, но красивый, безумно красивый, искаженный через призму чужого восприятия в лучшую сторону.

«Ну и вали! Вали, вали, вали!» — вышел из воспоминаний, двумя прыжками забрался на дерево, встал у углубления-тайника, достал браслет — швырнул вниз, достал кусок бурой ткани, скомкал и выбросил, добрался до сложенного вчетверо листа — разорвал его, клочки полетели снежными хлопьями, с нарисованными кусочками его самого — тут рука, здесь

тщательно обозначенная голень, глаз и половина лица.

Слезы душили.

«Что же я делаю?» — схватился за голову, спрыгнул, пополз по листьям, шаря в них руками. Что-то жесткое и холодное — браслет. Схватил его, отправил в карман. Обрывки бумаги, и здесь, и тут, и вот еще — все собрал, отправил к браслету. А вот и ткань. Потянул за край — не двигается с места. На ней сидела Фима и внимательно смотрела на Женю.

— Фимуля, — всхлипнул он, протянул к ней руки, потрепал за ухом.

Впервые в жизни она не укусила. И не оскалилась.

Нет, это не радовало.

Вообще ничего не радовало.

Глава 13. Про то, как Саша с катушек съехал

Саша пытался понять, что с ним стало.

Ячейки клетки, в которую его заперли, слились и стали монолитной стеной, сквозь которую не просачивался даже самый крохотный лучик света. Безысходность. Постоянно орущий монстр. От беззубых десен и красного языка в недрах его рта передергивало. От одного вида непропорционального существа становилось плохо. Он высасывал все соки, выматывал, раздражал. Его хотелось кому-нибудь отдать, убрать с глаз долой, стереть с лица Земли и никогда не подходить ближе, чем на пару сотен километров. Все эти пеленки, подгузники, одни и те же действия с утра и до ночи, и ночью тоже, однообразные, рутинные, непрекращающиеся — сплошная серость, мрак и ад.

И зависимость. Раньше Саша и близко не представлял, как это, находиться в зависимости от кого-то другого. Он всегда мог полететь туда, куда хочется, тогда, когда хочется; мог исчезнуть на пару дней и появиться, мог сутками не выходить из дома, валяться в мягком уголке и спать. Спать. Спать. Спать до обеда, в обед, вечером и всю ночь напролет. И наорать на того, кто посмеет потревожить сон — и ощущать себя при этом правым.

А сейчас? Банально слетать за жизненно необходимой подкормкой — проблема! Сидеть и ждать, когда же партнер изволит явиться домой и даст добро на отъезд, что может быть хуже?! Особенно, когда ты его ждешь, ждешь, как солнца в пасмурную погоду, а он так и не появляется.

И это только начало.

А дальше что? Совсем исчезнуть? Тенью его стать? Постоянно о чем-то просить? О самом элементарном? Умолять приглядеть за монстром, чтобы банально помыться в тишине, не дергаясь на писк? Так ведь он и отказаться может!

Просить — это так низко!

И ведь раньше Кира не был таким. Или же был? Может, эксперимент виноват, и из-за новых правил партнер раскрылся с новой стороны?

Как понять, как разобраться?!

И никто и никогда не высказывал Саше претензий, не говорил, как и что надо делать, не напоминал по десять раз на дню, что «ты теперь выращиватель!» и «думать надо не о себе, а о ребенке!». Он возненавидел эксперимент, загнавший его в ловушку, возненавидел орущего ребенка, никак не мог вспомнить, что хорошего нашел в Кире и зачем с ним связался. Больше всего на свете ему хотелось сесть на гравиталет, послать всех подальше — и партнера, который отныне ничего, кроме отвращения, не вызывал, ребенка, глядя на которого в голову закрадывались страшные мысли — лицом вниз на песке монстр не сможет дышать, и умолкнет, навсегда! — организаторов, которые продумали хитрую клетку и пытаются его, ни в чем не повинного Сашу, и улететь, навсегда и далеко.

В зеркало Саша старался не смотреть. Глаза пугали. Погасли.

— Я сегодня человека спас!

— Тихо. Мэл спит, — не сразу очнулся Саша. С трудом вспомнил, кто он и что здесь делает. Голова гудела.

Протяжно зевнул. Погладил веточку Бени. Ну надо же, как нелепо получилось: восемь

лет фикус прекрасно рос, а сейчас, всего-то за несколько дней, завял и почти умер.

«Прямо как я», — подумал он.

— Это хорошо, что спит, — перешел Кира на шепот и подкрался ближе. Недвусмысленно обнял, погладил грудь. — Ух, как я тебя хочу!

— Отстань, — вяло отмахнулся Саша.

— Что значит, отстань? Сашенька, ну хоть, — и прошептал на ухо одно слово.

— Кира. Я же сказал. Отстань!

— Ах так, — партнер встал на ноги. — Ты уклоняешься почти неделю! А я взрослый самец, мне нужен секс!

— Ну так лети к этому, Дане, или к тому, как там его...

— А по правилам мой единственный партнер отныне ты! А из-за тебя я даже после работы разрядиться не могу! И вообще, я человека спас, а ты хоть бы что-нибудь сказал! — возмутился партнер. Громко возмутился. В спальне раздалось недовольное кряхтение, быстро перерастающее в крик — и одновременно с омерзительным звуком, похожим на предсмертный визг свиньи, в Саше проснулась злость.

— Я же сказал. Не ори! Мэл спит! — поднял он глаза на Киру. С трудом сфокусировался: от недосыпа перед глазами плавали темные круги.

— Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь. Я глава семьи отныне, и будь добр меня уважать! — вскипел Кира тоже. — И иди, успокой ребенка, чего он орет так?! И дай мне поесть, и приготовь чистую одежду!

— Чего-о-о?! — от возмущения Саша забыл все слова разом. — Чего-о-о?!

— Я пришел домой, я устал, я весь день в поте лица спасал Землю, а ты, Сашенька, все это время проторчал дома и палец о палец не ударил! Дома бардак, ребенок орет, ты на полу прохлаждаешься и даже не можешь меня нормально встретить!

— Да ты!..

— И успокой ребенка!!!

— Да я...

— Ты — неадекватный!

— Да заткнись ты наконец! — Саша встал на ноги. Покачнулся — все тело затекло, а в глазах потемнело. Большим пальцем провел по лезвию ножа, схватился за стену, чтобы не упасть. Пол в комнате качался. — Ты обещал прилететь в шесть. В шесть!!!

— Ты нормальный вообще?! То есть, из-за твоей феминной блажи я должен был оставить человека умирать?!

— Блажь?! Феминная блажь?! Беня из-за тебя умрет!!! — проорал Саша и помотал головой. Визг ребенка, перекореженное лицо напротив, лысый фикус, грязь, хаос — какой отвратный сон! Как из него проснуться?!

— Беня?! Это обычная трава! — Кира шагнул к горшку, схватил фикус за ствол и дернул на себя. Обрывки корней закачались в воздухе, в стороны полетели комья земли, горшок упал на бок и с грохотом по дуге откатился к стене. — Трава! И тебе не о траве надо думать, а обо мне и о ребенке!

То, что было партнером, швырнуло Беню на пол. Остатки листьев облаком вскружили по комнате и медленно осели на то, что осталось от любимого фикуса. Саша обомлел. Не верил собственным глазам. Но Бенечка на самом деле лежал у его ног, облезлый, жалкий. По корням сочились капельки влаги, а тонкие ветки извивались и царапали пол. Он умирал.

«Это не сон. Это кошмар!», — внезапно понял Саша. Медленно перевел взгляд на

монстра, ухмыляющегося напротив. Какое мерзкое лицо!

По боковому зрению померкло. От ярости подрагивали кончики пальцев, а ладонь так стиснула лезвие ножа, что на пол побежала струйка крови. Капли стучали — «кап, кап, кап», или же это отдавался пульс в ушах, было не разобрать. Тяжелый взгляд сконцентрировался исключительно на стоящей рядом твари, источнике проблем и его, Сашиных, страданий. С трудом удерживая равновесие, он шагнул вперед.

Убийца Бени побледнел и попятился назад.

— Саша, Сашуля. Ты сам меня довел! — заблеял монстр.

Вот только смысл произнесенных слов уже не понимался.

А после произошло такое, к чему жизнь Киру ну никак не готовила. Он догадывался, что, вероятно, не стоило трогать злополучный куст, потому что Саша на это отреагировал слишком уж остро. Партнер словно обезумел, хотя, не «словно», а на самом деле обезумел: его глаза налились кровью и неестественно выпучились, лицо с огромными темными кругами исказилось маской гнева, и он, шатаясь, двигался навстречу. Кире стало не по-детски страшно.

— Саша, ты порезался. Сашуля, у тебя кровь течет. Саша, ты нормальный, нет?! — попятился он назад. Казалось, партнер не понимает, что ему говорят, едва ли вообще хоть что-то слышит. — Саша! Очнись!

Спина уперлась в стену. Внезапно Кира осознал, что партнер не притворяется, а на самом деле ничего не слышит и не понимает. И ведь было бы из-за чего! Вот Саша медленно, как в приторможенной трансляции, отвел руку назад. Вот он прищурился, присматриваясь к его груди. Вот остановился, замер, вот окровавленная рука с зажатым ножом рывком подалась вперед.

И только сейчас Кира сообразил, что именно намеревается сделать партнер. Собообразил, но поверить в подобное не смог, потому что это было чем-то непостижимым, невероятным, потому что никогда и никому на всей планете и близко не приходило в голову, что человек может нанести физический вред другому человеку; потому что две аксиомы — помоги другому и не трогай другого — с младых лет прочно вбивались на подкорку. Потому что дети, не усвоившие элементарное и незыблемое правило, не могли получить статус взрослого человека. Потому что это в целом шло вразрез с устоявшейся картиной мира, с нормами морали и со здравым смыслом. Но вопреки всему прошивка Саши слетела напрочь — со свистом нож полетел прямиком в Киру. Годы упорных тренировок и безупречная реакция сделали свое дело — он машинально увернулся, и лезвие всего лишь чиркнуло по плечу, вонзившись в стену сзади.

Кира растерялся так, что некоторое время не мог пошевелиться. Бывало, он шел один на зверя. Бывало, лез в опасные места. Нередко рисковал, ходил по грани, но чтобы ему было при этом страшно — никогда. Тогда он знал, что и как необходимо делать, а сейчас — не знал. Маленький и хрупкий Саша, всегда послушный и удобный, сейчас олицетворял собой чистое зло: невменяемый и с красными глазами, непредсказуемый, он развернулся. Шатаясь, двинулся по коридору, к той комнате, где громко кричал Мэл — и Кира догадался, что, если он и дальше будет здесь стоять, то ребенок скоро умолкнет. Не так, как бы хотелось, а навсегда.

Опять на автопилоте — немедленно спасти другому жизнь! — Кира помчался в детскую. И вовремя: партнер переложил визжащего ребенка на взрослую кровать, сам

отошел, привычным жестом отвел руку, но не успел утихомирить Мэла — сильный толчок, и Саша отлетел к стене. Быстро, за считанные секунды, Кира схватил младенца, выскочил из комнаты, захлопнул дверь, заградил ее комодом; слышал, как партнер чем-то тяжелым бьет по окну. Стекло задребезжало.

Не соображая, Кира выскочил из дома. Ребенок посинел от крика и охрип, сердце колошматило по ребрам, а позади раздался звон — стекло разбилось. Бежать к гравиталетам, парящим с южной стороны нового дома, не вариант, примерно там и вылез Саша, куда тогда? Соседи! И в темноте, под шум ночного моря, прячась в прибрежных зарослях, Кира, как ветер, помчался в соседний дом. Как добежал и как попал вовнутрь — не помнил, очнулся уже там, за столом, с кружкой приторного настоя, вроде бы как, из валерианы.

— А Саша? — подался вперед Рома.

— А что — Саша?! Он убить меня хотел! Убить! Меня, ребенка! Вы понимаете? Убить! Ножом, как диких кабанов, прирезать! Живых людей!!! Да он, да он... с катушек съехал! Вы бы видели это лицо! Он ненормальный!

— Так не бывает! Люди не могут убивать людей! — Рома, как здравомыслящий человек, отказывался верить. Но факты были налицо.

— Так, Кира, тихо, все, спокойно! Всё позади. И что-то надо делать... Организаторы! Надо немедленно с ними связаться! — воскликнул Воля. Услышанное и его повергло в шок.

— Точно! Надо всех жителей предупредить, что Саша не в себе! А если что-нибудь случится?

— А я отправлю приказ ночной команде. Сашу надо поймать и обезвредить!

Участники хором прикрыли глаза. Уставились на два личных кабинета организаторов, открытые для них в любое время дня и ночи — один Эна, другой Геры.

«Свяжусь-ка с Эном. Гера, наверно, слишком зол», — подумал Рома.

«После того, что я наговорил, Гера меня вряд ли захочет слушать. Так, ладно. Эн», — решилсЯ Воля. Пробежался по кабинету Геры, посмотрел возраст, место жительства, список друзей — вышел, настроился на Эна.

«Так, Герунчик — это несерьезно. Однозначно, нужен Эн», — Кира уверенно отправил исходящую трансляцию.

А после минут пять участники, перебивая друг друга и иногда переходя на крик, вводили Эна в курс событий.

— Так. Понял. С меня массовая рассылка сообщения тревоги. Вам помощь не нужна? — едва удерживая самообладание, поинтересовался Эн.

— Нет.

— Не выходите из дома, пока мы не поймаем Сашу. И будьте начеку. Появятся новости — немедленно сообщите.

— Конечно.

Связь прервалась.

В окно заглядывала ночь. Светлая. Огромная луна плыла по небу. Участники переглянулись — спать не хотелось никому. Воля разлил по чашкам слабый раствор успокоительного с ванильным вкусом, все сели за стол и в напряженной тишине смотрели друг на друга.

Так странно. Вроде бы не в первый раз, а больно так же. Сейчас бы полететь к Эну, свернуться где-нибудь в уголке, и чтобы вокруг обязательно причитали и всенепременно уверяли, что свет клином на всяких там не сошелся, что обязательно все будет хорошо; чтобы горячим чем-нибудь кормили, гладили и жалели. Так, как обычно.

Но тогда придется рассказать причину. А как? Пока и думать об этом не получалось, подсохшие слезы мигом возвращались на место. В то же время и не думать не получалось. Вот что теперь делать? Как заменить участников? Они и так его, мягко говоря, недолюбливают, а теперь и вовсе презирать начнут. Они же все-таки живые люди, а не подопытные кролики, хоть и не чистые на руку. Да и ладно бы с ними, с участниками.

Как же мерзко!

Да сгорело бы оно все огнем!

Как, как самому встряхнуться и жить дальше? Кто вырезал из него кусок и выбросил, с какой скоростью нарастет новое мясо? Почему настолько паршиво?!

Проход до жилой части пещеры показался бесконечным. Кто и когда удлинил его раз в десять? Экран мигал в темноте, и короткими голубыми вспышками озарял своды. Кругом холод, ощущение, что всё умерло, тишина абсолютная.

Лень разводить костер.

Лень сидеть, ходить, стоять, но жизненно необходимо заняться хоть чем-то, чтобы отвлечься, прийти в себя, набраться смелости и связаться с Эном, выложить суть проблемы и вместе решить, что же делать дальше. И, главное — не думать о Жене. Не думать! Не прокручивать мысленно то, что он сказал, не вспоминать, как он при этом выглядел, прекратить смаковать густые, да чтобы их огнем спалило, брови и потрясающие и отныне недостижимые волосы, потому что...

Откуда-то всплыли чужие слова: «Да я лучше вырву свою печень и сожру ее, чем еще раз с тобой свяжусь!». Действительно, уж лучше без печени.

Хотя, неправда. Но ведь он мог хотя бы не давить на болевые точки? Извиниться? Признать, что был не прав? Так что ли сложно?

Взгляд зацепился за дельтаплан. Гера выдернул его из кучи хлама, вздохнул — штука недоработанная, с ее помощью получится только убиться, а не забыться.

Хотя, и сам хорош. Мог бы и молча улететь...

Экран слишком ярко мигает. Что-то с ним не то.

Гера подошел ближе и схватился за приспособление, как за спасительную соломинку. Расшифровка завершилась, а это значит, что на несколько минут получится отвлечься. Зашел в искомый файл, загрузил статистику, выждал несколько секунд и уставился на цифры и строчки.

С первого раза понять написанное не получилось. Глаза бегали по буквам, а мозг отказывался их воспринимать, они забывались сразу же. Тогда Гера сел, сосредоточился, и, пальцем водя по словам, прочел расшифрованное вслух.

И с каждой строчкой недавние события отодвигались на задний план, пока полностью не стерлись. Глаза расширились. Гера решил, что ему, наверное, показалось, ведь не может быть вот это все правдой; протер веки и прочел таблицу заново.

Но нет. Не показалось. По телу побежал мороз, словно его швырнули в прорубь. Невероятно, омерзительно, ужасно, но все на самом деле так и есть.

«Что же мы делаем? Чего я натворил?!» — ужаснулся он, скопировал данные, прикрепил пояснительную записку: «Немедленно прервать эксперимент!». «Пока не

поздно», — горестно додумал. Выбрал получателем Эна и уставился на зеленую кнопку.

Вот, собственно, и все. Хотел как лучше, а вышло... как там кто-то говорил? Парад идиотизма, фарс?

Люди врать могут. А числа, сухая выжимка из цифр, статистика — не может лгать.

Нажать на кнопку. Дать мысленный сигнал — и все. Вот так... еще немного. Вот сейчас — точно... хотя нет. Но надо. Просто нажать. Подумаешь, усилия последних пятидесяти лет пойдут насмарку. Подумаешь, участников придется расформировать, детей вернуть в дет-центр, публично признать перед всей Землей, что был неправ и затеял бессмысленное дело; всего-то из-за гиблого эксперимента разругался в пух и в прах с любимым Женькой и нажил себе врагов. Какая мелочь!

Нажать. Нажать. Нажать.

«Хватит прокрастинировать!» — собрался Гера. Заметил, что от слез перед глазами все плывет. Смахнул их. Настроился на кнопку. И...

Снаружи раздались чьи-то шаги: наст захрустел. «Женя?», — озадачился Гера, отправку сообщения оставил на потом, вскочил на ноги и выбежал наружу. Обогнул валун, всмотрелся в силуэт напротив, и медленно попятился назад.

Глава 14. Про капельку крови

— Саша? — оторопел и сильно растерялся Гера. Хотя то, что стояло напротив, меньше всего походило на того Сашу, что присутствовал на собрании пару дней назад. Тогда он был живой, растерянный, красивый, а то, что прилетело, пугало внешним видом. Круги под глазами заполонили все лицо, безумный взгляд, вращающиеся зрачки. Участник отчаянно зевал, и стоял на краю обрыва. Увы, не с восточной стороны, где он на днях скатился с Женей, а с юго-западной, где вместо склона шла крутая пропасть.

«А вдруг сорвется?» — застыла в жилах кровь.

— Сашенька. Саша. Иди ко мне, — несмело крикнул Гера. Казалось, участник не понимает смысла слов. Он медленно — наверное, от холода мышцы заledenели — достал из кармана нож. Метательный. Цельноостальной.

— Саша, отдай мне нож, — Гера шагнул ему навстречу. Что-то подсказывало, что участник прихватил его не для охоты.

— Не подходи ко мне! — пронзительно и громко завизжал Саша. — Ты, ты, это все ты! Это все ты придумал! Ты нас там всех собрал! Тебя надо убрать!

— Саша, послушай, — во рту все пересохло. Гера вдруг понял, что участник на самом деле не в себе. Вот он опасно покачнулся — Гера резко шагнул вперед, но нет. Все обошлось.

— Стоять! На месте! Ты самец? Самец ты или самка? Я не могу понять. Фемина или нет? Встань боком. И разденься. Зачем ты это все устроил? Так ты самец? Самец? Самец? — как заведенный, затараторил Саша. От страха Гере получалось лишь моргать. — А мне уже неважно. Тебя надо убрать, и я проснусь.

Еще шаг ближе. И тут Гера увидел кровь на руке Саши. Сбоку на платье. Окровавленный подол, из-под которого выглядывали синие ступни. Неотправленное сообщение стучало в голове. Прервать эксперимент — пока не поздно. А Гера смотрел на Сашу и понимал, что не успел. «Поздно» сменилось на «уже».

«Что я наделал?!» — на грани паники Гера шагнул еще вперед.

— Я же сказал — стоять! — заорал Саша.

Гера открыл рот, чтобы сказать, что больше нет эксперимента. Что Саше можно лететь домой, спать сколько хочется, и никогда не подходить к младенцам, ему хотелось извиниться, сделать хоть что-нибудь, но...

Свист. Удар. Хруст межреберных хрящей, бульканье — воздух, смешанный с кровью, вышел из легкого. Скосил глаза вниз — рукоять торчала в сантиметре справа от грудины, вокруг быстро росло красное пятно. Где-то там рядом бешено ухало сердце, а Гера прислушивался к себе, чувствуя, как стремительно слабеет — не задета ли аорта? Как долго он сможет простоять? Можно ли выдернуть нож, или так станет только хуже?

— Ты вообще не человек! — сквозь плотный туман в голову закрался гулкий голос. Гера поднял на него взгляд, едва различил мутный силуэт. Ноги подкашивались. Кажется, аорта все-таки задета.

— Ты — монстр! Чудовище! — фигурка попятилась назад. Назад!

— Са... — Гера закашлял. Он с радостью бы объяснил, что просто не чувствует боли, но что ему на самом деле очень плохо и он скоро обязательно умрет, предупредил бы Сашу об

опасности, но с кровью, булькающей в глотке, не получилось говорить. Алые брызги окрасили снег в крапинку, кашель душил, остановиться не получалось, и, наверное, со стороны он и правда походил на редкостного монстра.

— Монстр, ты монстр, бесчеловечный, жуткий монстр! — продолжал визжать участник. Из последних сил Гера подался вперед.

Наверно, зря. С истошным визгом Саша отскочил назад, и... резко исчез с обзора. Гера не сразу понял, что произошло. Кашляя, под затихающий вопль, который, однако, еще долго отдавался эхом что в голове, что в горных пиках, он рухнул на колени. Пополз к обрыву. Метрах в пяти обмяк, царапнул наст ногтями, закрыл глаза и, за мгновение перед тем, как окончательно забыться, вспомнил, что до сих пор не послал сигнал тревоги, а перенастроить чип, конечно же, забыл.

— У вас без происшествий?

— Нет, — хором ответили Рома, Кира и Воля. — Его нашли?

— Разыскиваем, пока безрезультатно... а Гера не у вас?

— Гера?

— Да, Гера. Мне не получается с ним связаться. Он кабинет зачем-то отключил. И Саша тоже. Так он у вас?

В ответ Эн ничего не услышал.

— Вы ведь его предупредили? Предупредили, да? Скажите, что он в курсе!

— Ну, как тебе сказать... — промямлил Рома.

— Ребят, ну как же так? — раздосадованный Эн прервал трансляцию. — Все, я так больше не могу. Да чтобы я еще раз взял на себя эту ношу, все население, как дети!.. Так, Вэра, быстро всем сюда! Оперативников направьте к пещере Геры. Туда же медиков. Ну быстро, быстро!

— С чего ты взял, что именно туда?

— Он никогда, ни разу от меня не закрывался. А сейчас его кабинет исчез. Ты понимаешь, что это значит? Понимаешь? А ведь он чип наверняка так и не перенастроил, он же самонадеянный и самый умный, да чтоб его!.. А если поздно? Вэрочка, а если уже все?

— Ну Энчик, держись. Найдем мы твоего Геру. Найдем, и он тебе еще крови не один литр попьет.

— Честно?

— Конечно. Ну же, леопардик, не реви. Все будет хорошо. Ребята! Срочно тащите успокоительный раствор! — в сторону проорал Вэра. — Эннуля. Смотри на меня. Сейчас мы найдем твоего Геру. А потом все полетим в тайгу. Забудем эти планетные проблемы, будем ползать по болоту и собирать морошку. Заблокируемся, само собой, от всех, чтобы никто не отвлекал. И клюкву соберем. Полное ведро! И если ты опять выдвинешь свою кандидатуру, то голосовать я за тебя больше не буду. И всех подговорю, чтобы никто не голосовал. И будешь ты сидеть дома, и ягоды сушить. Понятно?

Под размеренную болтовню, со всех сторон обнятый, с кружкой теплого настоя — не сладкого, как он любил — Эн молча кивал и делал вид, что, конечно, согласен с теми глупостями, что отовсюду сыпались, и старался улыбаться, чтобы не расстраивать партнеров. А на душе скребли огромные коты, и в благополучный исход он, при всем желании, ни капельки не верил.

А Женя никак не мог уснуть и мысленно искал плюсы от отсутствия партнера. Насчитал около пятидесяти, что в несколько раз превышало количество плюсов от его наличия. Однако радостнее на душе почему-то не становилось. Возможно, связано это было с тем, что ветка, которую он обнимал, чтобы не свалиться с дерева, не шевелилась. А еще она была прохладная, а не теплая. И не разговаривала. А, возможно, виной всему были сообщения, которые он попутно просматривал, чтобы хоть на что-то отвлечься. И там, в длинном списке из восьмисот с чем-то сообщений, около сорока отправлял Гера. Обычные «Я скоро буду», «Что-нибудь привезти?», средней общности — «Доброе утро!», «Солнце, а почему ты мне не отвечаешь?», и совсем необычные — «Раз ты все равно не читаешь, тогда: к обеду связаться с Эном, составить доп. инстр. для п№ 2, прочистить солн. батареи, незаметно потыкать в Фиму палкой».

«Паразит», — горестно усмехнулся Женя.

Пока он просматривал список, пришло еще два сообщения. Одно с полчаса назад, другое — только что. И поначалу они, само собой, отправились в папку к непрочитанным. А после Женя сообразил, что, вообще-то, уже ночь. А все спецслужбы присылают напоминания в дневное время. Следовательно, писали не они.

«Гера?» — быстро вернулся в начало списка. Увы, отправителем значился не он. Обычная массовая рассылка, с красным заголовком — что-то важное.

«Ну чего там могло произойти?» — с такими мыслями открыл первое сообщение. Прочитал. В благожелательной манере текст советовал всем землянам быть начеку, потому что один из участников эксперимента, а конкретно Саша, в состоянии нервного срыва покинул дом и исчез в неизвестном направлении. При обнаружении человека рекомендовалось самостоятельных действий не предпринимать, а немедленно обратиться в оперативную службу Земли. В конце стояло типичное пожелание Эна — «Берегите себя».

Заинтригованный Женя перешел ко второму сообщению.

«Земляне!

Сбежавший участник, а также один из организаторов эксперимента, в тяжелом состоянии доставлены в центральный медицинский центр. По предварительным данным, одного из них спасти не удалось. Более подробные сведения...».

Женя протер глаза и резко сел на ветке. Прочел сообщение еще раз.

«Земляне!

Сбежавший участник, а также один из организаторов эксперимента...».

Один из организаторов эксперимента.

Одного спасти не удалось.

В груди кольнуло.

Он не заметил, как спрыгнул с дерева и, не сверяясь с картой местности, напролом помчался к гравиталету. Женя прекрасно понял, что второе сообщение отправлял не Эн — не его манера письма, нет слова «дорогие» в обращении, нет пожелания «беречь себя» в конце, никаких подробностей, конкретики, имен — а он всегда писал кратко и по делу — и, теоретически, пострадать мог и верховник. Более того, он был бы страшно рад узнать наверняка, что пострадал именно Эн, а не... другой организатор. На бегу Женя просмотрел список доступных личных кабинетов — Герин пропал. Или заблокировал, или, или, или... дальше не получалось думать, сознание отталкивало возможный, очень страшный, вариант.

Семиминутный полет казался слишком долгим. И еще издали, во время торможения, Женя тихонечко завыл. Припал к прозрачной стенке, с силой вцепился в дно. Надежды не

оправдались: он видел кровь, кровь, всюду кровь — огромное пятно недалеко от выхода пещеры, полоса крови, как будто кто-то полз; все в пятнах у подножия горы, там, где из земли торчали валуны и камни. Контрастный алый цвет на белом фоне, хорошо видимый в свете луны. И если бы он попытался вспомнить, из-за чего вечером у них произошел конфликт, не смог бы — все вылетело напрочь. Не соображая, что делает, Женя вывалился из гравиталета, дополз до окровавленного снега, достал пробирку из кармана и зачерпнул хрустящий материал с любимым ДНК — «Я выращу себе его глаза!».

Опять заполз в гравиталет, спустился вниз, к подножию горы, забил еще одну пробирку снегом. Два вида крови, одна темнее, другая со свекольным оттенком. Какая именно его? «Я дома разберусь!» — подумал Женя. Заметил, что пальцы, держащие пробирки, синеют.

Трясло. От холода. От страха. От всего.

Глава 15. Про регресс, прогресс, летучих мышек и кольцо из чистого граната

— Рома, ты прекрасен, — ахнул Воля.

Партнер стоял напротив такой же, как всегда. Те же кудряшки, свободные бриджи песочного цвета, два шарфа, наискосок перекинутые через плечо. В одном спал Мэл, в другом — Валя, оба в розово-голубых костюмах. Так вышло, наверное, случайно, что с одним ребенком в комплекте шла розовая одежда, а с другим — голубая. Дико довольный Рома, которому очень шли дети, светился от счастья и кивал головой — да, мол, я прекрасен, смысл отрицать очевидный факт?

— Ты лучше Расскажи, как все прошло.

— О, — Воля картинно закатил глаза. — Чудесно. Мне пришлось заламывать руки и давить окружающим на совесть, уповать на то, что мы подобного не заслужили, что у нас эта, как там ее, травма! Моральная. Я даже слезу пустил! — гордо сказал он.

— Ты — лучший актер в мире! А Гера там был?

— Ага. Его Эн за ручку привел. Он поддакивал, говорил, что это и правда будет несправедливо — сначала дать нам детей, а потом отобрать. Вяло, правда, но поддакивал. Какой-то он все еще никакой. И мы устроили голосование, на введение альтернативного способа выращивания детей.

— Да-да. Я получал опросник. Проголосовал «за».

— И точно так же проголосовало более восьмидесяти процентов людей!

— Серьезно?

— Да!

— То есть, мы остаемся?!

— Ага!

— И нам не надо транслировать и соблюдать тот бред?

— Нет!

— А в детском центре что сказали?

— Сказали, что мы отлично справляемся, и спросили, не желаем ли мы взять еще парочку детей.

— Ах-ха-ха, — счастливо рассмеялся Рома. Тут же прикрыл рот и скосил глаза на малышню — не проснулась ли? Но нет, спала. — А ты им что сказал?

— Что мы подумаем. Так, тихо, кто-то стучит... А-а-а, Женя, ну чего ему еще? — Воля прикрыл глаза. — У? Да пользуйся, конечно. — Открыл глаза. — Так вот...

— Что он хотел?

— Лаборатория ему нужна. Моя. Говорит, в его недостает оборудования и парочки материалов.

— А. Так что ты начал говорить?

— Про те правила. Ромочка, знаешь, я их все перечитал, и мне некоторые понравились. Не правила, а скорее милые обряды, — он достал из кармана маленькую блестящую штучку, случайно выронил, сел на колени, зашарил на полу рукой, нашел, сдул пыль и, не вставая на ноги, поднял глаза на Рому. — Так вот, Ромочка. Ты только не смейся! Я сейчас попытаюсь один обряд воспроизвести. Не смейся! — партнер всеми силами держал серьезное лицо, а

ямочки на щеках его выдавали. — Это правда милый обряд, — он протянул на распахнутой ладони колечко. Выгравированное из чистого граната. Беспольный материал, зато он красиво переливался в лучах солнца. Настроился. Улыбнулся. — Рома, выходи за меня замуж! А колечко надень, в знак согласия.

— Э-э-э-э... — озадачился партнер. — А в чем смысл?

— Ну Ро-ома, — вздохнул Воля и лбом несколько раз стукнулся по животу Ромы. — Понимаешь. Я сам до конца не понимаю. Но тебе надо сказать «я согласен». А кольцо, оно как символ. Ну, что мы друг друга любим и что нам нравится друг с другом жить. А еще мне очень приятно будет, если ты его наденешь. Буду смотреть, и радоваться.

— А-а-а-а. А вот так понятно, — партнер озадаченно почесал кончик носа. — Давай, еще раз.

— Хорошо. Рома! Солнышко мое. Выходи за меня замуж!

— Я согласен, — предельно серьезно ответил партнер, взял кольцо, надел на палец, просветил на солнце и широко улыбнулся. — Ты знаешь, и правда. Здорово так. Мне понравилось. Я тебе потом тоже кольцо закажу, и обряд проведу.

— И мне понравилось, — Воля поднялся с пола и продолжил говорить, с видом знатока: — Но ты имей в виду, раньше были муж и жена. Я муж, а ты жена. И ты должен будешь сказать не «замуж», а «зажены».

— Понятно. Я запомнил. А материал кольца, пусть будет бирюза!

— Да-да! Она идеально сочетается с моими глазами!

Настолько огромного облегчения Женья не испытывал с того самого момента, когда неожиданно для себя прошел тест на взросление, набрав допустимые сто баллов. Визг радости от личного гравиталета, первый самостоятельный полет, перспективы-возможности и никаких докучливых сопровождающих — что может быть лучше?

Как оказалось, может. Третье за ночь сообщение, с подробностями, кто именно пострадал, кто выжил и что же, собственно, случилось. Волшебное сообщение, которое тут же переместилось в папку «важное», чтобы перечитывать его потом и каждый раз опять испытывать то чувство: смесь счастья, легкости, душевного подъема.

Живой. Просто, не умер.

Правда, Гера личку так и не открыл. Хотя Женья знал точно, что он покинул медицинский центр на второй день. Знал, что ему перелили больше литра крови. Об этом знала вся планета, потому что Эн выкладывал подробный отчет в своем кабинете. Вечером второго дня он полетел в пещеру Геры, но не успел его застать. Снаружи выпал свежий снег, надежно спрятав пятна крови. Внутри на полу лежали обломки внешнего экрана, дрова в камине истлели, а в куче хлама явно чего-то не хватало — она уменьшилась.

Женья прождал его до ночи, бесцельно слоняясь по длинному проходу, не дождался, и ни с чем полетел домой.

На следующий день Гера опять не объявился.

На третий нервы Жени сдали. Он напряг память, пытаюсь вспомнить: кто был указан первым в списке близких друзей Геры, куда он заглянул ровно один раз? Ну конечно, Эн!

Верховник был в тайге. Опять-таки, координаты он выложил в кабинете, а возможность транслировать ему полностью отключил на пару дней, наверное, решив, что если кому-то очень надо, тот лично прилетит. А Жене было очень надо. За три дня он так себя накрутил, что не мог нормально работать, есть и спать. Ему почему-то казалось, что после того, что

случилось, Гера однозначно пребывает не в себе. Да еще и склонность к аутоагрессии, чтоб ей неповадно было. Мало ли, что могло ему в голову прийти. А если за ним присмотр нужен?

Главная же причина крылась в том, что он ужасно соскучился. Просто, невыносимо. Хотелось посмотреть на него еще раз, потрогать, может быть, даже обнять, сквозь пальцы волосы пропустить — тонкие и мягкие. Если, конечно, он позволит. А если нет, то что ж. Партнерство держится на добровольном согласии всех участников, один не хочет — партнерства нет. Хотя сейчас все эти Фимы, Воли, эксперименты и прочая чушь, из-за которой они так некстати поссорились, казались незначительнейшей ерундой, и Геру он по-прежнему считал партнером.

Почему-то Женя пребывал в уверенности, что Гера находится с верховником, но на грязном болоте был только Эн и четверо незнакомых людей. Все бродили с ведрами и собирали ягоду, похожую на малину, но желтого цвета.

— Ну зачем ты оставил свои координаты? — недовольно пробурчал один из незнакомцев, когда Женя выбрался из гравиталета.

— Ну я же не могу просто взять и исчезнуть, — начал оправдываться Эн. — Ж-женя?

— Есть разговор, — он сразу перешел к делу.

Эн громко сглотнул и непроизвольно попятился назад.

— А так ты чего, собственно, хотел?

— Энчик, — Женя шагнул вперед, уставился в его лицо, повел бровью — верховник растерялся еще больше. — Так где он?

— Ах-ха-ха, — ответил Эн.

Красивое место. Горы, обрыв и длинный скалистый выступ, похожий на язык. Река внизу, отсюда она казалась тонкой голубой веревочкой. Облака. Белые. Бескрайний лес по горизонту. Тепло, но не жарко.

Как же тошнит от незнакомых мест!

От волнения спина вспотела. Женя спрятал руки в карманы и тихо подкрался к маленькой фигурке. Поникший Гера сидел на корточках и задумчиво смотрел вниз, крутил в руке браслет из металла, а рядом с ним стояла штука, та самая, из пещеры. Дельтаплан. Недоработанный. С таким прыгать — только убиваться.

Женя молчал. Ему столько всего хотелось сделать, но это было тогда, когда Гера на виду не сидел, а сейчас он мог только стоять и улыбаться. Его волосы шевелились от ветра, а позвонки выпирали сквозь одежду; их бы потрогать, пальцами, последовательно и тщательно, ведь столько искал, так грезил об этих позвонках! Сказать бы что-нибудь такое, значимое, доброе — а ничего на ум не приходило. Но не стоять же молча?

— Выброси эту штуку, — решил Женя.

— С чего бы? — вяло отреагировал партнер.

— С того, что ты на ней убьешься.

— Да ладно, — он медленно встал на ноги. Правда, лицом не повернулся. — Ты посмотри на меня. Я же весь в шрамах! И со мной никогда и ничего не случается. Я как бессмертный.

— В шрамах, ага, — Женя шагнул к нему, провел ладонью по бедру. Сквозь тонкую одежду отчетливо выпирали жесткие рубцы — от них по коже бегали мурашки. — Вот этот помнишь? Это мы познакомились.

— А этот, — он оголил плечо, — я тебя в гости затащил.

— А где ты Фиму гладил?

— Вот, — поднес к лицу Жени палец. Совсем крохотный рубец. Ему пришлось встать передом, и теперь Женя смотрел в красные опухшие глаза.

— Ты как?

— А как я могу быть? — быстро отвернулся.

— Ну же, крысенок, — не удержался, обнял его спины. И ненавязчиво отвел подальше от обрыва. — Так хорошо, что я тебя нашел.

— Эн поди выдал? — Гера совсем не сопротивлялся.

— А кто же еще? Выдал, сказал, что если я тебя расстрою — то он лично меня из-под земли достанет.

— Мне приходится каждые двадцать минут слать ему отчет. Где нахожусь, что делаю. Волнуется. А по-хорошему, за меня не волноваться надо, а... не знаю. Отвернуться, презирать.

— Да ну с чего ты взял?

— Не притворяйся. Я столько дел наворотил, что их просто невозможно исправить. И я... и я... пусти меня, — объятия пришлось разжать. Гера осел на землю, сдавил виски. — Я правда думал, что ты не станешь меня искать. Что все, конец, что я все окончательно испортил, а ты пришел.

— А вот сейчас я буду тебя ругать. Ты зачем закрылся? Ты понимаешь, что я за тебя боялся? Работать не мог, спать не мог, искал, да я за три дня пять раз вылетел из леса! Ты понимаешь? Пять! Пять раз, а он закрылся! — повысил Женя голос. Тут же спохватился: — Ладно, прости. Гера, не плачь.

— Да-да. Я помню. Они тебя не трогают, — спрятал лицо в ладони.

— На самом деле, трогают. Я просто так тогда сказал. Не думая. Крысенок, все будет хорошо.

— Да как все будет хорошо? Саша погиб, и по моей вине, это я его убил, ты понимаешь, я!

— Нет, не так. Нелепая случайность.

— Случайность? Да это я эксперимент организовал, я отмахивался от его жалоб, я продавливал его, а он же молодой еще, красивый, и так вот, нелепо, все. А ведь ему бы просто поспать, ты понимаешь — банально выспаться, и все бы было хорошо, а мы смотрели, как он постепенно сходит с ума, и масла подливали. Ты понимаешь? Хуже зверей. Я хуже зверя, а выгляжу, как человек. Безмозгая скотина. Ну как? Как можно было не заметить, что человеку плохо? У него же лицо, как у покойника, было — такие кружищи под глазами, а я смотрел и...

— Ш-ш-ш, Гера. Хватит.

— И ты был абсолютно прав. Я же хотел, как лучше, думал, прогресс настанет, человечество расцветет, а никаких инстинктов нет, среда токсичная и...

— Эх, Герка. Глупый ты. Ну какой прогресс? Вернуться в прошлое — регресс. Вот что-то принципиально новое — прогресс.

— Тебя мне надо было слушать, — шмыгнул носом. — А помнишь ту статистику? Я как ее открыл, сразу о тебе подумал. Жень, там, там такое было! Помнишь число, семь с половиной миллиардов? Это их столько тогда было. Людей.

— Семь миллиардов?!

— Семь с половиной. Даже чуть больше. И примерно по сто сорок тысяч — тысяч. Жень! — в день их умирало. Но это мелочи. Знаешь, что самое страшное? Что среди этих ста сорока тысяч более тысячи убили сами люди, три с половиной тысячи человек они же задавили транспортом, а около двух тысяч убили себя сами. И войны — ты знаешь, что такое войны? Не знаешь? Так вот лучше тебе не знать. Ты понимаешь? Они друг друга убивали, пачками, давили насмерть, жили так плохо, что убивали себя сами! А угадай, что было в том процентном соотношении? Там сравнивали количество убийц-самцов к убийцам-самкам. Ты знаешь, в чью сторону был обалденный перевес?

— Не знаю. И знать, честно, не хочу.

— А чего мы хотели? Если вот так, с рождения, людей давить под подготовленные роли, то...

— Да хватит, Гер. Я больше ничего знать о предках не хочу.

— А еще...

— Крысенок, все, — чтобы возбужденный Гера перестал говорить вслух неправдоподобные кошмары, Женья зашел к нему спереди, сел, подтянул к себе — лицо уткнулось в плечо, и так он замолчал. — Это все в прошлом. А мы здесь и сейчас, и мы не дикари. Все будет хорошо.

— Не будет.

— Будет. Я обещаю.

— Эх, Женька...

— И ты мне тоже кое-что пообещай.

— Чего?

— Во первых, ты не будешь больше закрываться. Во-вторых, столкни ту штуку вниз. И в третьих, отныне каждый вечер ты будешь ночевать со мной. Не знаю, как ты это сделал, но один я бодрствую ночью и ужасно хочу спать.

— Э-эй, ты чего, хорошо спать — залог здоровья! Все, понял, — партнер смахнул последние слезинки и вроде бы как немножко повеселел. — Ночевать у тебя, открыться, а дельтаплан пойдем вместе столкнем.

— Смотри, как здорово летит, — сказал он же минуты две спустя. Они стояли на краю обрыва, держались за руки и смотрели вниз. На душе было светло и хорошо. Штуковина и правда парила красиво, по спирали спускалась вниз и терялась в туманной полупрозрачной дымке. Наверное, упадет в реку, и там утонет. — Летит, как мышь. Летучая.

— Скорее, как летучая лисица.

Прошел год и две недели. Женя стоял у инкубатора и всматривался в мутную зеленую жидкость. Не в первый раз, а волновался так, как никогда. Детский центр он предупредил, минут через десять должны были нагрянуть сотрудники, и следовало поторопиться. Они, конечно, удивились, что так рано, но объяснять Женя ничего не стал. Бросил короткое «Неважно!», и прервал связь.

Год и две недели. А ведь если бы на то, чтобы наладить контакт с Арой, ушел не месяц, а день-два, то все бы кончилось гораздо раньше. Но нет. Ара же гордый. Его пришлось выслеживать, сталкиваться лицом к лицу, а он не хотел разговаривать, разворачивался и уходил, шипел что-то через зубы. Тогда Женя перешел к запасному плану, очень непростому — банально извинился. Потом еще раз. И еще. Раза так с пятого лед тронулся, и Ара соизволил выслушать его.

Вдвоем процесс пошел быстрее. Как хорошо, что он догадался сохранить тот кровавый снег в пробирках, и как же хорошо, что в лаборатории Воли хранилось так много нужных образцов! Все под рукой. Делай, что хочешь.

«Удачи!», — тепло пожелал бывший наставник, когда прощался пять месяцев назад. Список близких друзей пополнился пунктом номер два.

И вот, час икс. Плод вырос.

Стандартная схема: включить насос, внимательно отслеживая показания жизнедеятельности плода, в нужный момент откинуть створку, достать, прочистить рот, завернуть в полотенце.

Ребенок кричал. Здоровый, абсолютно. Светло-русые волосы, они казались темнее, чем есть, из-за того, что были мокрые и прилипли к голове. Огромные глаза и длинные ресницы. Мелковатый, всего два килограмма и двести грамм. Женя держал его на вытянутой руке и крутил в воздухе, пытаясь понять, как бы половчее закутать младенца. Он делал подобное много раз, и проблем никогда не возникало, но у всех предыдущих детей не было крыльев, бери и заворачивай; а у этого удлинённые локти сильно выдавались за спину и мешали. Тогда Женя просто обернул нижнюю часть тела ребенка до уровня подмышек, и прижал его к себе. Передом. В вертикальном положении. Да, взять ребенка так, как обычно, опять мешали крылья.

Большие.

С плотными кожистыми складками. Сквозь них просвечивали вены.

Младенец бессознательно взмахнул ими, и потоком воздуха повалило пару пустых пробирок на столе. Женя улыбнулся. Проверил рефлекс — положил палец в ладонь малыша, которой и заканчивались с любовью спроектированные крылья — она сжалась. Работает. Этот человек, новейший человек, всем на зло сможет летать. И он — не разобьется.

— Глупый. Ты же не в воде. Дышать надо легкими, — с непривычной для себя нежностью умилился Женя. Жаберные щели за ухом ребенка трепыхались, пропуская через себя воздух. — Совершенство, — погладил младенца по спине.

Он слышал, как снаружи приземлился гравиталет. Слышал, как кто-то вошел и встал позади. Поворачиваться лицом не спешил. Все замерло внутри, вот он, решающий миг; смесь отчаяния, злорадства и какой-то горечи поднялась из глубины души. Женя поднял глаза на

потолок, посмотрел на тусклое солнце. Облачно.

Пора.

— Держи, — он развернулся и передал ребенка сотруднику дет-центра.

О, надо было видеть его лицо! Как будто мертвые восстали из пепла и выстроились в ряд, хотя, наверное, и тогда Рэй так сильно бы не удивился. А сейчас он выпучил глаза и отступил назад, всплеснул руками и начал заикаться:

— Ч-ч-ч-ч-что эт-т-т...

— Ребенок же. Держи, — силой вложил младенца ему в руки.

Рэй вдохнул. Выдохнул. Чуть-чуть пришел в себя.

— Женя, ты... ты что наделал? Женя вот это — что?!

— Клон Саши. Почти идентичный. Так, кое-что встроил.

— Женя, ты... ты... я буду вынужден... подать заявку... на отстранение тебя! — работник вертел в руках ребенка. Не мог понять, как его взять, так, чтобы крылья не сдавить.

— Не утруждайся, — шагнул к нему и с удовольствием выдохнул в лицо. — Пошел ты. Да пошли вы все. Я сам оставлю пост. Все необходимые расчеты — на столе.

Он развернулся и с гордым видом вышел. Снаружи присел на корточки, всмотрелся в заросли.

— Фима, Фимочка. Иди сюда. Мы улетаем.

Лиса послушно подошла. Женя взял ее на руки, с плохо скрываемой тоской оглядел лес. Включил трансляцию, зафиксировал его на память. Подогнал гравиталет. Взлетел. Покружил над кронами деревьев, после разогнался и исчез вдаль, а через семь минут и двадцать три секунды спрыгивал в холодный снег.

Лиса уткнула мордочку в густой мех черного жилета.

Гера, наверное, уже все знал. Конечно. Наверняка такую новость разослали моментально. И теперь он топтался у валуна и прижимал руки к груди, с видом, как будто вот-вот, и заплачет. Женя поморщился — сейчас начнутся речи. Почему люди не могут без этих пафосных речей?

— Помнишь того ребенка? С собрания. Помнишь, что он говорил? — непринужденно сказал Женя. — Если мы построим человеку крылья, он не разобьется. А если жабры — не утонет. Если повысим теплообмен, как у тебя примерно, он не замерзнет. Идеальное, почти бессмертное существо. Зерно посеяно. И скоро прорастет. Уверен, как всегда за новшество проголосуют более восьмидесяти процентов, они ж не глядя отвечают «да». Первый удачный организм уже прошел все тесты. Как думаешь, так смертность снизится? Ты как считаешь, это — прогресс?

— Женька, — глаза партнера горели неопишуемым восторгом. Голос дрожал.

— Ты же всегда хотел, чтобы люди летали, так вот, будут летать. На крыльях, аналогичным крыльям летучей мыши. Все, как ты любишь.

— Женя!..

— И Саша будет жить. Не совсем он, личность клонировать я не умею, но, отчасти — все-таки он.

— Я так тобой горжусь!..

— Всех нас переживет. Хороший получился клон.

— Женя-я-я, — слезы. Опять слезы. Да сколько ж можно!

— И надо разгрести тот хлам в углу. Устроим что-то вроде сада. Так, пару елочек, березку. Фимуле надо как-то привыкать, без леса... — Гера быстро шагнул вперед и ребром

ладони провел по его глазам, чтобы слезинки не успели замерзнуть. Потом обнял. — Я, это, — шмыгнул в светлую макушку. Руки непроизвольно нервно сомкнулись. — Это, того... я, в общем, жить к тебе приехал.

— Живи, конечно, — всхлипывая, согласился он.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net